

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Анна А. Зализняк (Москва), И.Л. Микаэлян (Питсбург), А.Д. Шмелев (Москва). Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары.....	3
А. Донабедьян (Париж). Неоформленный субъект в западноармянском языке – к вопросу о неаккузативности.....	24
И.Ф. Рагозина (Дубна). Контрфактическое объяснение в ирреально-условном предложении (на материале русского и французского языков).....	46
Е.В. Урысон (Москва). Составные союзы <i>a to</i> и <i>a ne to</i> : возможности семантического композиционного анализа.....	61
Ф.И. Рожанский (Москва). Ижорский язык: проблема определения границ в условиях языкового континуума.....	74

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В.Д. Соловьев (Казань). Типологические базы данных: перспективы использования.....	94
А.Д. Палкин (Москва). М.М. Бахтин в работах японских ученых.....	111

Рецензии

Е.Г. Борисова (Москва). Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского.....	120
Н.С. Бабенко (Москва). <i>Е.Р. Сквайрс, Н.А. Ганина</i> . Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета: Каталог. Материалы и исследования.....	122
Д.В. Сичинава (Москва). <i>R. Aranovich (ed.)</i> . Split auxiliary systems.....	126
Э.А. Толпина (Гёттинген), Т.В. Скулачева, М.В. Буякова (Москва). <i>E. Kelih</i> . Geschichte der Anwendung quantitativer Verfahren in der russischen Sprach- und Literaturwissenschaft.....	133
К.М. Корчагин (Москва). <i>N. Fabb, M. Halle</i> . Meter in poetry. A new theory.....	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

Н.В. Сердобольская (Москва). Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий.....	147
С.А. Оскольская, С.С. Сай (Санкт-Петербург). Круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы».....	153
Е.Г. Борисова (Москва). Конференция «Понимание в коммуникации».....	158

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *Н.В. Вострикова, О.А. Казеннова, М.М. Маковский, Г.В. Строкова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2010 г. АННА А. ЗАЛИЗНЯК, И.Л. МИКАЭЛЯН, А.Д. ШМЕЛЕВ

ВИДОВАЯ КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: В ЗАЩИТУ ВИДОВОЙ ПАРЫ

Понятие видовой пары является одним из центральных понятий русской аспектологии, вокруг которого, однако, не прекращаются споры, вплоть до сомнений в его необходимости. Делаются утверждения, что в некоторых случаях удобнее оперировать не понятием видовой пары, а понятием «аспектуальной тройки» [Храковский 2005], а иногда понятие видовой пары объявляется устаревшим и предлагается вообще отказаться от него в пользу понятия «видового кластера» [Janda 2007].

Развивая взгляд на русскую аспектуальную систему, изложенный в наших работах [Зализняк, Шмелев 2000; 2001; 2004; Гиро-Вебер, Микаэлян 2006], мы хотим обсудить аргументы, порождающие эти сомнения, чтобы, обнаружив их слабые места, реабилитировать понятие видовой пары¹.

В данной работе мы широко используем появившуюся в последние годы возможность тестирования интуиции исследователя с помощью данных словоупотребления в языке русского Интернета, которые отражают реальную языковую практику носителей русского языка.

1. ТОЖДЕСТВО ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЧЛЕНОВ ВИДОВОЙ ПАРЫ

Ключевым для теоретического и практического описания русского вида является представление, согласно которому видовую пару образуют глаголы, имеющие тождественное лексическое значение и различающиеся только видом. Это представление разделяется практически всеми аспектологами и иногда формулируется в явном виде (см. [Маслов 1984: 27; Падучева 1998: 35; Guiraud-Weber 2004: 24] и др.). Е.В. Петрухина называет его аксиомой [Петрухина 2000: 53]; В.С. Храковский пишет, что оно является базовым и в дальнейшем обосновании не нуждается [Храковский 2005: 47]. Это представление поддерживается тем, что разновидовые глаголы, образующие видовую пару, как правило, переводятся на иностранные языки одним и тем же глаголом, а также распространены в словоупотреблении, при котором глаголы несов. и сов. вида трактуются как формы одного глагола – ср. словосочетания типа «глагол X в форме сов. вида» и, даже в большей мере, «глагол X в сов. виде». Заметим, что эти выражения используются лингвистами независимо от того, какой точки зрения они придерживаются относительно статуса категории вида (т.е. является ли она словоизменяющей или словоклассифицирующей).

Представление о тождестве лексического значения членов видовой пары предполагается столь очевидным, что обычно никаких критериев установления этого тождества не формулируется. Между тем, здесь имеется весьма непростая проблема, связанная с разграничением «лексического» и «грамматического» значения в толковании глагольной лексемы.

Если считать, что значение слова манифестируется его толкованием, то тождество значений двух слов означает тождество их толкований. Тем самым, при решении вопро-

¹ Отдельные фрагменты данной работы отражены в публикациях: [Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2006; 2007; 2008; 2009; Mikaelian, Zalizniak 2007; Зализняк, Микаэлян 2007; Шмелев 2008а; 2008б].

са о том, составляют ли два глагола видовую пару, необходимо сравнить их толкования и, отделив грамматическое значение от лексического, установить наличие или отсутствие тождества лексического значения. Для этого, очевидно, необходимо знать, какие смысловые компоненты относятся к грамматическому значению вида. Единственный способ состоит в том, чтобы взять все видовые пары, сравнить в каждой из них толкование глагола сов. и несов. вида, и то, что в них окажется различным, и будет относиться к грамматическому значению. Таким образом, здесь возникает порочный круг, поскольку для такой работы исследователь должен сначала установить сами видовые пары. В реальной практике авторы, которые используют метод толкования, так и поступают: толкование, в действительности, используется не для установления парности глаголов на основании тождества их лексического значения, а, наоборот, для установления различий в значении глаголов противоположного вида, для которых парность считается уже установленной.

При этом, поскольку как совершенный, так и несовершенный вид имеют ряд частных значений (в особенности это касается несовершенного вида), для того чтобы производить семантическое сравнение разновидовых глаголов, требуется решить, в каком из частных видовых значений эти глаголы будут рассматриваться. В тех работах, которые используют метод толкования, обычно принимается решение сравнивать глагол несов. вида в его «основном» значении, т.е. в том, которое является специфичным для несов. вида и в котором глагол несов. вида противопоставлен соответствующему глаголу сов. вида в максимальной степени. С этой точки зрения «основным» значением глагола несов. вида (и несов. вида вообще) признается актуально-длительное значение [Падучева 1996; Апресян 2005].

Естественно, что при этом сравниваемые толкования оказываются существенно различными. Так, Ю.Д. Апресян [Апресян 2005] предлагает следующие толкования: *Х решает Р* = 'Х обдумывает информацию, имеющую отношение к Р, с целью получить ответ на содержащийся в Р вопрос'; *Х решил Р* = 'Х решал Р [пресуппозиция]; Х получил ответ на содержащийся в Р вопрос [ассерция]'. Как кажется, на основании этих толкований, без принятия каких-то специальных соглашений относительно того, какие различия «считаются», а какие нет, невозможно установить, обладают ли глаголы *решать* и *решить* тождественным лексическим значением.

Фактически же, лексическое тождество глаголов сов. и несов. вида понимается как особый тип семантического противопоставления, которое объявляется «чисто видовым». При этом, несмотря на то, что еще А. Исаченко обосновал неприемлемость такого решения [Исаченко 1960/2003: 157–158], наиболее укоренившимся представлением, по крайней мере в учебной литературе, остается убеждение в том, что грамматическое значение видового противопоставления может быть описано как 'процесс' vs. 'результат этого процесса'.

Выходом из этого порочного круга, казалось бы, могла бы быть рекурсивная процедура, при которой в качестве индуктивной базы берутся лишь «бесспорные» видовые пары, установленные на чисто морфологической основе, т.е. такие, где глагол несов. вида представляет собой морфологический имперфектив глагола сов. вида (*открыть* – *открывать*, *понять* – *понимать*, *опоздать* – *опаздывать*, *простудиться* – *простужаться* и т.д.), и результаты, полученные на этом массиве (т.е. выявленные типы семантических противопоставлений, манифестирующих грамматическое значение вида), в дальнейшем применять к «спорным» видовым парам (например, образованным при помощи префиксации, перфективирующих суффиксов, супплетивным и т.д.): если оно соответствует одному из установленных ранее типов, то пара признается видовой, если нет, то нет².

² Примерно такая работа была проделана в книге [Гловинская 1982] на материале около 400 видовых пар русского языка, в результате чего было установлено четыре стандартных (основных) и ряд второстепенных типов смысловых противопоставлений, выражаемых видом. Всего же таких противопоставлений насчитывается более двадцати [Апресян 1980: 66], что, тем не менее, «заведомо не исчерпывает всего словаря» [Падучева 1996: 85].

Однако, во-первых, количество морфологических имперфективов, не образующих видовые пары, вовсе не так незначительно: помимо обычно упоминаемых в данной связи псевдопар *заблудиться – заблуждаться*, *умолить – умолять* и *настоять – настаивать* (на своем), можно назвать *заняться – заниматься*, *отнестись – относиться*, *предпочесть – предпочитать*, *счесть – считать*, *поклониться – поклоняться*, *презреть – презирать*, *уважить – уважать* и многие другие. Во-вторых, наличие такого семантического противопоставления между глаголами противоположного вида, которое встречается в парах глаголов, признаваемых видовыми, заведомо недостаточно для утверждения о видовой парности данных глаголов, так как существует множество пар глаголов, находящихся в таких же семантических отношениях, но не образующих видовую пару. Так, практически всегда признаются парными глаголы типа *почувствовать – чувствовать*, *понравиться – нравиться* с так называемым перфектным семантическим отношением между сов. и несов. видом, однако глаголы несов. вида в «парах» *полюбить – любить*, *узнать – знать*, *лечь – лежать* и т.п. принято относить к *imperfectiva tantum*. И, в-третьих, поскольку исходной базой установления возможных типов расхождений были не все видовые пары русского языка, а лишь некоторое их подмножество (см. сноску 2), нет никаких гарантий, что оставшиеся за пределами нашей базы аналогии видовые пары не реализуют какие-то другие, не учтенные нами типы соотношений. Все эти обстоятельства делают процедуру установления видовой коррелятивности исключительно на семантической основе в высшей степени ненадежной.

Итак, тождество лексического значения, безусловно являясь непеременимым условием и, в некотором смысле, основным «содержанием» видовой коррелятивности (ведь видовую пару составляют глаголы, различающиеся только видом!), не может, однако, в силу неоперациональности этого понятия, служить критерием установления видовой коррелятивности³, или, другими словами, не входит в определение видовой пары.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВИДОВОЙ КОРРЕЛЯТИВНОСТИ

2.1. Контексты обязательной имперфективации: критерий Маслова

Как известно, наряду с семантическим, в аспектологии существует функциональный критерий видовой коррелятивности – так называемый критерий Маслова. Мы полагаем, что только этот критерий является основанием для установления видовых пар и позволяет говорить о грамматическом характере видовой корреляции в русском языке.

Сразу отметим, что понятие «функциональных видовых пар», используемое, например, в [Lehmann 1988; Гак 1996], кажется нам не вполне корректным. Понятие «функциональных пар» было предложено для того, чтобы противопоставить «бесспорные» видовые пары, типа *переписать – переписывать* или *сделать – делать* и пары, не удовлетворяющие общепринятым формальным или семантическим критериям. К функциональным парам относят такие разные явления, как отношения между делимитативом и исходным глаголом (*почитать – читать*), отношение между приставочным глаголом сов. вида и бесприставочным глаголом несов. вида, входящими в так называемую «видовую тройку» (*цепляться – уцепиться – уцепляться*), и, наконец, случаи, когда глаголу сов. вида соответствует в несов. виде словосочетание (*заговорить – начинать говорить*, *заблудиться – сбиваться с пути*). Мы считаем, что видовая пара – понятие по определению функциональное. Другое дело, что говорить о видовых парах имеет смысл только в случае, если в корреляцию вступают именно глаголы (а не словосочетания). Вопрос о статусе делимитативных пар и «видовых троек» мы рассмотрим ниже.

³ Термин «видовая коррелятивность» мы употребляем как синоним термина «видовая парность»; соответственно, «видовым коррелятом» некоторого глагола мы называем глагол противоположного вида, образующий с данным видовую пару.

Критерий Маслова – это тест на возможность замены глагола сов. вида *X* на глагол несов. вида *Y* в контекстах обязательной имперфективации⁴, т.е. в условиях, в которых, по правилам русской грамматики, глагол сов. вида употреблен быть не может. К таким контекстам относятся, прежде всего, повествование в настоящем историческом (и в сходных с ним настоящим репортажным и настоящим театральными ремарок) и контекст многократности; эти два контекста мы будем называть контекстами Маслова; другие контексты имперфективации мы рассмотрим отдельно ниже (раздел 2.2).

В контекстах Маслова глагол сов. вида с необходимостью заменяется на некоторый глагол несов. вида, который, можно сказать, выступает в качестве его «позиционного варианта» – в ситуации, когда глагол сов. вида употреблен быть не может. В этом и только в этом случае можно говорить о видовой коррелятивности в собственном смысле слова. Другими словами, глаголы *X* и *Y* образуют видовую пару тогда и только тогда, когда глагол несов. вида *Y* может заменять глагол сов. вида *X* в контексте Маслова; это и есть определение видовой пары. Заметим, что именно в этом случае можно говорить также о тождестве лексического значения: глагол несов. вида используется вместо глагола сов. вида для обозначения того же самого события⁵, что и глагол сов. вида (см. об этом подробнее пункт 4 настоящего раздела), ср.:

- (1) Тут он *почувствовал* острую боль, *схватился* за сердце и *упал*. – Тут он *чувствует* острую боль, *хватается* за сердце и *падает*.

Замена в позиции обязательной имперфективации является доказательством того, что сам язык рассматривает подставляемый глагол несов. вида как «тот же самый глагол, только в несов. виде»: тот же самый, т.е. имеющий, в частности, то же самое лексическое значение. Таким образом, эта процедура дает нам ответ на вопрос о том, какие пары глаголов в русском языке обладают тождественным лексическим значением – гораздо более точный, чем семантический анализ, не использующий понятие «обязательной имперфективации».

Хотя критерий видовой коррелятивности Маслова был сформулирован в 1948 г. (см. [Маслов 1984]) и вошел в аспектологический инструментарий уже несколько десятилетий назад, он до сих пор не стал общепринятым. Ниже мы просуммируем аргументы, которые могут быть выдвинуты против теста Маслова как критерия видовой коррелятивности (ср., в частности [Перцов 2001: 124–127]), а также перечислим некоторые трудности, возникающие при его применении, которые обнаружились в ходе нашей собственной работы. Как мы постараемся показать, все проблемы, возникающие в связи с применением критерия Маслова, так или иначе решаются и тем самым ни в коей мере его не компрометируют.

1. Как уже было сказано, контексты Маслова могут служить критерием видовой коррелятивности, потому что в них происходит автоматическая замена совершенного вида на несовершенный. Возражения могут возникнуть относительно самого понятия «автоматической замены». Поясним, что имеется в виду.

Прежде всего, остановимся на понятии «замены». Мы не хотим сказать, что каждый раз, произнося фразу в наст. историческом, говорящий сначала строит фразу в прошедшем времени, а потом переводит ее в режим наст. исторического (и то же самое – для многократности), но такая схема представляется наиболее адекватной моделью порождения предложений интересующего нас типа.

Следующий вопрос: в каком смысле можно говорить об «автоматической» замене? Замена производится автоматически в том смысле, что в контекстах Маслова, согласно правилам русской грамматики, может быть употреблен лишь несовершенный вид глаго-

⁴ Термин введен в [Зализняк, Шмелев 2001].

⁵ Слово «событие» здесь и далее используется как наименование типа ситуации, обозначаемой глаголом сов. вида. Содержательно это концепт фрагмента действительности, включающий дискретную точку перехода от одной ситуации к другой (например, от процесса к результирующему состоянию) или две таких точки; ср. понятие «cambio» в [Antinucci, Gebert 1975], «changement» в [Guiraud-Weber 1986: 599], «смена ситуаций» в [Шатуновский 1996: 309–317].

ла, поэтому глагол сов. вида должен быть «автоматически», т.е. исключительно в силу требований контекста, заменен на глагол несов. вида. Иными словами, мы имеем дело с чем-то вроде позиционной мены (аналогичной, например, оглушению звонких согласных в конечной позиции).

Другой вопрос – насколько однозначным является выбор самого глагола несов. вида. В этом смысле замена является полностью автоматической лишь для части глаголов, а именно, тех, у которых имеется только один кандидат на роль имперфективного коррелята (*переписать – переписывать; открыть – открывать, решить – решать, прийти – приходить, сказать – говорить* и т.п.). В других случаях тест Маслова может давать разный результат, что подводит нас к проблеме «видовых троек» (*прочитать – прочитывать / читать*). Отметим сразу, что тот факт, что тест Маслова позволяет сопоставить одному глаголу сов. вида два глагола несов. вида, никак не ставит под сомнение существование пар как таковых, а лишь доказывает, что один и тот же глагол сов. вида может вступать в корреляцию с двумя глаголами несов. вида, т.е. образует две пары, при этом статус этих пар может быть весьма различным: от полной синонимии двух имперфективных коррелятов до их дополнительного распределения (см. подробнее раздел 4).

2. Критерий Маслова представляет собой диагностический тест. Это лингвистический эксперимент, в котором исследователь берет текст в прошедшем времени (реально существующий или искусственно сконструированный), содержащий цепочку глаголов сов. вида, и переводит его в режим наст. исторического или многократности – или предлагает сделать это другим носителям языка. Устанавливая для каждого глагола сов. вида, на какой глагол несов. вида он заменяется, исследователь делает вывод о том, что данные два глагола образуют видовую пару. Как и всякий лингвистический эксперимент, тест Маслова обладает тем недостатком, что на вопрос «Можно ли так сказать?» носители языка могут давать разные ответы, и с разной степенью уверенности (тем самым, результатом применения этого теста окажется не два четко противопоставленных случая – «можно» и «нельзя», а целый спектр вариантов).

В принципе, возможна и обратная процедура – в тексте, написанном в наст. историческом или описывающем многократно повторяющиеся события, «восстановить» тот глагол сов. вида, который был «заменен» данным глаголом несов. вида, ср.:

(2) Он *открывает* дверь, *входит* в квартиру и *видит*... – Он *открыл* дверь, *вошел* в квартиру и *увидел*...

Эта трансформация может быть предложена иностранным студентам в качестве тренировочного упражнения на употребление уже заученных видовых пар, однако при попытке произвести такого рода операцию на реальных текстах в наст. историческом возникает множество проблем, так как «исходных» глаголов сов. вида может оказаться более одного, а может и не оказаться вовсе, ср. выделенные разрядкой глаголы в следующих отрывках:

(3) Он *приходит* домой, *моет* руки и *садится* за стол. – Он *пришел* домой, *помыл/вымыл* руки и *сел* за стол.

(4) У зеркала Тата *поправляет* свои волосы. Я *подхожу* и *обнимаю* ее. Она *смеется*. *Удивляется*, что я стал такой храбрый. Она *обнимает* меня так, как когда-то на лестнице. Мы *целуемся*. И в сравнении с этим весь мир *кажется* мне ничтожным (М. Зощенко. Приходи завтра).

Так, в примере (3) может быть «восстановлен» как глагол *помыть*, так и глагол *вымыть*; в примере (4), если здесь «восстановить» прош. время, то в зависимости от интерпретации ситуации можно сказать и *поправила*, и *стала поправлять*; и *поцеловались*, и *стали целоваться*. Это обстоятельство, однако, несколько не компрометирует тест Маслова, где речь идет лишь о том, может ли глагол несов. вида *У* заменять в соответствующих контекстах глагол сов. вида *X* – и тогда он является его видовым коррелятом. Вопрос о том, может ли глагол *У* заменять также какой-то другой глагол сов. вида

или глагольно-именное словосочетание *Z* – а именно эти обстоятельства затемняют картину при обратной процедуре «реконструкции» – в сферу действия теста Маслова не входит. Не говоря уже о том, что в наст. историческом в равной мере могут встречаться обозначения событий и процессов; в последнем случае в «исходном» тексте должен быть восстановлен глагол несов. вида, ср.:

(5) *Иду я вчера по улице и вдруг вижу... – Шел я вчера по улице и вдруг увидел...*

3. Существуют глаголы, к которым применим только один из контекстов Маслова. Это относится в первую очередь к глаголам движения, образующим особую подсистему в русском языке: так, например, глаголы *сходить* (за хлебом) (*сбегать* (за сигаретами), *съездить* (в отпуск)) в итеративном контексте будут заменены на, соответственно, *ходить*, *бегать*, *ездить* (*Он каждое утро ходит за хлебом*), а в режим наст. исторического эти глаголы переведены быть не могут. Не могут они быть встроены и в цепочку событий, поскольку по правилам русского языка в таких случаях используется глагол однонаправленного движения: *Я сегодня встал рано, сходил в магазин, приготовил завтрак и сел работать. – Каждый день я встаю рано, иду/*хожу в магазин, готовлю завтрак и сажусь работать*. Тем не менее пара *сходить – ходить* является видовой парой, так как удовлетворяет критерию Маслова, а пара *сходить – идти* видовой пары не образует. Здесь дело в том, что на употребление глагола *ходить* в контексте цепочки событий накладываются дополнительные ограничения, глагол же *идти* ни в каком смысле не выражает события 'сходить'. О других типах глаголов, к которым применим только один из контекстов Маслова, см. [Зализняк, Шмелев 2000: 48].

4. Следующий аргумент против критерия Маслова состоит в том, что обозначать то же самое событие – это еще не обязательно значит иметь тождественное лексическое значение: одно и то же событие может быть обозначено как *Иван выиграл у Петра* и как *Петр проиграл Ивану*, ср. также *Иван полюбил Марию* и *Моя дочь связалась с негодяем* (пример из [Падучева 2004: 156]). На это следует возразить, что глагол несов. вида, заменяющий глагол сов. вида в контексте Маслова, не просто обозначает то же самое событие, но и одинаково его концептуализует. Отличия сводятся к тому, что глагол несов. вида, употребленный в контексте многократности, обладает соответствующим дополнительным значением (обозначает то же событие, с точностью до многократности), а в наст. историческом приобретает дополнительный, по сравнению с «исходным» глаголом сов. вида, признак «живописности» (событие описывается как происходящее «как бы на наших глазах»). Правда, есть еще два обстоятельства, затемняющие лексическое тождество глагола сов. вида и имперфективного глагола, заменяющего его в контексте Маслова.

1) Глагол несов. вида, появляющийся в контексте Маслова, во всех случаях, кроме «тривиальных» видовых коррелятов (типа *приходить*, *съесть*, *находить* (кошелек))⁶, не является семантически однозначным, поскольку его событийное значение контекстно обусловлено. Так, то, что во фразе *Он решает задачу и сдает тетрадь учителю* слово *решает* означает то же, что *решил* (а не *решал*) следует только из контекста (а именно, из включенности данного глагола в цепочку событий). Однако это не отменяет релевантности критерия Маслова, поскольку при его применении принимается во внимание лишь допустимость событийного прочтения данного глагола несов. вида, которую не отменяет наличие у глагола несов. вида других, не событийных значений. При событийном прочтении имперфективный глагол получает толкование, соответствующее значению его перфективного коррелята: так, *решает* в приведенном выше примере включает компонент 'получает ответ', отсутствующий у глагола *решать* в

⁶ «Тривиальным» видовым коррелятом мы называем такой парный глагол несов. вида, который не имеет никакого другого значения, кроме событийного, т.е. совпадающего со значением его перфективного коррелята; соответствующие видовые пары мы также называем «тривиальными» (термин был предложен Е.В. Падучевой).

других употреблениях (в которых указывается на деятельность, производимую с целью получения ответа, но ничего не говорится о том, была ли достигнута цель).

2) Глагол несов. вида, появляющийся в контексте Маслова, может утрачивать некоторые содержательные компоненты (т. е. он обозначает то же событие несколько более «схематично», не называя некоторых его аспектов, которые опять-таки устанавливаются из контекста; ср. употребления типа *рвать зубы* вместо *вырывать*, *крепить балку* вместо *прикреплять*). В этом случае мы, вообще говоря, не можем говорить о тождестве лексических значений и тем самым видовая коррелятивность не имеет места: имперфективным коррелятом (имеющим тождественное лексическое значение) для *вырвать* (зубы) будет *вырывать*, а для *прикрепить* (балку) – *прикреплять*. Однако, если такое употребление становится общепринятым, соответствующие аспекты значения начинают устойчиво ассоциироваться с бесприставочным глаголом несов. вида и он, таким образом, становится коррелятом к глаголу сов. вида.

Особо следует отметить случаи, когда для глаголов сов. вида некоторых способов действия, образуемых префиксальным способом, в контекстах Маслова либо не находится монологической замены (и тогда они не имеют собственно видового коррелята), либо заменой является соответствующий бесприставочный глагол. Имеются в виду глаголы дистрибутивного, пердуративного, инхоативного и делимитативного способов действия. Поскольку традиционно эти глаголы относятся к *perfectiva tantum*, мы рассмотрим эту проблему в соответствующем разделе (3.2).

5. Если исходить из того, что «основным» значением несов. вида является актуально-длительное, то против критерия Маслова может возникнуть то возражение, что повествование в наст. историческом и многократность – это периферийные контексты, поскольку они оба являются «вторичными» или производными, а наст. историческое – это вообще довольно искусственный контекст, с которым говорящий сталкивается крайне редко. На это можно возразить, что судя, например, по текстам, размещенным в русском Интернете, повествование в наст. историческом – вовсе не периферийная, а очень широко распространенная форма, в частности, в разговорной речи. Что касается итеративных контекстов, то они также весьма частотны, особенно если относить сюда производное от итеративного значение обобщения, ср. (6); см. также примеры в разделе 3.2.

(6) Я думаю, что любовь на форуме встречает тот, кто ее специально не ищет – она сама нечаянно *нагрядывает*.

2.2. Прочие контексты имперфективации: отрицание

Помимо упомянутых выше «контекстов Маслова» – повествования в наст. историческом и многократности, в русском языке существует ряд других контекстов обязательной имперфективации, которые, однако, трудно использовать в качестве теста из-за того, что в них замена совершенного вида на несовершенный не является полностью автоматической. Это контексты отрицания в императиве и в зависимом инфинитиве.

1. В императиве замена совершенного вида на несовершенный происходит, если отрицательный императив имеет прохибитивное значение (*Позвони жене – Не звони жене*), но сов. вид сохраняется в том случае, когда отрицательный императив имеет значение предостережения. Отрицательный императив сов. вида обычно употребляется в контексте глаголов неконтролируемого действия (*Не проговоришься, Не урони, Не опоздай*), но возможен также и для обычных глаголов действия, в результате чего возникает оппозиция значения неконтролируемого события и контролируемого действия, выражаемая видом, – и тем самым «замена» оказывается не автоматической, а значимой (ср. [Булыгина 1982: 75]):

(7) *Расскажи* ему об этом – *Не рассказывай* ему об этом – *Смотри, не расскажи* ему об этом.

Если ограничиться обычным прохибитивным значением, то отрицательный императив можно было бы считать контекстом обязательной имперфективации, наряду с наст. историческим и многократностью. Здесь, однако, имеется то отличие, что при наличии двух конкурирующих имперфективов между ними может возникать отчетливое семантическое противопоставление (и тем самым замена снова оказывается не полностью автоматической), ср. *не ешь пирожок* (= 'не начинай есть') и *не съедай пирожок* (= 'не ешь до конца'). Конечно, строго говоря, лишь *не съедай пирожок* является отрицанием к *съешь пирожок*, поскольку *съешь пирожок* включает семантический компонент, указывающий на полное уничтожение объекта, а *не ешь...* его не содержит. Однако *не съедай...* несколько смещает фокус внимания по сравнению с исходным императивным высказыванием, потому что в *съешь...* этот компонент может находиться на периферии внимания участников коммуникации, а в *не съедай...* попадает в фокус.

2. Замена совершенного вида на несовершенный происходит также в зависимом инфинитиве при модальных словах и некоторых других типах подчиняющих предикатов, ср. *Надо спросить у Ивана – Не надо спрашивать у Ивана; Собираюсь пойти на семинар – Не собираюсь идти на семинар*. Ср. также следующий пример:

- (8) Но если бы помимо аналитической сноровки Федр за душой ничего не имел, я не желал бы ничего иного как *заткнуться* и – ни слова больше о нем. *Заткаться*, однако, не стоит (Р. Пирсиг. Дзен и искусство ухода за мотоциклом. Пер. с англ. М. Горшкова).

Глагол несов. вида *заткаться* в данном значении – весьма периферийный: очевидно, что он возник в данном тексте (обратим внимание на то, что это перевод с английского) исключительно в силу контекста, требующего несов. вида, т.е. в позиции обязательной имперфективации.

Однако при некоторых подчиняющих предикатах имеется значимая оппозиция вида подчиненного инфинитива – и тогда «замены» при отрицании не происходит. Так, *Здесь можно перейти улицу* означает физическую возможность, как и соответствующее отрицание: *Здесь нельзя перейти улицу*. При этом фраза *Здесь можно переходить улицу*, как и соответствующая отрицательная (*Нельзя переходить*) имеет пермиссивное значение.

Помимо перечисленных контекстов имперфективации, в русском языке имеется ряд типовых конструкций, где деривационно связанные между собой глаголы противоположного вида оказываются объединены определенным смысловым отношением (чаще всего – результативным), ср.:

- (9) Я читаю книгу, когда *прочитаю*, дам тебе; *Строили, строили*, и наконец *построили*; *Думал, думал*, и наконец *придумал*. *Искал, искал*, но так и не *нашел*; *Резал, резал* хлеб и *нарезал* целую тарелку.
- (10) Что ты делаешь? – *Решаю*, куда мы сегодня поедем; когда *решу*, скажу тебе; Что ты сейчас делаешь? – *Думаю*, как прикрепить эту ручку к двери. Когда *придумаю*, скажу; Зачем ты туда *лезешь*? – Когда *залезу*, скажу.

В эти отношения могут вступать как члены видовых пар, так и такие пары глаголов, которые никому не придет в голову считать видовыми (например, *думать – придумать*), несмотря на наличие результативного семантического отношения, сходного с тем, которое имеется в видовых.

В синтагматические отношения такого рода могут вступать не только два, но также три и более глаголов, ср.:

- (11) *Порежь*, пожалуйста, хлеб. – Я уже *нарезала* целую тарелку. Еще *резать*?

Это обстоятельство и дает некоторым лингвистам основание считать, что видовая коррелятивность в русском языке существует не в форме пар, а в форме многочленных «пучков», или «кластеров» (ср. [Janda 2007]). На наш взгляд, наличие такого рода пучков деривационно и аспектуально соотносительных между собой глаголов безусловно представляет собой интересную особенность системы русского глагола, но ни в коем

случае не отменяет видовой пары как конституирующей категории русской аспектуальной системы.

Каждое предложение в примерах (9) и (10) содержит глагол несовершенного и глагол совершенного вида, между которыми имеется семантическое противопоставление 'процесс' – 'результат'. Тем не менее, только глаголы *строить – построить, читать – прочесть и решать – решить* образуют видовую пару. Действительно, глагол *думать* ни в каком контексте не может обозначать ту же ситуацию, что глагол *придумать*, и то же самое верно для глаголов *искать – находить, лезть – залезть, резать – нарезать*.

Напротив, тот факт, что в ряде контекстов члены видовой пары могут быть семантически противопоставлены друг другу, нисколько не ставит под сомнение их парность, а лишь доказывает, что большинство парных глаголов несовершенного вида, помимо тривиального событийного значения, обладают и другими значениями, которые глаголы сов. вида выразить не могут.

3. В ЗАЩИТУ ВИДОВОЙ ПАРЫ

Итак, мы считаем, во-первых, что понятие видовой пары должно определяться на основании критерия Маслова, и, во-вторых, что определяемая таким образом видовая пара является центральной категорией русской аспектуальной системы. Выше мы рассмотрели возможные аргументы против критерия видовой коррелятивности по Маслову, обратимся теперь к возможным аргументам против второго утверждения. Эти аргументы могут быть суммированы следующим образом:

1. Существование класса *imperfectiva tantum*.
2. Существование класса *perfectiva tantum*.
3. Существование «видовых троек», а также случаев, когда один глагол несом. вида является коррелятом к двум разным глаголам сов. вида.

Другими словами, наряду с глаголами, имеющими видовой коррелят, в русском языке есть, с одной стороны, глаголы, вообще не имеющие видового коррелята, а с другой – такие, у которых их два.

Покажем, что все эти аргументы нисколько не компрометируют понятие видовой пары.

3.1. Асимметрия классов *imperfectiva tantum* и *perfectiva tantum*

Существует мнение, что глаголы совершенного вида, обозначающие моментальные действия, не должны иметь имперфективных коррелятов, потому что ситуация, которую они обозначают, не может быть представлена как процесс; соответственно, имперфективный коррелят им оказывается «не нужен» и, тем самым, эти глаголы образуют естественный класс *perfectiva tantum*. В тех же случаях, когда глаголы сов. вида моментального действия все же имеют имперфективный коррелят (ср. *прийти – приходить, найти – находить, достичь – достигать, промахнуться – промахиваться, уронить – ронять* и многие другие), эти корреляты признаются дефектными глаголами несом. вида. Мы считаем, что эти глаголы, действительно, могли бы быть признаны «дефектными» в том смысле, что они не обладают специфическими для несовершенного вида значением процесса или состояния, – однако это обстоятельство не имеет никакого отношения к видовой коррелятивности, если понимать ее как способность глагола несом. вида замещать соотносительный глагол сов. вида в контекстах обязательной имперфективации. С точки зрения видовой коррелятивности моментальные глаголы несом. вида являются не «дефектными», а, наоборот, в некотором смысле «образцовыми» имперфективными коррелятами – поскольку в них функция воспроизведения всех свойств глагола сов. вида (включая его лексическое значение) представлена в чистом виде.

В силу того, что видовые пары в русском языке существуют только за счет контекстов обязательной имперфективации, видовая коррелятивность имеет асимметричное строение. Потребность в имперфективном корреляте возникает, когда говорящему тре-

буется найти глагол несов. вида, чтобы осуществить замену в позиции обязательной имперфективации. Поэтому у всякого глагола сов. вида теоретически должен найтись имперфективный коррелят (все случаи, когда это не так, требуют отдельного объяснения, см. ниже).

С глаголами *imperfectiva tantum* дело обстоит существенно иначе: отсутствие перфективного коррелята у них так или иначе обусловлено их семантикой. В рамках излагаемого здесь подхода вопрос о коррелятивности глаголов несов. вида следует сформулировать следующим образом: в каких случаях некоторый глагол несов. вида не составляет видовой пары ни к какому глаголу сов. вида? В общем виде на этот вопрос следует ответить так: в тех случаях, когда данный глагол не может – наряду с тем процессом, состоянием или свойством, которое он обозначает, – обозначать никакого события.

С концептуальной точки зрения все ситуации, описываемые глаголами русского языка, можно разделить на события и не-события. Не-событиями являются: предельные процессы (контролируемые и неконтролируемые), непредельные процессы, состояния и свойства. Данные ситуации описываются только глаголами несов. вида. События описываются прежде всего глаголами сов. вида, а также, в определенных контекстах, глаголами несов. вида. Соответственно, глагол несов. вида является парным, если в определенных контекстах он может описывать то же событие, которое «нормально» обозначается определенным глаголом сов. вида.

События могут быть концептуально связаны с не-событиями. Так, концептуально связаны: достижение предела (в частном случае, результата) и предельный процесс, переход в состояние и результирующее состояние, однократное действие и многоактный непредельный процесс, начало непредельного процесса и сам этот процесс. Парный глагол несов. вида должен «уметь» обозначать оба этих концептуально связанных явления. Как видно из данного перечня, свойства концептуально не связаны ни с каким событием и, тем самым, глагол несов. вида, описывающий свойство (ср. *состоять из трех частей, являться специалистом, косить на левый глаз*), не может оказаться парным: его перфективному корреляту, так сказать, нечего обозначать⁷. Во всех остальных случаях абсолютного семантического запрета на «парность» у глагола несов. вида, казалось бы, нет. Действительно, основной массив глаголов *imperfectiva tantum* составляют глаголы, обозначающие свойства и устойчивые соотношения (*содержать, состоять из, преобладать, зависеть, стоять, являться*). Однако класс *imperfectiva tantum* ими не исчерпывается.

Помимо свойств и устойчивых соотношений, частый случай непарных глаголов – глаголы состояния. Хотя многие глаголы внутреннего и перцептивного состояния несов. вида могут обозначать событие (а именно, наступление этого состояния) и вступают в корреляцию с глаголом сов. вида, обозначающим то же событие (ср. *видеть – увидеть, слышать – услышать, чувствовать – почувствовать, думать – подумать*), другие глаголы сходной семантики события обозначать не могут и, тем самым, оказываются вне видовой корреляции. Так, с глаголом *знать* безусловно связано событие ‘обрести знание’, однако это событие выражается в русском языке глаголом сов. вида *узнать* и его имперфективным коррелятом *узнавать* – а глагол *знать* оказывается вне видовой корреляции. Заметим, что, например, франц. глагол *savoir* и, реже, англ. *to know*, могут обозначать соответствующее событие, ср.⁸:

- (12) *фр.* Comment ai-je appris l'existence de cette opération? Je l'ai su par un jeune adolescent qui, par Internet, cherchait une solution pour sa mère souffrant de cette maladie – Как я узнала о существовании этой операции? Я узнала об этом от

⁷ Еще раз обратим внимание на то, что аналогичная аргументация для семантического обоснования класса *perfectiva tantum* не проходит: имперфективному корреляту глагола сов. вида не может быть «нечего обозначать»: достаточно того, чтобы он обозначал то же самое событие, что и глагол сов. вида (ср. *приходить, промахиваться*).

⁸ Примеры найдены в Интернете с помощью поисковой системы Google.

одного подростка, который искал в Интернете, как помочь своей матери, страдавшей от этой болезни.

- (13) *англ. I knew about it [the film] from the documentary «The Secret» – Я узнал об этом [фильме] из документального фильма «Секрет»; I was very upset when I knew about it [the accident] yesterday – Я очень расстроилась, когда вчера узнала об этом [несчастном случае].*

Состояние, обозначаемое глаголом *помнить*, может возникать как результат события, описываемого глаголом *вспомнить*, но не может обозначать самого этого события (ср. ...*и тут я помню, как его зовут); в этой функции может выступать лишь видовой коррелят глагола *вспомнить*, а именно, *вспоминать* (ср. и тут я вспоминаю...). Между тем во франц. языке глаголы *se rappeler* и *se souvenir* могут обозначать как состояние 'помнить', так и событие 'вспомнить'.

У состояния, описываемого глаголом *любить*, имеется естественное смежное событие 'начать любить'; это событие выражается глаголом сов. вида *полюбить*, который не имеет стандартного имперфективного коррелята в русском языке (см., однако, примеры в разделе 3.2). Глагол *предчувствовать*, очевидно, концептуально связан с событием 'возникло предчувствие', которое не имеет в русском языке однолексемного обозначения ни в сов., ни в несом. виде.

В целом, то же самое верно и для других типов состояний. Так, глагол *находиться* (где-то) (*Петя сейчас находится в Париже*) безусловно имеет начало: оно может быть выражено, например, глаголом сов. вида *оказаться* и его коррелятом *оказываться*. Но глагол *находиться* способностью обозначения начала состояния не обладает (ср. франц. глагол *se trouver*, который без труда выражает обсуждаемое значение).

Помимо глаголов, обозначающих состояния, непарным может оказаться также глагол, обозначающий процесс, в том числе целенаправленный. Яркий случай – это глагол *искать*. Этот глагол обозначает целенаправленный и (частично) контролируемый процесс, предполагающий вполне естественный результат. Однако данный результат выражается другим глаголом – *найти* (имеющим свой имперфективный коррелят *находить*) или *отыскать* (несом. *отыскивать*). Заметим, что не являются видовыми также пары *искать* – *отыскать* и *искать* – *разыскать*. Это значит, что семантика глагола *искать* принципиально не допускает возможности обозначения события⁹.

Итак, наличие у глагола несом. вида перфективного коррелята, или, точнее сказать, существование глагола сов. вида, такого, что данный глагол несом. вида является его имперфективным коррелятом, как правило, обусловлено семантическими причинами, а именно, тем, допускает ли концепт ситуации, заключенный в данном глаголе несом. вида, смежное событие (скорее всего – точку ее начала или завершения).

Для полноты картины следует упомянуть тот относительно редкий случай, когда глагол несом. вида оказывается непарным без всяких на то семантических оснований. Так, глагол *бить* в значении *бить* (посуду) не имеет собственно событийного значения и не является коррелятом к глаголу *разбить* (чашку, вазу), так как он требует множественного объекта и обозначает многоактное узуальное действие, ср. *Он выпил шампанское и разбил бокал – Он выпивает шампанское и разбивает/*бьет бокал*. С другой стороны, *бить* (по столу) имеет событийное значение и может использоваться как имперфективный партнер к *ударить*, при том, что у последнего есть регулярный коррелят

⁹ Многие учебники русского языка, предназначенные для иностранцев, последовательно признают глаголы *искать* – *находить* видовой парой. Это заблуждение легко объяснимо, ведь семантическое соотношение между этими глаголами такое же, как в классических видовых парах *ловить* – *поймать*, *решать* – *решить*. Все дело в том, что коррелятивность глаголов в последних двух парах (как и в любых других видовых парах) обеспечивается не характером семантического противопоставления, возникающего между глаголом сов. и несом. вида, когда они обозначают разные ситуации, а наоборот, их способностью, в определенных контекстах, обозначать одну и ту же ситуацию.

ударять, ср. *И тут он ударил кулаком по столу и позвал официанта – И тут он бьет кулаком по столу и зовет официанта*¹⁰.

Интересно, что в языке спортивных комментариев такое употребление конвенционализировалось, так что глагол *бить* стал единственным (супплетивным) имперфективным коррелятом глагола *ударить* (говорят *Тут он бьет по мячу и забивает гол*, а не **Тут он ударяет по мячу и забивает гол*).

3.2. Глаголы *perfectiva tantum* в контекстах обязательной имперфективации

Вернемся теперь к классу глаголов *perfectiva tantum*.

Хотя у отдельных глаголов моментального действия словарные имперфективные корреляты могут отсутствовать, их отсутствие обусловлено не тем, что не существует соответствующего процесса или состояния, а другими причинами, препятствующими образованию имперфектива (ср. [Маслов 1984; Падучева 1998]). Эти запреты или ограничения представляют собою не системное явление, а лишь индивидуальные свойства отдельно взятых глаголов сов. вида. При этом могут иметь место морфонологические запреты; в частности, наличие суффикса *-ну-* затрудняет, а в ряде случаев, особенно после гласной, блокирует образование имперфектива (*кануть, грянуть, глянуть, отпрянуть, хлынуть*). Другой пример морфонологического запрета (вернее, неудобства) образования имперфектива, нарушаемого лишь в ситуации словесной игры – глагол *очутиться*, ср. примеры из Интернета:

(14) Как все здесь *очучиваются*, так и я очутился. Вот и я так же. *Очучиваюсь* то там, то тут¹¹.

Однако большинству глаголов сов. вида, которые в словарях и грамматиках описываются как *perfectiva tantum*, при необходимости носитель языка легко ставит в соответствие имперфективный коррелят, причем некоторые из таких глаголов входят в узус¹². Так, в статье [Храковский 2005: 52] к числу глаголов сов. вида, не имеющих имперфективного коррелята, отнесен глагол *поскользнуться*; между тем в современном языке от него свободно образуется коррелят *поскальзываться*. Ср. лишь некоторые из многочисленных примеров, содержащихся в «Национальном корпусе русского языка»:

(15) Она могла часами бегать по льду и не падать, но нередко *поскальзывалась* на сухом асфальте (Н. Босмит. Все не так).

(16) А Мила тем временем *поскользнулась* на пышной фиоритуре, – так ворона *поскальзывается* на льду, что всегда ужасно забавно! (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен).

Менее употребительны, но все же возможны имперфективные корреляты от глаголов *рухнуть* (на кровать)¹³, *уцелеть*. Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка»:

¹⁰ В работе [Зализняк, Шмелев 2001] такие случаи описываются как случаи «незаконной видовой связи», а пары типа *ударить – бить* (кулаком по столу) называются «незаконными видовыми парами».

¹¹ Носители языка иногда осознают морфонологические трудности, связанные с образованием имперфектива от таких глаголов – ср. вопрос, заданный на форуме «Говорим по-русски» радиостанции «Эхо Москвы»: *Если я позавчера «очутился» в гастрономе «Новоарбатский», вчера очутился там же, сегодня – там же, то я каждый день в этом гастрономе что, «очучиваюсь» что ли? или «очучаюсь»?*

¹² Отсутствие в словарях таких глаголов объясняется, с одной стороны, тем, что потребность в них в основном возникает в разговорной речи; с другой стороны, тем, что они образуются с помощью регулярной имперфективации (т.е. так же автоматически, как, например, делимитативы, которые тоже далеко не всегда и не все приводятся в словарях, см. ниже).

¹³ От глагола *рухнуть* в таких употреблениях, как *Здание рухнуло* регулярным имперфективным коррелятом является глагол *рушиться* (ср. пример из «Национального корпуса русского языка»: *Так мало того, что рушатся балконы – одесситы рискуют провалиться под землю* (Гнилая жемчужина)).

- (17) Этак иногда *рухал* на койку («костями») Зыбин, а он его ругал: «Что за свинство, уж лень даже и разуться!» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).
- (18) Вздохнув с облегчением, что это сон, он *рухал* на спину и... снова погружался в мир падающих стен, словно поверяя, но уже из-под башни, мечту Галилея о свободном падении (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен).
- (19) Большой поэт целиком *уцелевает* в подстрочнике (М. Цветаева. Дневниковые записи).
- (20) А семья и дом – это такая крепость, в которую приходишь, закрываешь дверь и... *уцелеваешь* (Интервью Виктории Токаревой).
- (21) Какие травинки *уцелевают*, в то время как выдираются с корнями дубы, заросли кустов и толщ трав (В. Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине).

Несложным поиском в Интернете находятся сотни примеров, содержащих имперфективные корреляты, образованные говорящими для «безусловных» *perfectiva tantum* *поперхнуться, состояться, соскучиться, ринуться, устыдиться, встрепенуться, нагрять, проворонить* и др. (соответственно *поперхиваться, составлять, соскучиваться, ринаться, устыжаться, встрепенаться / встрепенываться, нагрывать / нагрываться, проворанивать*). Приведем лишь некоторые примеры:

- (22) Открывает глаза, *встрепенается*, но потом, видимо, поняв, что рядом мое надежное плечо, опять закрывает глаза.
- (23) И в этот момент наркоман *встрепенается* и, положив одну руку мужчине на плечо, а другой указывая куда-то в проход, медленно, но абсолютно членораздельно...
- (24) – Что? – радостно *встрепенывается* Лотор.
- (25) С новым тренером все команды немного *встрепенаются*, а потом...
- (26) В таких случаях Гена открывает глаза, *встрепенается* и начинает судорожно писать что-то в журнале лишь с тем, чтобы опять отключиться полминуты спустя.
- (27) Кто меня желает – у себя ли, у меня ли – звоните, пишите, *нагрывайте!*
- (28) Буду *нагрывать* вам в гости и терзать вашу сеть.
- (29) Я периодически *нагрываю* к приятелю, который купил ПоверБук.
- (30) Так что, *нагрывайте*... особенно с коньячком.
- (31) Похоже, вы чего-то *недоглядываете*.
- (32) Это чудесное мгновение, которое ты все время *провораниваешь*.

Ср. также примеры вторичной имперфективации в диалектной и разговорной речи в статье [Ровнова 1997]: *вскипячивать, украдывать, задавливать, задушивать* и др.

Степень частотности и стилистической приемлемости таких глаголов весьма различна. Например, вряд ли можно серьезно относиться к глаголу *сканчиваться*, который встречается во всем русском Интернете лишь несколько раз. С другой стороны, глагол *полюблять* в значении ‘начинать любить’ оказывается достаточно частотным, однако употребляется он в основном в контексте языковой игры (в примере (33), представляющем собою пересказ содержания кинофильма, – подражание полублатному жаргону) и воспринимается как крайне вульгарный:

- (33) Преуспевающий киллер русского происхождения мочит всех подряд и случайно грохает брата ослепительной женщины. В результате неслучайной встречи он *полюбляет* ее, а она – его (kinoafisha.ru).

Ср. также следующий пример из книги Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского», в котором пересказывается содержание повести Осипа Брика «Не попутчица» (при пересказе произведений обычно используется настоящее историческое). Использование вульгарного глагола *полюблять* призвано подчеркнуть пошлость повести:

(34) В дальнейшем муж Велярской, коварный нэпман, толкает ее на знакомство с Сандраровым, чтобы использовать этого партийного деятеля в корыстных целях. Велярская *полюбляет* Сандрарова (тот является к ней под чужой фамилией – жуть как интересно, просто дух захватывает) и хочет от него любви и любви, а он все никак, а вместо того учит ее коммунизму.

Итак, видовая коррелятивность – это механизм, ставящий в соответствие каждому глаголу сов. вида глагол несов. вида, на который данный глагол сов. вида должен быть заменен в позиции обязательной имперфективации. Соответственно, видовая пара – это результат действия данного механизма. При этом видовая пара может быть словарной или потенциальной. С некоторыми оговорками (см. ниже) этот механизм применим ко всем глаголам совершенного вида, т.е. является универсальным. Универсальность этого механизма никак не дискредитируется наличием класса *imperfectiva tantum*, поскольку видовая коррелятивность асимметрична и действует в направлении от глагола совершенного вида к глаголу несовершенного вида.

Что касается глаголов *perfectiva tantum*, то помимо перечисленных выше нескольких слов, содержащих морфонологические запреты на образование имперфектива, в русском языке имеется несколько классов глаголов, по разным причинам не образующих имперфективных коррелятов путем морфологической имперфективации. Это глаголы инхоативного (*забарабанить*), делимитативного (*почитать*) и дистрибутивного (*повыбрасывать*) способов действия.

Для инхоативов не существует морфологического запрета на образование вторичного имперфектива. Так, от глагола *забарабанить* (*Дождь забарабанил по крыше*) без труда образуется имперфектив *забарабанивать*. Однако, как уже говорилось, в большинстве случаев, когда такая необходимость возникает, глагол инхоативного способа действия заменяется либо на мотивирующий глагол (при этом собственно инхоативная семантика сохраняется за счет контекста), либо на конструкцию с глаголом *начинать*¹⁴. Так, глагол *плакать*, который в стандартном употреблении мог бы быть истолкован по схеме *X плачет* = ‘у X-а текут слезы из глаз из-за душевных переживаний’, может заменять в контексте Маслова глагол *заплакать* (*X заплакал* = ‘у X-а начали течь слезы из глаз из-за душевных переживаний’). Ср.: *Она заплакала и сквозь слезы сказала...* – *Она плачет и сквозь слезы говорит...* (контекст наводит значение начинательности).

Глаголы дистрибутивного способа действия (типа *повыбрасывать*) не допускают имперфективации, потому что они уже содержат имперфективирующий суффикс. В контекстах имперфективации такие глаголы будут заменены на мотивирующий глагол несов. вида (*выбрасывать*) с потерей семы дистрибутивности, что может быть компенсировано лексическими средствами (ср. *Повыбрасывал все газеты – Выбрасывает газеты все до одной*).

Делимитативы не допускают морфологическую имперфективацию из-за возникающей омонимии с прерывисто-смягчительным способом действия (*почитывать*). Фактически же функцию имперфективного коррелята к делимитативному глаголу выполняет сам мотивирующий глагол, ср.:

(35) Он *пришел* домой, *посмотрел* новости, *почитал* газету и *лег* спать – Он *приходит* домой, *смотрит* телевизор, *читает* газету и *ложится* спать.

Таким образом оказывается, что глаголы, допускающие как предельное, так и неопредельное понимание, могут входить в две пары – соответственно, результативную и делимитативную, ср. *читать* – *прочитать* (рассказ) и *читать* – *почитать* (газету) (некоторое время), *смотреть* – *посмотреть* (фильм) и *смотреть* – *посмотреть* (новости) (некоторое время); ср. примеры типа *обсудить* / *пообсуждать вопрос*; *заполнить* / *позаполнять анкету* из статьи [Мелиг 2006]¹⁵.

¹⁴ См. об этом подробнее [Зализняк, Шмелев 2002].

¹⁵ Тем самым, глаголы *читать*, *смотреть* и многие другие бесприставочные глаголы несов. вида фактически распадаются на два значения, предельное и неопредельное (ср. вендлеровские категории *accomplishment* и *activity*). См. об этом подробнее в [Dickey 2006].

Поскольку в ходе обязательной имперфективации делимитатив регулярно заменяется на исходный глагол несов. вида, можно было бы считать, что согласно критерию Маслова, делимитативы входят в видовую пару с мотивирующим глаголом.

Такая трактовка, однако, входит в противоречие с традиционным решением, согласно которому делимитативы являются лишь способом действия и находятся за пределами видовой коррелятивности. Этот подход обосновывается прежде всего семантически: действительно, делимитатив обозначает процесс, пусть и ограниченный начальным и конечным пределом. Другими словами, делимитативы обозначают не совсем «полноценные» события. Это свойство делимитативных глаголов находит отражение в их языковом поведении: подобно процессным глаголам несовершенного вида, делимитативные глаголы могут присоединять обстоятельство длительности, выраженное именной группой в винительном падеже (ср.: *спал сорок одну минуту – поспал сорок одну минуту*), что, в принципе, исключено для «нормальных» глаголов сов. вида. Но из этих особых семантических свойств делимитативов никаким образом не вытекает, что они не могут вступать в видовую корреляцию. Скорее напрашивается вывод о том, что эти глаголы обозначают особый тип событий, которые сводятся к ограниченному во времени отрезку процесса. При этом соответствующий бесприставочный глагол регулярно выражает то же значение в контексте временного ограничения. Ср. следующее рассуждение Стивена Дики:

[...] by expressing a perfective construal of atelic activities, delimitatives in fact perform a crucial systemic function in Russian – the extension of the aspect opposition to a whole class of atelic verbs, i.e. Vendler's activities. However, despite this crucial function, delimitative verbs have not traditionally been considered pf «partner» verbs of their source verbs. [...] And yet it is clear that delimitatives in *po-* are more important to the system of Russian aspect than most other kinds of procedural verbs [Dickey 2007: 332].

Другое возражение против признания пар «процессный глагол – образованный от него делимитатив» видовыми носит системный характер: делимитативы свободно и регулярно образуются от глаголов несов. вида с процессным значением, настолько регулярно, что далеко не всегда указываются в словарях. При этом главной функцией делимитативов является как раз «перфективизация» неопределенного глагола, которая позволяет представить процесс как событие и встроить его в цепочку других событий. Таким образом, и формально (приставка), и семантически («порция» процесса), и функционально (необходимость вставить процесс в цепочку событий) глагол сов. вида оказывается производным от глагола несов. вида. Тем самым здесь мы имеем дело с соотношением, противоположным тому, которое лежит в основе видовой коррелятивности и состоит в том, что глагол несов. вида по крайней мере семантически и функционально является производным от глагола сов. вида. Однако это не означает, что делимитативные пары ни в коем случае нельзя считать видовыми: независимо от того, как «возникают» эти глаголы (см. выше), как таковые они выдерживают тест Маслова, т.е. наряду с зависимостью в направлении от мотивирующего глагола несов. вида к делимитативу (*читать → почитать*), имеется и обратная функциональная зависимость, обнаруживающая себя в позиции обязательной имперфективации: *почитать → читать* (эти контексты задают прочтение процессного глагола как обозначающего порцию процесса).

Впрочем, вопрос о статусе пар «процессный глагол – образованный от него делимитатив» носит в значительной мере условный характер. Дело в том, что в контекстах Маслова замена на бесприставочный глагол для делимитативов настолько регулярна, что для них достаточно сформулировать соответствующее общее правило (тем самым необходимость указывать в словаре, что делимитатив входит в видовую пару с мотивирующим бесприставочным глаголом, отпадает).

Несколько иначе обстоит дело с пердуративными глаголами. В отличие от делимитативов, пердуративы иногда образуют вторичные имперфективы, ср. *просидеть – просиживать*, хотя от некоторых из них образование вторичных имперфективов за-

труднено [Зализняк, Шмелев 2000: 113]. В последнем случае в качестве «заменителей» в контекстах Маслова могут выступать соответствующие бесприставочные глаголы, ср.: *Он сел за компьютер, проработал всю ночь, но утром свалился от усталости и так и не успел отослать статью в срок – Он садится за компьютер, работает всю ночь, но утром сваливается от усталости и так и не успевает отослать статью в срок.* Однако считать их видовыми коррелятами как будто нет оснований.

4. ВИДОВЫЕ ТРОЙКИ

Вопросу о статусе «видовых троек» в русской аспектуальной системе посвящена обширная литература (см., в частности [Апресян 1995] с дальнейшей библиографией, [Guiraud-Weber 2004: 26–28; Гиро-Вебер, Микаэлян 2006; Ясаи 2001; Петрухина 2001: 89–100; Храковский 2005]). Здесь мы выскажем лишь некоторые, наиболее существенные для обсуждаемой проблемы соображения.

«Видовыми тройками» обычно называют тройки глаголов, состоящие из одного приставочного глагола сов. вида и двух деривационно связанных с ним глаголов несов. вида – вторичного имперфектива и мотивирующего бесприставочного глагола: *съесть – съедать / есть, вылечить – вылечивать / лечить, свить – свивать / вить, скомкать – скомкивать / комкать, склеить – склеивать / клеить* и т.п.¹⁶ При этом необходимо, чтобы в видовой тройке оба глагола несов. вида были близкими синонимами и претендовали на роль видового коррелята; так, тройка глаголов типа *писать, переписать, переписывать* не называется видовой тройкой, потому что глагол *писать* не может претендовать на роль имперфективного коррелята к *переписать*. Это регулярная суффиксальная видовая пара (*переписать – переписывать*) и рядом с ней исходный глагол несов. вида с другим значением.

Как известно, в русском языке имеется два основных морфологических типа видовых пар – суффиксальные и префиксальные. Добавление имперфективирующего суффикса образует морфологический имперфектив от глаголов с «полнозначными» приставками (*переписать – переписывать*), в префиксальную видовую пару входят глаголы с десемантизированными или «чистовидовыми» приставками (*построить – строить, написать – писать*). Поскольку, как было показано выше, видовая корреляция в русском языке может быть установлена только в направлении от глагола сов. вида к глаголу несов. вида, в случае префиксальных пар мы фактически имеем дело с депрефиксацией. Действительно, приставочное глагольное словообразование, хотя и сопровождается меной вида с совершенного на несовершенный, является лишь средством лексической деривации¹⁷.

Поскольку между «полнозначными» и «десемантизированными» приставками имеется весь спектр промежуточных случаев, естественно, что для многих глаголов оказы-

¹⁶ Бесприставочный глагол несов. вида может полностью совпадать с основой приставочного (*с-шить – шить*), а может содержать ту же основу, но с имперфективным суффиксом *а/я* (ср. *из-менить – менять*). Это интересный сюжет (см. [Levin 1984; Feldstein 2005]), который, однако, для нашей проблемы принципиального значения не имеет, поэтому мы его обсуждать не будем. Иногда к видовым тройкам относят также случаи, когда два глагола несов. вида представляют собой морфологические варианты, возникающие за счет вариативности суффикса или основы, ср. *простудиться – простужаться* и *простуживаться*, *обернуть – обертывать* и *оборачивать* (первый основной тип избыточной аспектуальной парадигмы согласно [Апресян 1995]). Однако это обычная морфологическая вариативность (т.е. отношение между двумя глаголами несов. вида), к проблеме видовой парности не имеющая отношения.

¹⁷ Глагольное словообразование, приводящее к возникновению глагола сов. вида, обозначающего событие, которое метонимически связано с процессом или состоянием, обозначаемым исходным глаголом несов. вида, часто называют «перфектив(из)ацией» (ср., в частности [Мелиг 1985; 2006; Пайар 1989; Раппопорт 1998; Dickey 2006]). Это понятие отражает некую когнитивную реальность (ср. переход от процесса к результату), однако к видовой коррелятивности в русском языке оно имеет лишь косвенное отношение.

ваются применимы оба механизма. Видовые тройки – это и есть результат совмещения двух морфологических средств образования видовых пар.

Итак, основным источником видовых троек является конкуренция двух механизмов аспектуальной деривации. Действию механизма вторичной имперфективации подвержен всякий глагол сов. вида (об ограничениях, в основном морфонологического характера, см. выше), независимо от того, входит ли он в видовую пару. Если для данного глагола сов. вида не существует никакого другого кандидата в имперфективные корреляты, то механизм вторичной имперфективации порождает его регулярный, отмечаемый в словарях, имперфективный коррелят (*опоздать – опаздывать*) или же представляет собой потенциальный коррелят (*нагрядывать, заподозривать* и т.п., см. 3.2 выше). В случае же, если существует первичный имперфектив, который также может претендовать на роль коррелята к данному глаголу сов. вида (т.е. задействован механизм депрефиксации) возникает потенциальная видовая тройка: *намылить – намыливать / мылить, забинтовать – забинтовывать / бинтовать; съесть – съедать / есть*. Отметим, что механизм суффиксального словообразования может «воскресить к жизни» глаголы несов. вида, вышедшие из употребления. Так, в русском Интернете периодически встречаются глаголы *нарисовывать* и *написывать*, которые имеются в словаре Даля, но исчезли из позднейших словарей.

(36) [...] когда она одевает короткую юбку и ботфотры, а губы *нарисовывает* себе до ушей, глупая Тартилла Ивановна (www.yandex.ru).

(37) А *написывать* невзаимосвязанные цифры и выдавать их за статистику – неправильно (www.yandex.ru).

Таким образом оказывается, что один тот же глагол сов. вида вступает в корреляцию с двумя разными глаголами несов. вида, при этом статус этой корреляции может быть различным: от полной синонимии двух имперфективных коррелятов (и тогда два глагола несов. вида находятся в отношении свободного варьирования в пределах одной и той же пары, ср. пример (38)), до их дополнительного распределения по контекстам, означающего, что мы имеем дело с двумя парами, ср. (39):

(38) Она завела хомяка, и через два месяца он *погиб* – Каждый год она заводит хомяка, и через два месяца он *погибает/гибнет*.

(39) *сшить*¹ ⟨два куска материи⟩ – *сшивать*; *сшить*² ⟨платье⟩ – *шить*.

«Промежуточными» оказываются случаи типа *склеить – склеивать* ⟨два куска бумаги⟩, но *склеить – склеивать / клеить* ⟨коробочку⟩; *разделить – разделять / делить, схватить – схватывать / хватать* (см. примеры ниже) и многие другие, где в одном из значений у глагола сов. вида есть только один коррелят, а в другом исходный и вторичный имперфективы либо являются свободными вариантами, либо распределены таким образом, что говорящий выбирает вторичный имперфектив, когда хочет выразиться поточнее, т.е. обозначить компонент событийности эксплицитно, и беспривставочный глагол несов. вида, когда хочет сказать покороче – оставляя тем самым смысл событийности выраженным лишь за счет контекста. (Речь идет, естественно, лишь о контекстах Маслова; в прочих случаях соотношение между приставочным и беспривставочным глаголом несов. вида – это проблема лексической синонимии, к виду отношения не имеющая.)

Так, в тройке *разделить – разделять / делить* глаголы *делить* и *разделять* в большинстве случаев соотносятся с разными типами употребления глагола *разделить* (ср. (40а) и (40б)), однако есть небольшая зона, где глаголы *делить* и *разделять* оказываются в отношении конкуренции (ср. (40в)):

(40) а. Братья *делят* между собой наследство и разъезжаются.

б. И тут нас *разделяет* толпа.

в. В начале каждого семестра преподаватель *делит/разделяет* студентов на группы.

Аналогично в тройке *схватить – схватывать/хватать* имперфективы *хватать* и *схватывать* вообще-то распределены по контекстам (*хватать* <что-то руками>, но *схватывать* <бревна железной скобой>), однако изредка встречаются случаи конкуренции, ср.:

- (41) Глухонемые возвращались и, естественно, ничего не говоря и даже не пытались пальцами объясниться, бодро *схватывали* свой товар и следовали дальше (Ф. Искандер. Ночной вагон).

Статус каждого из двух имперфективных членов тройки должен устанавливаться, отдельно для каждого значения (типа контекста), на основании анализа реального употребления в определенный период времени – но это уже предмет отдельного исследования.

Следует упомянуть также еще одно явление, имеющее отношение к видовым тройкам, близкое, но не тождественное только что описанному. В небрежной, фамильярной или профессиональной речи наблюдается тенденция в некоторых случаях использовать бесприставочный глагол в том значении, которое имеет образованный от той же глагольной основы вторичный имперфектив; при этом значение бесприставочного глагола несколько сдвигается, ср. *рвать* <мосты> вместо *взрывать*; *рвать* <зубы> вместо *вырывать*; *жечь* <письма> вместо *сжигать*, *бить* <масло> вместо *сбивать*, *писать* <на пленку> вместо *записывать*, *крепить* <балку> вместо *прикреплять* и т. п. Здесь везде часть значения, уточняющая характер действия, которая вносится приставкой, опускается как не стоящая упоминания, либо как очевидная, известная посвященным (по принципу «*sapienti sat*»), что и придает таким глаголам особую стилистическую окраску. Иногда, как уже говорилось выше (см. раздел 2.1) такой бесприставочный глагол несом. вида может использоваться в контекстах Маслова – в результате чего возникает «тройка», ср. употребление глаголов *рвать* (вместо *взрывать*) и *рваться* (вместо *взрываться*) в событийном значении в контексте многократности:

- (42) Казаки-повстанцы *рвали мосты*, устраивали крушения (М. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая).
- (43) Когда удалось прорваться к мосту, несмотря на точность бомбометания, которое достигалось «пикированием самолета», *бомбы рвались* в воде под мостом (www.yandex.ru).

Еще один регулярный источник видовых троек – квазисинонимия приставочных глаголов сов. вида, например, *помазать* <ранку йодом> и *намазать* <лицо кремом>. Глагол *помазать* имеет коррелят *мазать*, а глагол *намазать* – коррелят *намазывать*. Однако, в силу семантической близости данных двух глаголов сов. вида, сближаются и их имперфективные корреляты, в результате чего на месте двух пар (*помазать* – *мазать* и *намазать* – *намазывать*) возникает тройка: *намазать* – *намазывать/мазать*. Ср. также две пары *померить* – *мерить* <платье> и *примерить* – *примерять*, «склеивающиеся» в тройку *примерить* – *примерять/мерить*.

Без сомнения, видовые тройки бросают вызов и аспектологу и лексикографу. Действительно, с одной стороны, существование видовых троек затемняет принципиально бинарный характер видовой оппозиции; с другой стороны, видовые тройки с аспектологической точки зрения могут быть устроены существенно по-разному и поэтому не допускают единого лексикографического решения при их описании. Однако существование троек ни в коей мере не ставит под сомнение ни существование видовой корреляции как основополагающего структурного механизма, ни видовую пару как ее материальное проявление. Оно лишь свидетельствует о том, что русский вид представляет собой сложную систему, которая постоянно эволюционирует.

5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Итак, несмотря на все проблемы, связанные с установлением видовых пар, мы не можем отказаться от понятия видовой коррелятивности, поскольку правила, описывающие автоматическую обязательную имперфективацию в контекстах Маслова, предполагают апелляцию к имперфективному корреляту исходного глагола сов. вида. Соответственно, понятие видовой пары (т.е. пары разновидовых глаголов, в которой перфективный глагол заменяется на имперфективный в позиции обязательной имперфективации) представляет собою важнейший инструмент описания языковой компетенции носителя русского языка.

Значение глагола, используемого в позиции обязательной имперфективации, максимально соответствует значению перфективного глагола, который он заменяет: добавляются лишь дополнительные компоненты «многократности» или «изобразительности». Это дает основание говорить о «тождестве лексического значения». Употребление тех же самых имперфективных глаголов в контекстах иных типов может отличаться от их перфективных коррелятов более существенным образом.

Тем самым мы видим, что критерий Маслова, на основании которого устанавливается видовая коррелятивность, вовсе не является альтернативой семантическому подходу, основанному на представлении о «тождестве лексических значений» членов одной видовой пары. Напротив, он ориентирован на контексты, в которых это тождество проявляется в наибольшей степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1980 – Ю.Д. *Апресян*. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener slavistischer Almanach. Sbd. 1. Wien, 1980.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Трактровка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2005 – Ю.Д. *Апресян*. Правила взаимодействия значений и словарь // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1.
- Булыгина 1982 – Т.В. *Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Гак 1996 – В.Г. *Гак*. Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Гиро-Вебер, Микаэлян 2006 – М. *Гиро-Вебер*, И. *Микаэлян*. Проблема видовых соотношений и ее отражение в аспектологическом словаре // Ф. Леман (ред.). Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. IV. München, 2006.
- Гловинская 1982 – М.Я. *Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Зализняк, Микаэлян 2007 – Анна А. *Зализняк*, И. *Микаэлян*. Видовые тройки в русской аспектуальной системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007). Труды и материалы. М., 2007.
- Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк, Шмелев 2001 – Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Типы видовой связи // Труды междунар. семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково, 2001.
- Зализняк, Шмелев 2002 – Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Семантика начала с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.

- Зализняк, Шмелев 2004 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. О месте видовой пары в аспектуальной системе русского языка // *Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag. Germano-slavisches Beiträge. Bd. 21. München, 2004.*
- Исаченко 1960/2003 – *А.В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II. Братислава; М., 1960/2003.
- Маслов 1984 – *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // *Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.*
- Мелиг 1985 – *Х.Р. Мелиг*. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера) // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985.*
- Мелиг 2006 – *Х.Р. Мелиг*. Глагольный вид и вторичная гомогенизация обозначаемой ситуации посредством квантификации: К употреблению делимитативного способа действия в русском языке // *Ф. Леман (ред.). Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. IV. München, 2006.*
- Пайар 1989 – *Д. Пайар*. К теории перфективизации // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.*
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Ч. I: Семантика времени и вида. М., 1996.
- Падучева 1998 – *Е.В. Падучева*. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // *RLing. V. 22. 1998.*
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 2001 – *Н.В. Перцов*. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Петрухина 2000 – *Е.В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским. М., 2000.
- Раппопорт 1998 – *Г. Раппопорт*. Перфективация состояний // *Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1998.*
- Ровнова 1997 – *О.Г. Ровнова*. Имперфективация глагола в русских диалектах // *Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1997.*
- Храковский 2005 – *В.С. Храковский*. Аспектуальные тройки и видовые пары // *Русский язык в научном освещении. № 9. 2005.*
- Шатуновский 1996 – *И.Б. Шатуновский*. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
- Шмелев 2008а – *А.Д. Шмелев*. Имперфективизация и видовая корреляция // *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag. Hamburg, 2008.*
- Шмелев 2008б – *А.Д. Шмелев*. Имперфективация и толковый словарь // *С любовью к слову. Festschrift in honour of professor Arto Mustajoki on the occasion of his 60th birthday. Helsinki, 2008.*
- Ясан 2001 – *Л. Ясан*. О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // *Исследования по языкознанию: к 70-летию чл.-корр. РАН А.В. Бондарко. СПб., 2001.*
- Antinucci, Gebert 1975 – *F. Antinucci, L. Gebert*. L'aspetto verbale in polacco // *Ricerche Slavistiche. 1975.*
- Dickey 2006 – *S. Dickey*. Aspectual pairs, goal orientation, and *po*-delimitatives in Russian // *Glossos. Issue 7. 2006.*
- Dickey 2007 – *S. Dickey*. A prototype account of the development of delimitative *po*- in Russian // *D. Divjak, A. Kochańska (eds.). Cognitive paths into the Slavic domain. Berlin; New York, 2007.*
- Feldstein 2005 – *R.F. Feldstein*. On the aspectual derivation of «Dual Simplexes» // *Восток – Запад: Вторая междунар. конф. по модели «Смысл ⇔ Текст». М., 2005.*
- Guiraud-Weber 1986 – *M. Guiraud-Weber*. Sémantisme verbal et aspect en russe et en français // *Revue des études slaves. LVIII/4. Paris, 1986.*
- Guiraud-Weber 2004 – *M. Guiraud-Weber*. Le verbe russe. Temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.

- Janda 2007 – *L. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in language*. V. 31. 2007. № 3.
- Lehmann 1988 – *V. Lehmann*. Der russische Aspekt und die lexikalische Semantik des Verbs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 48 (1). 1988.
- Levin 1984 – *J.F. Levin*. Two types of perfective, three stems: problems and hypotheses // M.S. Flier, R.D. Brecht (eds.). *Issues in Russian morphosyntax*. UCLA Slavic studies. V. 10. Columbus, 1984.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2006 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Imperfectivization in Russian viewed through Internet data // Annual AATSEEL meeting. Philadelphia, 2006.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2007 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Imperfectivization in Russian: in search of functional correlates // Annual AATSEEL meeting. Chicago, 2007.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2008 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Le concept de couple aspectuel, est-il encore utile? // *Questions de linguistique slave*. Etudes offertes à Marguerite Guiraud-Weber. Aix-en-Provence, 2008.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2009 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Imperfectivization in Russian // *Meaning-Text Theory 2007*, Proceedings of the 3rd International conference on Meaning-Text theory, Klagenfurt, May 20–24, 2007. *Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd. 60. München; Wien, 2007.
- Mikaelian, Zalizniak 2007 – *I. Mikaelian, Anna A. Zalizniak*. Why do triplets not compromise pairs? // Annual AATSEEL meeting. Chicago, 2007.

© 2010 г. А. ДОНАБЕДЬЯН

НЕОФОРМЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ В ЗАПАДНОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ – К ВОПРОСУ О НЕАККУЗАТИВНОСТИ

Конструкции с неоформленным субъектом в армянском относятся к так называемым неаккузативным конструкциям, описанным в разных языках, и являются материалом как для иллюстрации явления неаккузативности (или расщепленной непереходности), так и для критического обсуждения теории неаккузативности, в основе которой лежит чисто синтаксический подход. Подробный анализ армянских конструкций и контекстов, в которых они допускаются, с учетом системных свойств неоформленного имени в армянском, показывает, что мы имеем дело не с чисто синтаксическим и не с чисто лексическим явлением, а с совокупностью свойств конструкций в целом, в которой определяющую роль играют прагматические признаки.

В современном армянском языке существует три степени детерминации имени: определенный артикль (исторически – демонстратив), неопределенный артикль (восходящий к числительному «один») и нулевой артикль¹. В отличие от объекта субъект² не может появляться с нулевым артиклем³. Учитывая, что номинатив и аккузатив существительных морфологически не различаются в западноармянском языке, эта обязательная детерминация могла бы рассматриваться как отличительный признак субъекта. Тем не менее в определенных контекстах встречаются конструкции, которые не подчиняются этому правилу – это одновалентные конструкции с существительным без артикля.

В статье рассматриваются эти нетипичные субъекты и синтаксические конструкции, в которых они проявляются. Нас будет интересовать статус этих конструкций не только в самой системе армянского языка, но и в их отношении к так называемым неаккузативным конструкциям в других языках, с которыми у них много общего, несмотря на то, что нулевой артикль обычно не рассматривается как типичный маркер неаккузативности. В этом плане интересующая нас проблема в армянском языке может быть поставлена в один ряд с разнообразными явлениями в других языках, которые привлекли внимание исследователей в связи с гипотезой неаккузативности, впервые обоснованной Перлмуттером [Perlmutter 1978] и названной также расщепленной непереходностью (split intransitivity) [Van Valin 1990]. К ним относятся и широко обсуждавшаяся проблема отрицательных предложений с генитивным субъектом в русском языке

¹ Поскольку армянский относится к языкам с агглютинативной именной морфологией, эти три типа детерминации, в сочетании с присутствием / отсутствием показателя множественного числа, дают в армянском пять комбинаций из шести теоретически возможных: 1) отсутствие маркера мн. ч. + определенный артикль; 2) маркер мн. ч. + определенный артикль; 3) отсутствие маркера мн. ч. + неопределенный артикль; 4) маркер мн. ч. + нулевой артикль (неопределенный артикль, восходящий к числительному «один» несовместим с маркером мн. ч.); 5) отсутствие маркера мн. ч. + нулевой артикль (неоформленное имя). В этой статье, под нулевым артиклем мы понимаем только комбинацию (5), в которой имя выступает как неоформленное, а не комбинацию (4), где мн. ч. соответствует неопределенному артиклю, а не нулевому.

² Термин «субъект» употребляется здесь и ниже в широком смысле и распространяется на подлежащее.

³ Это ограничение не распространяется на имена собственные (для которых наличие или отсутствие артикля имеет стилистическое значение), а также, естественно, на местоимения.

(см., например [Babby 1980; Падучева 1997]), и порядок VS в особых конструкциях во французском (например [Marandin 1999; 2003]), и выбор вспомогательного глагола в итальянском или в германских языках (например [Sogase 2000; Aranovich 2007] и др.).

Сначала будут рассмотрены различительные свойства субъекта и объекта в армянском языке (раздел 1). Затем в разделе 2 будут выделены различные типы конструкций с нетипичным субъектом, а также семантические ограничения, определяющие их. Эти ограничения, хотя и не абсолютны, но просматриваются вполне четко и связаны как с именем и глаголом (слабая агентивность ~ слабая активность соответственно), так и с самим типом предикации («стереотипная»⁴ предикация или предикация предрасположенности). В п. 3 будут рассмотрены семантические, коммуникативные и синтаксические свойства интересующих нас конструкций. В заключении (п. 4) будут критически рассмотрены несколько возможных теоретических интерпретаций данных конструкций. При этом нас будут интересовать конкретные роли коммуникативного (актуальное членение, интонация), семантического (лексические ограничения, актантная семантика) и синтаксического (согласование, кореференция) аспектов этих конструкций с нетипичным субъектом.

1. РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный армянский язык относится к языкам со «строгим» порядком SOV⁵, что предполагает четкое позиционное различие субъекта и объекта. Однако в реальности могут встречаться все комбинации (SVO, OVS, OSV, VSO, VOS) в зависимости от коммуникативной структуры высказывания (фокус, топикализация и т. д.). К тому же заполнение валентности в армянском не обязательно: когда один из актантов анафорический, он может формально отсутствовать (кроме случаев фокализации и дейксиса). Таким образом, высказывание, формально состоящее из одного глагола (V) *tesa* 'увидел', может означать 'я его увидел'.

В морфологическом плане именной субъект и объект одинаковы: они имеют нулевой падежный маркер в номинативе и аккузативе⁶. Что касается местоимений, то в них форма номинатива и аккузатива различается. Таким образом, замена на местоимение может служить тестом для различения субъекта и объекта.

По-видимому, наиболее прозрачным критерием различения субъекта и объекта является тот факт, что субъект (подлежащее) управляет согласованием глагола по лицу и числу⁷.

Однако в армянском языке, как и в других агглютинативных языках, роль согласования весьма ограничена, и морфологические маркеры скорее всего автономны: согласование по падежу или по числу отсутствует в именной синтагме, глагол сам по себе может образовывать полное высказывание, а это предполагает, что глагольный показатель лица является самостоятельной приметой субъекта, а не маркером согласования. Из этого следует, что у нас нет оснований утверждать что «субъект управляет согласованием глагола по лицу и числу», поскольку именной субъект может отсутствовать, тогда как глагольный маркер субъекта является обязательным элементом и сам определяет выбор личного местоимения.

⁴ Имеется в виду то, что Ж.-М. Маранден называет *prédication stéréotypique*: высокая степень предсказуемости данного сказуемого с данным подлежащим придает предикации особый характер.

⁵ Это в большей степени справедливо для западноармянского языка, нежели для восточноармянского, в котором отмечены как SVO, так и SOV, хотя оба языка обнаруживают признаки, рассматриваемые Гринбергом как характерные (*harmonic*) для языков с порядком SVO.

⁶ Правило об обязательном использовании артикля (собственно дательного падежа) с одушевленным объектом, действующее в восточноармянском языке, к западноармянскому не применяется.

⁷ В армянском языке отсутствует категория рода.

Согласование по числу также является нестрогим: в третьем лице оно может отсутствовать, в частности, когда именная синтагма включает числительное и существительное без показателя числа⁸:

- (1) *ergu dari / ergu hoki anc'av*⁹
 два год-Ø / два человек-Ø пройти:AOR3SG
 Два года прошло // Два человека прошли.

Впрочем, субъект характеризуется рядом свойств, отличающих его от объекта:
 – он может управлять рефлексивом:

- (2) *Betros-ə Vartan-in əsav or iɫ dun-ə bidi noroke*
 Петр-DEF_i Вардан-GD_j сказать:AOR3SG что свой_i дом-DEF починить:FUT3SG_i
 Петр_i Вардану_j сказал, что он свой_i дом починит.

– он также управляет кореференцией зависимых инфинитивов, причастий и деепричастий:

- (3) *Betros-ə xntal-ov Vartan-in kənac'*
 Петр-DEF_i смеяться_i-INS Вардан-GD идти:AOR3SG
 Петр_i смеясь_i пошел к Вардану.

Эти отличительные свойства субъекта хорошо известны в лингвистике и неоднократно описывались в армянском языке. Другие же свойства, касающиеся ограничений в детерминации субъекта, практически не изучены.

Так, в отличие от объекта, допускающего все степени детерминации, включая нулевую (неоформленное имя) (см. пример 4), субъект допускает разные степени детерминации, включая неопределенную форму множественного числа (см. 5):

- (4) *trac'i-n kirk'-ə / -er-ə / mə / -er / -ø gə¹⁰ garta*
 сосед-DEF книга-DEF / -PL-DEF / IND / -PL / Ø ACTU читать:PST3SG
 Сосед читает книгу // Сосед читает книги¹¹.
- (5) *trac'i-n (/trac'i-mə / -ner-ə / -ner) pəžišk'-i-n kənac' (kac'in)*
 сосед-DEF (/сосед-IND / -PL-DEF / -PL) врач-DAT-DEF идти:AOR3SG (идти:AOR3PL)
 Сосед/соседи пошел/пошли к врачу.

Исключение составляет нулевая степень: неоформленная лексическая форма субъекта, как правило, неграмматична:

- (6) **trac'i-ø pəžišk'-i-n kənac'*
 сосед-Ø врач-DAT-DEF идти:AOR3SG

При этом в современном армянском языке есть, по-видимому, некоторые типы высказываний, которые не подчиняются этому правилу. Им и посвящена данная статья.

⁸ Впрочем, как видно из примера (1), присутствие числительного не требует обязательного маркера мн. ч. у определяемого имени (см. [Donabédian 1993]).

⁹ Используемая здесь транскрипция представляет собой фонологическую адаптацию транслитерации армянского языка (система Hübschmann–Meillet–Benveniste) применительно к западно-армянской фонетике.

¹⁰ Частица *gə* стоит перед всеми формами настоящего времени и имперфекта. Ее можно было бы глоссировать как ACTU. Для того чтобы упростить представление примеров, далее мы не будем обозначать ее, допуская, что она составляет часть глагольной формы.

¹¹ По переводу конструкции с неоформленным объектом не отличаются от неопределенных конструкций мн. ч.

2. КОНСТРУКЦИИ С НЕОФОРМЛЕННЫМ СУБЪЕКТОМ В АРМЯНСКОМ

Неоформленный субъект обычно встречается в высказываниях с непереходным глаголом, например, в конструкциях с глаголом существования, в «метеорологических» высказываниях, в случаях стереотипной предикации или предикации «предрасположенности», в некоторых пассивных высказываниях и в отдельных переходных конструкциях.

На самом деле все эти случаи могут быть описаны в рамках трех типов.

2.1. Предикация существования и сходные высказывания

2.1.1. В данном разделе речь идет, прежде всего, о предикации существования предмета / явления / процесса, в которой либо непосредственно употреблен соответствующий предикат (дефектный глагол *ga* 'имеется, существует', *deyi unenal* 'иметь место, состояться' и др.), см. (7), (8), либо употреблен глагол, выражающий внезапное появление или исчезновение предмета, то есть [существование + начало или конец], см. (9).

(7) *žoyovurt / tram / xncor ga (/č'ga)*
народ / деньги / яблоко есть (/нет)
Есть люди / нет людей / есть деньги / нет денег / есть яблоки / нет яблок.

(8) *hantibum deyi unec'av*
встреча место иметь:AOR3SG

Встреча состоялась // Встречи состоялись.

(9) *žoyovurt hasav, aymug eγav, griv sksav*
народ приходить:AOR3SG шум быть:AOR3SG сражение начинаться:AOR3SG
Пришли люди, раздался шум, разразился скандал.

К этому типу можно также отнести предикацию появления новой ситуации с глаголом, не являющимся прямым глаголом существования:

[в магазине продавщица болтает по телефону и внезапно обрывает разговор]
(10) *haxort mdav*
покупатель входить:AOR3SG
(Все,) у меня клиент / клиенты!¹²

Как показывают приведенные примеры, здесь допускаются субъекты самой разной семантики, но при этом они не воспринимаются как агентивные. Это особенно явно проявляется в (10): несмотря на высокий ранг субъекта по шкале агентивности и на наличие интенционального глагола, прагматическая суть высказывания состоит в том, что ситуация изменилась (продавщица уже не свободна), а не в том, что покупатель как агент совершил определенное действие.

Отметим, что высказывания (7)–(10), двусмысленные при переводе на другой язык, в самом армянском являются вполне однозначными. Нейтрализация по числу в неоформленном субъекте меняет семантическую категоризацию имени, попадающего в разряд неисчисляемых имен, вне зависимости от того, является ли референт исчисляемым или нет.

2.1.2. Неоформленный субъект также характерен для «метеорологических» высказываний ([Ruwet 1988] и др.) таких как:

(11) a. *ancrev guka* b. *məšuš sksav* c. *arev e*
дождь идти:PST3SG туман начинаться:AOR3SG солнце быть:PST3SG
a. Идет дождь. b. Опустился туман. c. Светит солнце.

¹² Здесь имеется в виду новая ситуация – в том смысле, что высказывания такого рода сфокусированы не на субъекте (покупатель), а на смене ситуации: «пустой магазин» → «магазин с покупателем» (в зависимости от контекста и настроения говорящего, это может означать: «Появилась работа!», «Не могу больше говорить!» и т. д.).

Метеорологические высказывания, впрочем, не исключают появления артикля – в тех контекстах, когда это семантически оправдано:

<i>d. sastig</i>	<i>ciwn-mə</i>	<i>guka</i>
сильный	снег-IND	идти:PST3SG
Идет сильный снег.		

<i>e. mšuš-ə</i>	<i>sksav</i>
туман-ARTDEF	начинаться:AOR3SG
Туман опустился.	

На самом деле, высказывания (11a), (11b) и (11c), хотя все они и имеют метеорологическую семантику, очень разнородны.

(11b) и (11c) в полной мере относятся к типу предикации существования или появления. В них сочетание данной именной синтагмы и глагола является свободным.

Вместе с тем (11a), также выражая предикацию существования или появления, содержит дополнительный признак: сочетание существительного *ancrev* ‘дождь’ (или *ciwn* ‘снег’) и глагола *kal* ‘приходить’ (именно ‘приходить’, а не любого другого глагола, означающего, например, ‘падать’, ‘капать’, ‘литься’ и др.) является в армянском самым нейтральным способом выразить явление ‘дождь’ или ‘снег’¹³. Таким образом, можно сказать, что здесь выражено не существование субъекта, как в (7), а существование явления, представленного сочетанием субъекта и глагола.

Приведенная интерпретация может вызвать вопрос: обозначают ли слова *ancrev* и *ciwn* саму субстанцию дождя и снега (капли, снежинки, хлопья), либо дождь и снег как процессы? В последнем случае глагол *kal* обозначал бы скорее «произойти», чем «идти», и тогда мы ожидали бы обнаружить более свободную сочетаемость этих имен с разными глаголами, например *ga* ‘существует’ или *e* ‘есть’.

На самом деле, ответ на этот вопрос следует искать в речи, а не в языке, где лексема допускают обе интерпретации. В высказываниях с фазовым глаголом, например *ciwnə sksav / ciwnə tatrec ‘av* ‘снег пошел / снег кончился’, явление обозначается самим именем (снег как процесс, то есть «падание снега»), а глагол обозначает проявление процесса и его фазу. Отметим, что это характерно для самых разных имен, включая имена, обозначающие артефакты, которые по определению являются предметами, а не процессами: в *čut ‘agə sksav* ‘скрипка зазвучала («началась»)', речь явно идет о процессе (ср. «Моцарт на старенькой скрипке играет...»). Фазовый глагол меняет семантическую категоризацию имени – от артефакта к процессу (при этом характер процесса, обозначенного данным именем, определяется природными, культурными, ситуативными и другими параметрами).

Следовательно, имеются основания полагать, что (11a) относится к предикации предрасположенности, описанной в 2.2, и включает дополнительный – фразеологический – компонент, благодаря которому *kal* ‘идти’ становится стереотипным глаголом, что не является правилом для метеорологических высказываний армянского языка.

2.2. Стереотипные глаголы и предикаты предрасположенности

В этом разделе будут рассмотрены высказывания, в которых сочетание данного глагола с данным субъектом предсказуемо, и эта предсказуемость влияет на относительный коммуникативный вес компонентов.

Вслед за Ж.-М. Маранденом [Marandin 2003], мы будем различать стереотипные глаголы, с одной стороны, и предикаты предрасположенности, с другой. Маранден не определяет границы между этими понятиями и иногда применяет их к одним и тем же

¹³ Существует также глагол *ancrevel* ‘идти (о дожде)’, стилистически более литературный, но имеющий абсолютно идентичное значение.

примерам («звонили колокола», «лаяли собаки»), хотя уже по выбору терминов «глагол» и «предикат»¹⁴ понятно, что имеются в виду разные уровни анализа.

Мы предлагаем здесь эксплицитно разграничить эти понятия, несмотря на то, что они и у нас часто будут применяться к одним и тем же конструкциям.

Под стереотипными глаголами мы будем понимать глаголы, имеющие предпочтительную связь с конкретным существительным, не только потому, что опыт предполагает, что данный процесс наиболее характерен для этого предмета, но и потому, что язык обязывает ассоциировать данный глагол с данным именем. Иными словами, эти высказывания предполагают экстралингвистические знания (наиболее характерный процесс для данного предмета) и одновременно языковые знания (какой из возможных глаголов наиболее активно сочетается с данным именем в данном языке). Когда мы говорим *Собака лает*, мы подбираем глагол как по референциальным параметрам (характер звука), так и по чисто лингвистическим (конвенционально).

Но существуют также конструкции со стереотипными глаголами, в которых связь между S и V является в большей мере конвенциональной и закреплена в словаре. По-русски *ночь наступает*, *война разразилась*, *снег лежит*, *солнце садится*, *платье (хорошо) сидит*, *погода и вопрос стоят*, *заря занимается* или *настает*, а *восход* (как и *день* или *ночь*) *наступает*¹⁵.

Понятие «предикат предрасположенности», отсылающее к свойству субъекта (склонность или способность), по сравнению с понятием «стереотипный глагол» более широкое: оно предполагает учет всего контекста высказывания, а не только словарных норм. Так, предрасположенность может вытекать из общего для говорящих знания: если всей семье известно, что папа храпит перед телевизором после определенного часа, то высказывание *У экрана папа храпит* прагматически означает проявление предсказуемого действия («Опять!» «Началось!»). Таким образом, можно считать, что понятие «предикат предрасположенности» включает понятие «стереотипный глагол», плюс учет прагматических ориентировок говорящего¹⁶.

Высказывания данного типа идеально подходят для конструкций с неоформленным субъектом:

(12) a. <i>caun</i>	<i>gə hnč'e</i>	b. <i>čur</i>	<i>gə vaze</i>	c. <i>nəvak</i>	<i>gə lsvi</i>
голос	звучать:PST3SG	вода	бежать:PST3SG	музыка	слышаться:PST3SG
a. Звучит голос.		b. Течет вода.		c. Слышится музыка.	

¹⁴ Маранден отмечает, что понятие предиката предрасположенности заимствовано из философии языка.

¹⁵ Также: хлеб *лежит* на столе, а соль *стоит*. Для того, чтобы убедиться, что апелляция к объективному признаку «вертикаль ~ горизонталь» в данном контексте недостаточна, вспомним, что тарелка *стоит* на столе (как и поднос), а яблоко *лежит*. А чтобы совсем запутать иностранца, изучающего русский язык, яблоко *лежит* на столе, а яблоки *стоят* на столе. В большинстве таких примеров мы имеем дело с десемантизированными глаголами, которые приближаются по своей семантике к связке: хлеб *ест* на столе.

¹⁶ Сегодня формальная лингвистика (по крайней мере, если судить по наиболее известным работам), по-видимому, не научилась придавать значение возможностям «перекодирования» говорящего в зависимости от контекста, например, когда, в соответствии с выбором говорящего, слово, имеющее в лексике свойство А, интерпретируется так, как будто бы оно имеет свойство В. Между тем, такого рода явления часто наблюдаются в речи, будь то в именной семантике (исчисляемое–неисчисляемое), в свойствах времени–вида–наклонения и акциональности конкретной глагольной формы, или же в синтаксических конструкциях, как в интересующем нас случае. За исключением подхода Кюльоли [Culioli 1990] и его школы, в которой этим явлениям отводится центральная роль в описании (см., в частности [Franckel, Paillard, Voguë 1989]), лингвистические теории охотно оставляют подобные явления области прагматики. Между тем в интересующем нас смысле они непосредственно относятся к синтаксической проблематике, хотя и далеко не упрощают описания.

Но особенно яркой в этом плане является способность предиката предрасположенности выражать бытийную предикацию в высказываниях с одушевленным именем в роли субъекта и с активным глаголом:

(13) *šun...*

собака...

a. *gə hače* b. *niynisk* *č'-hačec'* c. *hačec'* – *vaxc'ank*
 лаять:PST1SG даже NEG-лаять:AOR3SG лаять:AOR3SG бояться:AOR1PL

а. Лает собака.

б. Ни одна собака не залаяла (не слышно было малейшего лая).

с. Залаяла какая-то собака, (и) мы испугались.

Эта конструкция допускает в роли субъекта даже названия людей:

(14) (*hos*) *yerexa* *gə jni*¹⁷,
 (здесь) ребенок рождаться:PST3SG
 (Здесь) рожают (досл.: 'рождаются дети').

Здесь может появляться даже активный интенциональный глагол:

(15) *ašagerd* *g'usani*¹⁸
 ученик учиться:PST3SG
 (Здесь) идут занятия (дословно: 'учатся ученики').

Можно привести и аналогичные высказывания с переходным глаголом:

(16) *terasān* *ter* *gə sorvi* / *ašagerd* *tas* *gə sorvi*
 актер роль учить:PST3SG школьник урок учиться:PST3SG
 (Здесь) актер учит роль // актеры учат роль.
 (Здесь) занимается ученик // занимаются ученики.

Такие высказывания с неформальным субъектом, присоединяя к субъекту предсказуемый предикат, выражают, в конечном счете, существование или появление субъектной сущности через одно из ее наиболее типичных проявлений. Так, даже в примерах с глаголами активной семантики, глагол может быть переинтерпретирован как стативный или предельный (не выражающий процесс) исключительно потому, что при субъекте отсутствует артикль.

2.3. Пассивные конструкции

В (12с) был включен пассивный глагол *ls-v-il* 'слышаться' в одном ряду с активным глаголом *hnč'el* 'звучать' (12а). В действительности, многие пассивные конструкции могут содержать неформальные субъекты:

(17) *hamakumar* *havač'vec'av*
 конгресс собирать:PASS.AOR3SG
 Прошел конгресс // Прошли конгрессы.

(18) *kirk'* *gə dbvi* // *gə hradaragvi*
 книга печатать:PASS.PST3SG издавать:PASS.PST3SG
 Издаётся книга // Издаются книги.

¹⁷ Это высказывание может быть интерпретировано как призыв соблюдать правила гигиены.

¹⁸ То же, что и в предыдущем примере: в прагматическом плане практически эквивалентно *ašagerd gay* 'ученик есть, здесь школьники!' – призыв не шуметь, вести себя корректно.

- (19) *nor hivantut'iwñ a. darajvec'av b. haydnvec'av*
 новая болезнь распространять:PASS.AOR3SG обнаруживать:PASS.AOR3SG
 а. Распространилась новая болезнь. б. Была обнаружена новая болезнь.

При этом, не-пассивный глагол (20b) и (20c) не допускает неоформленного субъекта:

- (20) а. *hamerk gə gazmagerbvi*
 концерт организовывать:PASS.PST3SG
 Организуются концерты (с тех пор, как X стал министром).
 б. **hamerk lav anc'av*
 концерт хорошо проходить:AOR3SG
 в. **hamerk gə sksi¹⁹ (-> hamerkə)*
 концерт начинаться:AOR3SG
 (21)а. *hivantanoc' gə karrucvi // pac'vec'av // veranorokvec'av*
 больница строить:PASS.PST3SG // открывать:PASS.AOR3SG // ремонтировать:PASS.AOR3SG
 Была построена // были построены // открыты, отремонтированы // больница
 // больницы.
 б. **hivantanoc' 100 hoki g'əntuni²⁰ (обязательно: hivantanoc'ə)*
 больница 100 человек принимать:PST3SG

Такие высказывания с неоформленным субъектом объединяет в плане семантики то, что, по сути, они не столько являются предикацией процесса, сколько характеризуют ситуацию, в чем убеждает комментарий к примеру (20), а также (22):

- (22) *yeresp'oxan spannvec'av*
 депутат убивать:PASS.AOR3SG
 Депутат был убит // Депутаты были убиты (Ситуация такова, что...).

В случае с пассивными высказываниями, проблема, конечно же, не в характере агентивности субъекта, а в статусе самой конструкции.

С учетом функционирования пассивных конструкций в армянском закономерно вопрос, образуется ли в такого рода высказываниях реальный пассив («больницы построены», «книги изданы», «конгресс организован») или же мы имеем дело с деривацией медиопассивной формы («больницы строятся», «книги издаются», «конгресс состоится»), что позволило бы сблизить эти высказывания с рассмотренными выше, где широко представлены медиальные глаголы. Здесь лишь отметим, что в армянском языке границы между пассивностью и медиальностью не абсолютны, и лишь отдельные контексты позволяют их различить. В любом случае вполне ясно, что все подобные высказывания могут утрачивать пассивность, что верно для примеров (17), (18), (20), (21):

- (23) *garravarut'iwñə ... hamakumar gə havak'e, kirk' gə dbe, hamerk gə gazmagerbe, hivantanoc' gə garruc'e.*
 Правительство ... созывает конгресс, издает книги, организует концерты, строит больницы.

¹⁹ Можно было бы ожидать, что в рамках высказываний с предикатами существования, в которых активно используется глагол *sksil* 'начинать', такое высказывание допустимо. Однако здесь возникает ограничение, связанное с семантикой референта «концерт», который, как правило, предполагает возможность на нем присутствовать и который имеет различные фазы: начало, середина, конец. Таким образом, в обычном использовании понятия «концерт», глагол *sksil* 'начинать' не может характеризовать понятие «концерт» в целом (*случился концерт). Единственный способ присоединить глагол *sksil* 'начинать' к субъекту 'концерт' – это определить *hamerk* как специфическое явление с помощью определенного артикля: *hamerkə sksav* 'концерт (этот) начался'.

²⁰ Соответственно, здесь допустимо употребление субъекта с глаголом в вопросительной или отрицательной форме, и в таком случае высказывание приобретает следующий смысл: «Бывают ли больницы на 100 мест? Не бывает больниц на 100 мест».

Для некоторых глаголов, например, в (19b), залоговая трансформация менее очевидна: глагол *haydn-v-il*, представляющий пассив от *haydnel*, лексикализовался в значении 'появляться', что и позволяет отнести соответствующее высказывание к бытийным.

Во всех других случаях, в соответствии с порядком слов в армянском языке, трансформация в пассив открывает возможность интерпретировать первый член такого рода высказываний (при этом предглагольный) в равной степени как субъект и как объект. Действительно, мы видим, что последовательности «имя–глагол» в (17–21) и (23) ничем не различаются, кроме присутствия морфемы пассива /-v-/. Хотя объекты в (23) не являются, собственно говоря, инкорпорированными, свойства группы объект / глагол в армянском языке позволяют выделить два типа пассивной трансформации, возможных для такого рода высказываний:

1) $SO_1V \rightarrow S_1V_{\text{pass}}$, где субъект активного высказывания опускается, а объект становится субъектом глагола, сохраняя свою нулевую степень детерминации.

2) $SO_1V \rightarrow [O_1V]_{\text{pass}}$, где перевод в пассив характеризует сочетание OV^{21} , в котором тесная связь компонентов становится возможной благодаря неформленности имени. Основанием для такой интерпретации служит тот факт, что в армянском языке глагол легко переходит в другие части речи (зависимое деепричастие или субстантивированный инфинитив), сохраняя, тем не менее, некоторые глагольные дополнения.

Итак, в первый раз в нашем анализе мы сталкиваемся с синтаксическим признаком, который позволяет прийти к выводу о том, что неформленный субъект, получая формальные свойства объекта, может интерпретироваться как объект, как предполагает теория неаккузативности.

2.4. Особый случай: некоторые переходные конструкции

Все типы высказываний, рассмотренные выше, относятся к непереходным – изначально или же в результате пассивной трансформации. Между тем можно привести ряд примеров с использованием неформленного субъекта в транзитивных высказываниях. Они разделяются на два типа:

2.4.1. Первый тип касается прескриптивов, или определений:

(24) *hos ašagerd lezu gə sorvi*
здесь ученик язык учить:PST3SG

Здесь ученик учит язык (языки) // Здесь ученики учат язык (языки) (что может быть интерпретировано как: а) «ученики здесь, чтобы учить языки»; б) «здесь курсы изучения языков»).

Можно реконструировать два контекста, которые вводят эти два возможные значения высказывания, соответственно:

а. (учить языки, а не заниматься чем-либо другим):

Сюда (в наше учебное заведение) достойные ученики приходят для того, чтобы заниматься языками (а не смотреть комиксы).

б. (Тише!):

Тише! Здесь лингафонная лаборатория – тут люди работают!

Эти высказывания, точно так же, как рассмотренные выше непереходные высказывания, характеризуют определенную ситуацию. Они вполне сопоставимы с высказыванием в примере (15) и по сути дела представляют особые случаи переходных предикатов предрасположенности (O + S): «учить урок» для ученика или «учить роль» для актера не сильно отличается от значений непереходных предикатов предрасполо-

²¹ Что соответствует замечанию № 3 Ж. Лазара [Lazard 1994: 9].

женности, описанных выше. Контекст, реконструированный в (а), предполагает, что речь идет об учебном заведении, где изучают именно языки, и таким образом значение объекта практически сведено к нулю, не сообщая никакой информации²².

2.4.2. Вторая категория транзитивных высказываний, в которых встречается неоформленный субъект, включает субстантивные пары, такие как:

- (25) *erik gəniɡ sksan (z)irar hayhoyel (*sksav)*
 муж жена начинать:AOR3PL RECIPR оскорблять (*начинать:AOR3SG)
 Муж и жена начали оскорблять друг друга.
- (26) *hayr u²³ dəya [eler en] dun gə šinen (*gə šine)*
 отец и сын [взялись] дом строить:PST3PL (*строить:PST3SG)
 (Вот) строят дом отец и сын.

Этот тип не исключает появления высказываний с непереходным глаголом:

- (27) *mayr u dəya hampurvec'an (*hampurvec'av)*
 мать и сын целовать:PASS.AOR3PL (*целовать:AOR3SG)
 Мать и сын целуются.

В предыдущих примерах интерпретация неоформленного субъекта как выражающего множественность невозможна, в отличие от примеров (28) и (29):

- (28) *seyan (u) at'orr dabalec'an astijan-ner-en*
 стол (и) стул катиться:AOR3PL лестница-PL-ABL
 Стол и стул // Столы и стулья покатались по лестнице.

- (29) *kirk' u dedrag // šabig u dap'ad aydoddec'an*
 книга и тетрадь рубашка и брюки пачкаться:AOR3PL
 Книга и тетрадь, рубашка и брюки запачкались // Книги и тетради, рубашки и брюки запачкались.

Высказывания (25–27) семантически существенно отличаются от предыдущих: в них не наблюдаются вышеупомянутые ограничения на акциональный тип предиката, коммуникативная цель высказывания состоит в том, чтобы ввести отношение между S и P, и для глагола обязательна множественная форма. Все это показывает, что, в противоположность примерам, рассмотренным выше, они являются каноническими синтаксическими конструкциями, в которых S и V свободно сочетаются.

Ограничения в таких высказываниях касаются только лишь сочетания имен в субъектной группе: оно представляет собой не свободное сочетание имен, а сложный субъект, состоящий из двух семантически связанных существительных. Такие сложно-составные субъекты подчиняются двум коррелированным ограничениям. Первое относится к разряду лексико-семантических: оба имени должны входить в общую семантическую парадигму (стол и стул, мать и сын, преподаватель и ученик и т. д.), второе касается союза: такие высказывания могут быть либо с союзом *и*, либо бессоюзными,

²² Отметим, что интерпретация (а) наиболее вероятна в том случае, если фразовое ударение падает на глагол, а интерпретация (б) – если оно падает на имя, выступающее в роли субъекта.

Относительно такого рода переходных конструкций следует заметить, что неоформленный субъект может появляться только в сочетании с неоформленным объектом. Исходя из этого факта, П. Самвелян (устное сообщение) предлагает считать объект инкорпорированным, и, следовательно, относит глагол к непереходным. Действительно, это позволило бы отнести к общему типу пример (24). С другой стороны, тип, представленный ниже примерами (25–29), характеризуется специфическими свойствами.

²³ В отличие от примера (25), тут есть союз, поскольку первое имя моносиллабично.

но ни в коем случае не могут иметь союз *ev* «и». Союзы же *ev* и *и* различаются именно тем, что первый обеспечивает простое сочинение двух имен в одинаковой синтаксической позиции, а второй устанавливает смысловую связь между ними, в результате чего формируется сложносоставная семантическая сущность²⁴.

Таким образом, такие высказывания со сложносоставным субъектом существенно отличаются от интересующих нас структур. Важным, при этом, остается вопрос, почему имена, входящие в сложносоставные субъекты такого рода высказываний, могут употребляться без артикля и без детерминатива, в нарушение правила, сформулированного в начале статьи? Ответ на этот вопрос следует искать в функционировании самой детерминации²⁵ (внутри именной группы), а не в особенностях фразовой конструкции, как в рассмотренных выше высказываниях²⁶, поэтому такие примеры остаются за рамками нашего анализа.

3. СВОЙСТВА КОНСТРУКЦИЙ С КВАЗИ-СУБЪЕКТАМИ И ТЕОРИЯ НЕАККУЗАТИВНОСТИ

Если мы оставим за скобками высказывания 2.4.2, в которых само соположение имен приносит своего рода детерминацию, и транзитивные высказывания 2.4.1, которые представляют особый случай конструкций с предикатом предрасположенности (относящихся к типу 2.2), становится очевидным, что мы имеем дело с типом вполне гомогенных высказываний, которые достаточно близки к высказываниям, на которых строится теория неаккузативности. Приведенные выше армянские примеры имеют такие же основные семантические, коммуникативные и синтаксические признаки.

3.1. Семантические признаки

Все приведенные армянские примеры характеризуются очень ограниченной агентивностью, что сближает их с неаккузативными конструкциями. В литературе неаккузативность рассматривается либо как свойство глагола (эта точка зрения восходит к работам Перлмуттера), либо как свойство особых конструкций [Marandin 2004]. Рассмотрим наши примеры в свете данного противопоставления.

²⁴ Так, если речь идет о кошке и собаке, недопустим союз *ev*, который просто сопоставляет смыслы двух имен. Напротив, *и* формирует единый смысл на основе семантики двух существительных, привнося в нее дополнительный смысловой компонент. При обозначении живых существ очень часто маркируются именно их отношения (кошка с собакой = конфликт; мать с сыном = отношения кровного родства; учитель и ученик = отношения в процессе обучения и т. д.). Данное семантическое различие маркируется и на супraseгментном уровне: *и*, в отличие от *ev*, является клитикой и просодически соединяется с именем (при этом наблюдается ослабление тонического ударения в N1, а *-n* в артикле обнаруживает отсутствия хиатуса). Распределение функций *ev* и *и* находит параллель в русском языке – ср. так называемый «координатив» (с одной стороны (*Маша и Катя*), и «комитатив» (*Мать с сыном*), с другой, *жить как кошка с собакой*, но не **как кошка и собака*). Позицию такого рода составных субъектов могут занимать и так называемые «редуплицированные субъекты» как, например, в (28): *at'orr m-at'orr* «стул и то, что имеет к нему отношение», ср. русск. *и иже с ним*. Влияние этих двух типов составных субъектов на глагол в согласовании по числу проявляется не одинаковым образом – редуплицированный субъект предполагает глагольную форму единственного числа. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

²⁵ Здесь причина отсутствия маркера детерминации кроется в самом сочетании двух субъектов, которое скорее формирует самостоятельное понятие (что и обозначается отсутствием артикля), нежели соотносится с отдельными конкретными денотатами. Тем не менее, тот факт, что в высказывании имеются два определяющих друг друга имени, не позволяет говорить о нулевой детерминации.

²⁶ Заметим, что такие высказывания не имеют ряд синтаксических свойств, характерных для высказываний с неоформленным субъектом, которые будут рассмотрены ниже: высказывание допускает многочисленные трансформации (изменение модальности, порядка слов и т. д.), но артикль при этом не появляется. Главной информацией высказывания является само отношение между субъектом и предикатом, и при этом пауза между S и P вполне допустима, а субъект может быть членимой темой.

3.1.1. Семантические свойства глагола

В этих примерах наблюдается большое количество глаголов «представления» (*présentatives*), как их называет Маранден [Marandin 2003], который приводит для французского языка следующую классификацию:

существование / присутствие (*existence-présence*): *exister, se rencontrer, se trouver, avoir lieu*
отсутствие (*absence*): *manquer*
начало (*commencement*): *commencer*
продолжение (*continuation*): *suivre, rester, continuer, demeurer*
порождение (*production*): *naître, se produire, croître*
происшествие (*occurrence*): *se passer, arriver*
появление (*apparition*): *apparaître, émerger*
направленное движение (*mouvement vers un lieu*): *venir, entrer, arriver, s'interposer, suivre*

В армянском языке в высказываниях с неоформленным субъектом широко представлены глаголы «представления», а также так называемые неаккузативные глаголы²⁷ («идти», «приходить», «уходить», «входить», «выходить», «падать», «рождаться», «умирать»; сюда также входят глаголы, которые в армянском, как правило, имеют форму среднего залога и означают «вариться», «ломаться», а также глаголы существования, появления и фазовые глаголы со значением «разразиться», «возникать», «быть», «казаться» и т. д.).

Эти семантические свойства в основном совпадают с теми, которые [Падучева 1997: 104] считает характерными для генитивной конструкции в отрицательных предложениях русского языка: «глагол относится к генитивному классу, если его толкование включает экзистенциальный или перцептивный компонент»²⁸.

Однако эти конструкции допускают также глаголы с так называемой инергативной семантикой типа: *работать, учиться* и т. д. Из этого следует, что определяющим признаком этих конструкций является не глагольная семантика²⁹.

3.1.2. Семантические свойства субъекта

Лексическая семантика имен, в роли неоформленных субъектов, по-видимому, тоже не является надежным тестом. В речи появляются имена с самой разной семантикой.

«Метеорологические высказывания», которые допускают ограниченный список имен, несовместимы с агентивными субъектами³⁰. При этом, субъект в большинстве случаев лишен интенциональности или контроля. Но, по нашим наблюдениям, в этих конструкциях не исключаются названия людей, например, *haxort* ‘покупатель’ в (10) или *hivant* ‘больной’ в (35).

²⁷ См. [Ruwet 1988].

²⁸ Заметим, что в отличие от большинства приверженцев теории неаккузативности, Падучева придает больше значения самой конструкции, чем семантическому классу глагола, что видно из формулировки на с. 115: «проблема лексических границ генитивной конструкции – это, в значительной мере, проблема выявления класса глаголов, лексическое значение которых включает (или хотя бы не исключает) (разрядка наша. – А. Д.) утверждение существования субъекта или присутствие в ситуации Наблюдателя».

²⁹ В этом плане перспективной представляется модель Ван Валина [Van Valin 1990], которая опирается на определение так называемых тематических отношений аргументов в зависимости от логической структуры (LS) предиката, – в том случае, если считать, что LS характеризует не единицы словаря, а саму конструкцию, то есть определяется высказыванием в целом.

³⁰ В некоторых языках имена, обозначающие естественные феномены, являются «псевдо-агентивными» («силы природы») и могут появляться в контекстах, предполагающих агентивность. Но они появляются с артиклем, в отличие от неоформленных имен в армянском языке.

Таким образом, точно так же, как «входить» и «выходить» могут рассматриваться как неаккузативные и неэргативные глаголы [Ruwet 1988: 385], одушевленные имена в определенных контекстах и в зависимости от ситуации говорящего могут выступать в роли неагентивных: для продавщицы в магазине присутствие покупателя связано, прежде всего, с рабочей ситуацией, как и появление пациента для врача.

Таким образом, есть все основания полагать, что, хотя высказывания с неоформленным субъектом в армянском языке прямо связаны с явлением, обозначаемым как «неаккузативность», лексико-семантические свойства имени или глагола не могут считаться удовлетворительными критериями для описания этих конструкций.

Хорошим тестом в данном случае могут служить ограничения, связанные с детерминацией. Действительно, неоформленный субъект по определению не имеет морфологических маркеров детерминации, но при этом его совместимость с лексической детерминацией далеко не столь однозначна.

Возможности сочетаемости неоформленного субъекта с адъективными детерминативами (в препозиции) ограничены. В большинстве случаев это связано с неопределенностью, которая маркируется отсутствием артикля. Таким образом, в этом контексте невозможны:

- демонстративы и посессивы, поскольку они предполагают обязательное наличие определенного артикля;
- генитивные детерминативы, поскольку они предполагают специфический денотат, а следовательно, требуют наличия артикля;
- относительные прилагательные по тем же причинам:

(30) **hayragan* *dun* *garruc'vec'av*
 отцовский дом строить:PASS:AOR3SG
 *Построился отцовский дом.

- качественные субъективные прилагательные:

(31) **sireli* *ašagerd* *g'usani*
 любимый ученик учиться:PST3SG
 *Учится любимый ученик.

Единственными возможными детерминативами оказываются:

- числительные в некоторых контекстах:

(32) *dasə* *xncor* *ga (*gan)*
 десять яблоко иметься:3SG (*3PL)
 Есть 10 яблок.

Из невозможности употребления глагола во множественном числе следует, что числительное обозначает не количество конкретных индивидуальных денотатов (Qnt, в терминах Кюльоли), а глобальную квантификацию (Qlt) (см. [Donabédian 1993]).

- определительные и качественные прилагательные (и, соответственно, некоторые генитивные детерминативы) в том случае, если они образуют цельное понятие, то есть, в терминах школы Кюльоли, если они оперируют в плане Qlt, а не Qnt; например, прилагательное *nor* 'новый' в (19), а также см. следующие примеры, представляющие варианты примеров (20), (11d) и (11e):

(33) *badanegan* *hamerk* *gə gazmagerbvi*
 подросток:ADJ концерт организовывать:PAS.PST3SG
 Организуется концерт подростков (для подростков).

(34) a. *sastig* *ancrev* *gu ka* b. *hast* *məšuš* *ingav*
 сильный дождь приходиться:PST3SG густой туман падать:AOR3SG
 а. Идет сильный дождь. б. Опустился густой туман.

3.1.3. Семантические свойства предикативной связи

Как было показано, какими бы ни были лексико-семантические свойства субъекта (допускающего и одушевленные имена) или глагола (как с неаккузативной, так и с неэргативной семантикой), конструкция их «отменяет». Такая семантическая лабильность компонентов побуждает нас обратиться непосредственно к значению их предикативной связи.

Возвращаясь к примеру (6), не допускающему неоформленный субъект, можно противопоставить ему следующий пример:

- (35) *pəžiškin* *hivant* *kənac* '?
врач:DAT-DEF больной-Ø идти:AOR3SG
Были ли сегодня у врача больные?

Хотя в данном примере глагол тот же, что и в (6), а имя того же типа, конструкция с неоформленным субъектом здесь оказывается возможной: она придает высказыванию значение предикации существования (что проявляется и в русском переводе, где отсутствует глагол «идти»). Таким образом, суть высказываний (10) и (35) заключается в самом определении характера ситуации (магазин не пустой, у врача есть работа).

Конечно же, это значение становится возможным и благодаря некоторой предсказуемости связи между S и V в (35)³¹, в противоположность примеру (6), где связь между S (сосед) и V (идти к врачу) является чисто ситуативной. Итак, мы имеем дело со сложными семантическими механизмами: врач принимает больных ~ больные ходят к врачу, связь между S и P является предсказуемой. Более того, само понятие S означает человека, отвечающего условию P (человек, пришедший к врачу, определяется как больной, вне зависимости от его реального состояния здоровья; посетитель магазина идентифицируется как покупатель, даже если он ничего не покупает). В обоих случаях речь идет не о референциальных устойчивых понятиях, а о понятиях реляционных и, к тому же, конвенциональных (в зависимости от культурных или ситуативных факторов, «больного» могут назвать «пациентом» или даже «клиентом»).

Здесь мы снова имеем дело с понятием «стереотипный предикат по отношению к данному подлежащему» (сопоставимый *mutatis mutandis* с внутренним объектом, где семантика глагола сводится к условию существования объекта). Теперь мы можем уточнить это понятие: стереотипным является в нем сам тип связи между S и P. Этот же тип связи характерен и для высказываний существования и в том числе – для предикаций «появления» и «исчезновения», которые, согласно [Ruwet 1988], являются простым видовым вариантом высказываний существования.

Таким образом, эти конструкции, в конечном счете, утверждают идею нерасчлененного предикативного отношения в целом для того, чтобы охарактеризовать саму ситуацию.

3.2. Коммуникативная структура

Эти высказывания отличаются и другим свойством, которое описывается разными авторами в сходных конструкциях (Л. Бэбби – применительно к бытийным высказываниям в русском языке [Babby 1980], Ж.-М. Маранден – применительно к неаккузативным конструкциям в романских языках [Marandin 2003]): в них субъект не является темой а, будучи неотделимым от глагола, составляет с ним чисто рематическое высказывание. Иными словами, он не является «категорическим» субъектом, и высказывание относится к «тетическим» (см. [Sasse 1987; Kuroda 1973]). Это проявляется и в просодике: фразовое ударение падает на субъект, а не на глагол, как в нейтральных конструкциях.

³¹ В этой конструкции важен и порядок слов: дополнение *pəžiškin* 'к врачу', вместо стандартной позиции перед глаголом, занимает первую позицию. Оно является темой, так же, как и *dunə* 'дома' в *dun-ə hac' gay?* 'дома есть хлеб?'.

Таким образом, мы имеем дело не со свободным, а со связанным субъектом, и предикативное отношение в целом (S + V) представляет единый блок. Мы уже убедились в том, что примеры, представленные в 2.1, 2.2, 2.3, и часть примеров 2.4 (пассивные конструкции) очень близки: в ассерции находится отношение между субъектом и предикатом, и блокируется возможность членения высказывания на тему и рему.

Рассмотрим подробнее семантику этих конструкций.

Если обозначить простое высказывание формулой **S R P**, где **S** – субъект, **P** – предикат, а **R** – отношение между ними, то каждый из этих трех элементов может нести главную информацию высказывания. Это может проявляться через фокализацию (для **S** и **P**), интонацию, через способ членения на тему и рему и др. Соответственно, в интересующих нас высказываниях выделяются различные категории:

- **S** является носителем информации в высказываниях существования; **P** является семантически слабым (возможно, семантически пустым) и соответственно отождествляется с **R**. То же самое можно сказать о «метеорологических» высказываниях, которые следует рассматривать как вариант предыдущих: предикат является стереотипным и утверждает манифестацию явления. Глагол может быть заменен «пустым глаголом» *ga* ‘имеется’ без утраты смысла, если не считать небольшого стилистического изменения; фокализация допускается только в отношении субъекта.
- **R** является носителем информации в высказываниях предрасположенности, которые выражают физическую манифестацию **S**: в (14) говорится, что «собака залаяла», имея в виду «здесь собака»; точно так же с глаголами среднего или пассивного залога, которые выражают типичный способ проявления данной сущности: свет *зажигается*, слезы *текут*, дом *строится*, конгресс *собирается*, книга *издается*, письмо *пишется* или *посылается*, слова *произносятся*, песня *поется* и т. п. Тот факт, что носителем основной информации является **R**, отражается, в частности, в возможности замены фразы «Папа храпит» на «Опять! Началось!», где перифраза основывается на формуле «что касается **P**, то это произошло». Главным центром информации, в зависимости от контекста, может быть само утверждение («есть **R**») или же видовой компонент глагола (изменение ситуации, граница). В таких структурах подвергаться фокализации тоже может только субъект.
- Для того чтобы информативный центр высказывания опирался на **P**, необходимо, чтобы субъект являлся одновременно темой (топиком) и чтобы было возможно членение **S / P**, где **S** – тема, а **P** – рема (то есть в фокусе находится глагол). Это может иметь место только в категорических высказываниях, которые и исключают употребление неоформленного субъекта в армянском языке.

3.3. Синтаксис

Даже если полностью принимать теорию неаккузативности, следует признать, что в армянском языке ситуация сложнее, чем во французском, где прономинализация с *en*, как и отрицание с *de* или согласование глагола, являются надежными критериями, однозначно свидетельствующими в пользу синтаксической интерпретации таких конструкций:

(36) *Alors arrivèrent trois nouveaux élèves.*

Тогда пришли три новых ученика.

В (36) позиция группы *trois nouveaux élèves* ‘три новых ученика’ после глагола считается слабым критерием (во французском в постпозиции к глаголу могут стоять и полные субъекты), в то время как прономинализация с *en* в *quelques minutes plus tard en*

arrivèrent deux autres ‘через несколько минут пришли / пришло еще двое’ представляет собой сильный критерий в пользу объектной интерпретации, так же, как и нетипичное согласование глагола с именной группой в (37):

(37) *Je voudrais que viennent Marie et toi*³².

Я хотел бы, чтобы пришли Мария и ты.

Аналогичным образом в армянском языке тот факт, что субъекты рассмотренных здесь конструкций выражены неоформленным именем, считается слабым критерием в пользу объектной интерпретации.

Можно ли выделить четкие критерии, которые позволяли бы определять статус этих неоформленных имен в начальной позиции? На самом деле, большинство известных тестов к армянскому языку не применимы, в силу ряда его типологических особенностей. Попробуем, все же, это сделать:

- **Согласование глагола.** В армянской традиции принято говорить о согласовании глагола с субъектом. Действительно, маркеры лица и числа субъекта и глагола, как правило, совпадают. Однако согласование остается в армянском слабой³³ категорией. Единственный различительный контекст, который можно было бы использовать в качестве теста, представляют формы множественного числа третьего лица, но свойством неоформленных субъектов является отсутствие множественного числа, что не позволяет провести тест. Для него подходят только высказывания, которые включают именные синтагмы с подчиненным субъектом, рассмотренные в 2.4.2. Они представляют специфическую ситуацию: два имени не характеризуются индивидуальной множественностью, а образуют единый субъект, который не всегда сочетается с глаголом во множественном числе.
- Если обратиться к синтагмам с квантификаторами (числительные, *šat* ‘много’), нетрудно заметить, что тест на согласование также не может быть применен (возможно, потому что добавление к имени маркера множественного числа (38b) автоматически выводит высказывание из интересующего нас класса). Рассмотрим следующие примеры:

- (38) a. *šad ašagerd-∅ yegav*
 много ученик-∅ приходит:AOR3SG
- b. *šad ašagerd-ner yegan*
 много ученик-PL приходит:AOR3PL
 Пришло много учеников.
- c. **šad ašagerd-∅ yegan*
 много ученик-∅ приходит:AOR3PL

- **Контроль рефлексивов.** Синтаксическая эффективность этого теста неоднозначна: известно, что такого рода тесты применительно к эргативным языкам позволяют во многих случаях выявить семантический (например, экспериенцер),

³² Примеры Ж.-М. Марандена.

³³ Как мы пытались показать в начале статьи, армянский в принципе допустимо считать языком, не имеющим согласования в грамматическом смысле этого термина. Действительно, в тех единственных случаях, когда значения разных маркеров в высказывании должны совпадать (лицо в субъекте и в глаголе, лицо в посессивном артикле и в посессивном прилагательном), речь никогда не идет о простом формальном соположении и каждый маркер остается автономным: местоименный субъект вполне может опускаться, а лицо выражаться только глагольной флексией; то же происходит с посессивным прилагательным. Аналогичные процессы прослеживаются в так называемом согласовании по числу: показатель числа не является морфологически зависимым и имеет самостоятельное значение (см. [Donabédian 1993] о значении факультативных показателей множественности после числительных).

но не синтаксический субъект. Впрочем, построение необходимых для тестирования высказываний наталкивается на определенные трудности: в высказываниях типа (39) управление возвратными глаголами оказывается возможным только в том случае, если субъект является определенным (полный субъект, стандартная конструкция):

(39) <i>ancrevə</i>	<i>yegav</i>	<i>ir</i>	<i>garkin</i>
дождь:ARTDEF	приходить:AOR3SG	REFL.SG	очередь:DAT
Настала очередь дождя.			
* <i>ancrev-∅</i>	<i>yegav</i>	<i>ir</i>	<i>garkin</i>
дождь-∅	приходить:AOR3SG	REFL.SG	очередь:DAT

В высказываниях же типа (19) оно допустимо, только если глагол согласован с формой множественного числа:

(40) <i>seyan</i>	(<i>u</i>)	<i>at'orr</i>	<i>dabalec'an</i>	<i>irenc'</i>	<i>deyen</i>
стол	(и)	стул	рухнуть:AOR3PL	REFL.PL	место:ABL
Столы и стулья рухнули.					
* <i>seyan</i>	(<i>u</i>)	<i>at'orr</i>	<i>dabalec'av</i>	<i>irenc'/ir</i>	<i>deyen</i>
стол	(и)	стул	*рухнуть:AOR3SG	REFL.SG/PL	место-ABL

- Возможен и тест на валентность, в котором можно попытаться проверить, допускает ли конструкция одновременно неоформленный субъект и объект. Этот случай приводится в (24) и рассматривается в 2.4.1. В нем выражен объект (*lezu*) и одновременно неоформленный субъект (*ašagerd*).

Впрочем, если рассматривать неоформленные субъекты как объекты, то придется признать, что (41a) и (41b) имеют неодинаковую синтаксическую структуру, что трудно допустить:

(41)а. <i>šun-∅</i>	<i>gə hače</i>	б. <i>šun-ə</i>	<i>gə hače</i>
собака(?O)	лает	собака-ARTDEF(S)	лает
Здесь собака лает.		Собака лает.	

Некоторые перспективные тесты показывают, что нет оснований утверждать (за исключением пассивных высказываний – см. комментарий к примеру 23), что такие нестандартные субъекты по сути являются глубинными объектами. Более того, тот факт, что рассмотренные здесь синтаксические тесты являются малоэффективными, говорит о том, что такие неоформленные имена в начале предложения занимают синтаксически немаркированную позицию: объектные свойства не выражены, но практически не выражены и субъектные свойства. Как нам представляется, это показывает, что эффективность синтаксического анализа в прочтении такого рода высказываний крайне низка. Именно этим вызваны в первую очередь замечания Фореста и Куно к неаккузативной гипотезе.

4. КАКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА ВОЗМОЖНЫ ДЛЯ ТАКИХ КОНСТРУКЦИЙ?

4.1. Синтаксический тупик

Приведенные факты не подтверждают гипотезу, согласно которой эти нестандартные субъекты являются глубинными объектами. В целом, они показывают, что синтаксический анализ не позволяет выявить специфику таких нестандартных субъектов, как и высказываний, в которых они появляются. Анализ Ж. Лазара [Lazard 1994], который полагает, что в высказываниях такого типа мы имеем дело с безличными конструкциями (и, соответственно, выделяет в составе такого рода неоформленных субъектов

актант Н), также является синтаксическим: даже если такие субъекты здесь не приравниваются к объектам, тем не менее, анализ ориентирован на актантность³⁴.

Заметим, что семантические подходы которые, вслед за Ван Валином, отказываются от синтаксического анализа, опираясь исключительно на лексические свойства предиката, также не проясняют сути интересующего нас явления.

Лингвисты армянской школы, под влиянием русской традиции, придающей важное значение коммуникативной структуре высказываний, избегают «синтаксического тупика»: они не подвергают сомнению субъектность этих единиц в начальной позиции, но при этом определяют такие высказывания как односоставными предложениями (арм. *miakazm nahadasutyun*). Таким образом, они подчеркивают тетический характер этих конструкций, о котором мы не раз говорили выше, и некоторые его интонационные последствия.

При этом заметим, что наибольшее внимание европейские авторы³⁵ уделяют конструкции в целом, ставя в центр анализа семантико-прагматические свойства таких высказываний. Это свойственно как авторам, которые решительно возражают против теории неаккузативности (как, например, Р. Форест [Forest 1995], который считает, что «теория дескриптивности позволяет обойтись без гипотезы неаккузативности»), так и приверженцам гипотезы неаккузативности (в частности, Ж.-М. Маранден, который, вслед за Ламбрехтом, видит в этих конструкциях тетические высказывания, выполняющие «условие предварительной предрасположенности» (*condition de la disposition pré-supposée*))³⁶.

4.2. Неоформленное имя в армянском

Для того, чтобы лучше понять такие конструкции в армянском, следует вернуться к системе формальных признаков, их отличающих. Неоформленные субъекты характеризуются:

- нулевым маркером неопределенности у имени;
- непосредственно предглагольной позицией;
- невозможностью для имени становиться темой, а для глагола – являться фокализованной ремой.

Таким образом, в армянском такие субъекты не являются стандартными, поскольку их автономность по отношению к глаголу является ограниченной, что скорее типично для объектов (для которых в языках мира наблюдаются различные степени их инкорпорированности), но значительно менее типично для субъектов, поскольку это вступает в противоречие с некоторыми сущностными свойствами субъекта: он по определению обладает существенно большей автономией, чем другие аргументы, и, в тех случаях, когда на детерминацию накладываются определенные ограничения, можно ожидать, что детерминация будет сильнее выражена в субъекте, чем в объекте, а не наоборот. При этом, именно неоформленный объект, в тех языках, где он существует, наиболее охотно вступает в инкорпорацию, которая представляет для объекта минимальную степень автономии, между тем, как наличие полноценных инкорпорированных субъектов является проблематичным³⁷.

³⁴ Отметим, что Ж. Лазар ссылается на очень тонкое исследование [Rivière 1981], посвященное семантическим и коммуникативным свойствам таких высказываний, однако в своих построениях не придает этим фактам принципиального значения.

³⁵ В их числе и Е.В. Падучева.

³⁶ Заметим, что Ж.-М. Маранден использует оба подхода, но любопытно, что в своей статье [Marandin 2003] он не пытается как-то согласовать их: автор рассматривает инверсию, оставляя в стороне гипотезу неаккузативности, в то время, как все высказывания, которые он связывает с «*condition de disposition préconstruite*», описаны в рамках теоретического подхода, который он провозглашает.

³⁷ Т. Гивон [Givón 1995: 190] утверждает, что инкорпорация субъекта, хотя и менее частая, чем инкорпорация объекта, все же встречается в некоторых языках. При этом он опирается на примеры, заимствованные у Марианны Митун. Однако многие лингвисты полагают, что эти редкие примеры порождены неадекватным инструментом описания, а не реальной инкорпорацией субъекта, свойственной языку.

Применительно к неоформленному субъекту, мы старались показать [Dapou-Boileau et al. 1993], что здесь неправомерно говорить об инкорпорации, поскольку предикативная группа OV не образует новую лексическую единицу и ее значение выводится из суммы значений составляющих ее членов (является составным). Таким образом, сочетание остается свободным, дефицит автономности объекта обусловлен не лексическими свойствами имени, а степенью референциальности объектной синтагмы.

Выделенная Кюльоли оппозиция между *notion* (собственно понятие) и *occurrence* (референциальное понятие) оказывается исключительно полезной для осмысления интересующего нас случая: выступая как лексически неоформленный (-ø), объект является чисто «понятийным» (*notionnel*), что связано с планом *Qlt* (качественная сущность), а не «референциальным» (*occurrence*) (связано с планом *Qnt*). Таким образом, у него отсутствует подлинная референциальная автономность, его функция состоит в том, чтобы привнести дополнительный смысловой элемент в семантику глагола, с которым он образует семантическое единство. Образующий таким образом предикат выражает общее понятие о деятельности, но без настоящей инкорпорации (42a). Этим он отличается от деривационных глаголов, которые могут обозначать одну и ту же мысль, но путем подлинной инкорпорации (42b):

(42)a. <i>namag</i>	<i>krel</i>	b. <i>namag-a-krutiwn</i>
письмо-ø	писать	письмо-INFX-писание
a. (на)писать письмо		b. писание письма, переписка.

Однако, если свойства *namag krel* и не позволяют считать *namag* инкорпорированным объектом³⁸, не вызывает все же сомнения, что объект не обладает здесь всеми именными свойствами полного актанта, что заставляет его отнести к референциальному понятию (*Qnt/Qlt*), а не просто к *Qlt*. Можно сблизить его с *namagə gə kre* 'он пишет письмо', где именным членом включает определенный артикль и обозначает конкретный объект (здесь – результат процесса писания), в то время как *namag krel* обозначает неопредельную, то есть не телическую деятельность: объект специфицирует процесс, определяя характер писания, но не выражая результата этой деятельности (конкретное письмо). Эти соображения и привели нас к утверждению [Dapou-Boileau et al. 1995] о том, что объект в армянском языке может проявляться как п о л н ы й а к т а н т, которому присуща референциальная автономность (что обязательно маркируется н о м и н а н т а м и³⁹ и, следовательно, несовместимо с неоформленным именем), или может выступать в роли глагольного детерминатива, который своим именным значением дополняет значение глагола, не становясь при этом актантом в полном смысле этого термина. Так, в (4), с нулевым детерминативом у объекта, предикат *kirk' gartal* букв. «книга читать» семантически занимает промежуточное положение между русским 'читать книги', с одной стороны, и «читать» (в непереходном значении), с другой.

Эта функция глагольного детерминатива во многом совпадает с функцией прилагательного, прототипической формой которого и является неоформленная основа. Прилагательные также являются неизменяемыми и находятся в препозиции к определяемому имени.

В каком плане эти свойства неоформленного объекта могут быть приложимы к субъекту? В соответствии с критериями подлежащности, систематизированными Кинэном [Keenan 1976], субъект, будучи темой, должен иметь свойство автономности, что в

³⁸ Такими свойствами являются, в частности, возможность фокализации объекта или возможность вставки таких модификаторов как *šad* 'много' между объектом и глаголом: *namag šad krec* 'i.

³⁹ Грамматические показатели, благодаря которым формируются собственно именными формы [Hagège 1982]. В армянском они находятся, как правило, в постпозиции к имени.

случае армянского языка объясняет обязательное присутствие эксплицитного маркера референции к конкретному предмету. Следовательно, субъект не может быть чисто понятийным и неавтономным (нереференциальным). Это, в частности, позволяет понять правило, в соответствии с которым он не может выступать в качестве неоформленной лексемы в примере (6).

Высказывания, которые представляют исключения из этого правила, характеризуются именно такими конструкциями, в которых автономность субъекта ограничена в силу семантических и коммуникативных свойств, описанных выше:

- меньшая степень агентивности субъекта (описательные и экзистенциальные высказывания);
- семантически предсказуемые отношения SP (предикат предрасположенности);
- отсутствие членения (тетическое высказывание).

Эти семантические и коммуникативные признаки, имеющие в армянском непосредственное отношение к интересующей нас форме в рассмотренных конструкциях, позволяют выявить атипичные свойства такого рода нестандартных субъектов. Подчеркнем, что представленный анализ позволяет избежать сложных синтаксических операций, которые, будучи, как правило, сложными и громоздкими, обычно имеют весьма ограниченную объяснительную силу.

4.3. Армянский неоформленный субъект и проблема неаккузативности

Мы рассмотрели и проанализировали условия, в которых в западноармянском языке субъект может появляться с нулевой детерминацией, что приводит к формированию особой нестандартной конструкции. В ходе анализа мы неоднократно ссылались на теории, опирающиеся на данные других языков и охарактеризованные разными формальными признаками (в частности, выбор вспомогательного глагола, порядок слов, выбор местоимения, падежа и т. д.). Какое место занимают армянские данные в этой проблематике? Их анализ позволяет утверждать, что неоформленный субъект в армянском языке входит в ряд явлений, относящихся к расщепленной непереходности (*split intransitivity*) или к неаккузативности.

Из рассмотренных данных следует, что это явление лучше объясняется прагматикой (тетические конструкции) и свойствами неоформленного имени как такового, чем синтаксисом (глубинный объект) или же лексическими свойствами предиката (неаккузативные глаголы), на которые ориентируется теория неаккузативности.

Можно было бы подумать, что такая позиция обусловлена лишь спецификой армянских данных, особенность которых состоит в том, что маркировка неаккузативности связана здесь с детерминацией. А детерминация представляет собой слабо грамматикализованную категорию, ориентированную на прагматику.

В этой связи подчеркнем, что, как нам представляется, было бы ошибкой полагать, что рассмотренные армянские факты определяются свойствами артикля как такового. Ограничимся здесь двумя аргументами:

– к близкой интерпретации приходят разные авторы, говоря о языках, в которых нерасщепленная непереходность маркируется более грамматикализованными способами ([Marandin 2003; Forest 1995; Падучева 1997] и др.);

– как мы показали в 4.2, маркировка в этих конструкциях определяется не категорией артикля (и, в частности, не отсутствием артикля), а тем, что имя является **н е о ф о р м л е н н ы м** (чистая основа без каких бы то ни было грамматических примет), что играет решающую роль в формировании его семантики и в его возможности появляться в качестве автономного актанта и расчлененной темы.

Таким образом, как нам представляется, имеются все основания полагать, что:

– неоформленный субъект является особым типом маркирования, который с полным основанием может быть введен в проблематику неаккузативности или расщепленной непереходности;

– в теоретической интерпретации интересующих нас конструкций армянские факты дают дополнительные аргументы как против чисто синтаксических подходов, так и против походов, опирающихся исключительно на лексические свойства компонентов, и привлекают наше внимание к совокупности свойств конструкции в целом, и в частности к ее прагматическим признакам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Падучева 1997 – *Е.В. Падучева*. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2.
- Aranovich 2007 – *R. Aranovich* (ed.). Split auxiliary systems: a cross-linguistic perspective. Amsterdam, 2007.
- Babby 1980 – *L.H. Babby*. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor (MI), 1980.
- Culioli 1990 – *A. Culioli*. Pour une linguistique de l'énonciation. T. 1. Opérations et représentations. Paris, 1990.
- Danon-Boileau et al. 1993 – *L. Danon-Boileau, A. Donabédian*. Construction référentielle et actance: l'exemple de l'arménien occidental // Bulletin de la société de linguistique de Paris. LXXXVIII. Fasc. 1. Paris, 1993.
- Danon-Boileau et al. 1995 – *L. Danon-Boileau, A. Donabédian*. Quand une préposition devient indice d'actance, le cas de la préposition *z-* dite nota accusativi en arménien classique // F. Madray-Lesigne, J. Richard-Zapella (eds.). Lucien Tesnière aujourd'hui. Louvain, 1995.
- Donabédian 1993 – *A. Donabédian*. Le pluriel en arménien moderne // Faits de Langues. 1993. 2.
- Forest 1995 – *R. Forest*. Existence et descriptivité: contre l'hypothèse inaccusative // LINX. Paris, 1995.
- Franckel, Paillard, Voguë 1989 – *J.-J. Franckel, D. Paillard, S. de Voguë*. Extension de la distinction: discret, dense compact au domaine verbal // J. David, G. Kleiber (eds.). Termes massifs et termes comptables. Recherches linguistiques XIII. Metz, 1989.
- Givón 1995 – *T. Givón*. Functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Hagège 1982 – *C. Hagège*. La structure des langues. Paris, 1982.
- Keenan 1976 – *E.L. Keenan*. Toward a universal definition of 'subject' // Ch. Li (ed.). Subject and topic. New York; San Francisco; London, 1976.
- Kuroda 1973 – *S.Y. Kuroda*. Le jugement catégorique et le jugement thétiq: exemples tirés de la syntaxe japonaise // Langages. 30. 1973.
- Lazard 1994 – *G. Lazard*. L'actant H: sujet ou objet? // Bulletin de la société de linguistique de Paris. LXXXIX. Paris, 1994.
- Marandin 1999 – *J.-M. Marandin*. Unaccusative inversion in French // Yves d'Hulst et al. (eds.). Romance languages and linguistic theory. Amsterdam, 1999.
- Marandin 2003 – *J.-M. Marandin*. Inversion du sujet et structure de l'information dans les langues romanes // D. Godard. Langues romanes: problèmes de la phrase simple. Paris, 2003. (см. также неопубл. версию <http://www.llf.cnrs.fr/fr/Marandin/LR-Inversion-Long.pdf>)
- Perlmutter 1978 – *D.M. Perlmutter*. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // J.J. Jaeger, A.C. Woodbury, F. Ackerman et al. (eds.). Proceedings of the fourth annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley, 1978.
- Rivière 1981 – *N. Rivière*. La construction impersonnelle en français contemporain. Saint Sulpice de Favières, 1981.
- Ruwet 1988 – *N. Ruwet*. Les verbes météorologiques et l'hypothèse inaccusative // C. Blanche-Benveniste, A. Chervel, M. Gross (eds.). Grammaire et histoire de la grammaire. Hommage à la mémoire de Jean Stéfanini. Aix-en-Provence, 1988.

- Sasse 1987 – *H.-J. Sasse*. The thematic/categorical distinction revisited // *Linguistics*. 25. 1987.
- Sorace 2000 – *A. Sorace*. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // *Language*. 76. 2000.
- Van Valin 1990 – *R.D. Van Valin*. Semantic parameters of split intransitivity // *Language*. 66. 1990.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1, 2, 3 – лицо; AB – аблатив; AOR – аорист; CD – прямой падеж (именительный-винительный); DAT – дательный падеж; DEF – определенный артикль; FUT – будущее время; IND – неопределенный артикль; INFx – инфикс; INS – творительный падеж; PASS – пассив; PL – множественное число; PST – настоящее время; SG – единственное число.

© 2010 г. И.Ф. РАГОЗИНА

**КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ
В ИРРЕАЛЬНО-УСЛОВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
(на материале русского и французского языков)**

Основная теоретическая задача настоящей работы состоит в дальнейшей разработке – уже на сопоставительной основе – метаязыка описания того рода объяснения, которое в более ранней публикации автора было названо контрфактическим (КО) [Рагозина 2008], а также в уточнении и углублении методики исчисления его разновидностей, или моделей. Цель работы – во-первых, в том, чтобы продемонстрировать на конкретных примерах релевантность исчисленных моделей, а, во-вторых, в том, чтобы выявить стандартный набор структурно-грамматических средств, необходимых для реализации КО в русском языке в сравнении с французским. Материалом для исследования служат русско-французские и французско-русские литературные примеры (оригинал-перевод), почерпнутые из романов Достоевского и произведений некоторых французских писателей.

А. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как видно из заглавия статьи, материалом для исследования послужат ирреально-условные предложения (ИУП), но не всякие, а только те из них, которые помимо основного, условно-гипотетического значения, содержат в качестве глубинного, имплицитного содержания причинно-следственный смысловой блок. Возможность подобного семантического «соседства» неоднократно констатировалась в русской синтаксической и типологической традициях [Грамматика-70; Грамматика-80; Беличова-Кржижкова 1985; Ляпон 1986; Сильницкий 1990; Храковский 1998], но особого внимания этому вопросу не уделялось. Что касается известных нам трудов по синтаксису французского сложного предложения, в том числе и с придаточным условным [Sandfeld 1936; Lanly 1957; Laurian 1964; Le Bidois 1971; Arrivé 1986; Béchade 1986; Hobaek-Haff 1990], то они вообще не содержат никаких указаний на связь ирреальности и каузальности. Е.Е. Корди в общем разделяет мнение большинства французских лингвистов, когда отмечает, что основным и единственным значением ИУП является ирреальная гипотеза разной темпоральной ориентации. Поэтому надо говорить об ирреальности прошлого и ирреальности настоящего, которая имеет «ряд подвидов, это скорее континуум от нереального предположения до потенциальности или реального предположения» [Корди 1998: 292].

И только тем исследователям, которые обратились к свойствам сослагательного наклонения, удалось объяснить феномен каузальной семантики в ирреально-условном предложении [Ильенко 1962; Гулыга 1976; Кузнецова 1981; Теремова 1990]. Ученые установили, что косвенное наклонение является по своей природе бифункциональным, и одна из функций его как раз и состоит в том, чтобы антитезно отображать каузально связанные события действительности. «Вербализованные звенья здесь как бы имеют подтекст, что превращает их в мнимо-положительные и мнимо-отрицательные конструкции» [Теремова 1990: 23]. Особо подчеркивается необходимость учитывать денотативную характеристику частей, которые должны быть непременно фактивными [Кузнецова 1981:100]. Вторая функция косвенного наклонения, по мнению тех же

авторов, состоит в том, чтобы описывать те события, которые существуют лишь в воображении говорящего. Эта функция формирует гипотетико-прогностический тип ИУП, который уже не содержит в себе каузальной основы. И хотя эти наблюдения были произведены на материале русского языка, сделанные выводы могут быть, как представляется, применены и к французскому языку.

Наша гипотеза состоит в том, что в ИУП, выражающих причинно-следственную связь, обе эти функции косвенного наклонения реализуются одновременно, создавая сложный смысловой комплекс контрфактического объяснения (КО). Контрфактическое объяснение противостоит обычному объяснению, выражаемому сложными предложениями с причинным придаточным, и отличается от него тем, что оно сопряжено с предсказанием, гипотезой о том, что могло бы быть, наряду с тем, что уже состоялось. Можно еще сказать, что обычное объяснение, выраженное индикативным предложением, является «одномирным», так как в нем зафиксирован лишь реальный мир с его причиной и следствием, которое, во избежание терминологической путаницы, лучше называть результатом. Контрфактическое же объяснение, как и выражающее его ИУП, всегда «двумерно»: над информацией о реальном (причина и результат) надстраивается сообщение о некоем воображаемом, виртуальном мире, контрадикторном реальному миру (нереализованные условие и следствие).

Гипотетическое условие и следствие, представленные поверхностной структурой предложения, вполне обозримы и сравнительно легко поддаются описанию, тем более что их главная характеристика – темпоральная ориентация. Если реальные и виртуальные события обращены в прошлое, то нужно говорить о ретроспективном прогнозе, или ретропрогнозе, под которым мы понимаем конструирование виртуального будущего, осуществляемое автором речи на базе реального прошедшего. Понятно, что вероятность такого прогноза всегда равна нулю. Если же реальные причина и результат совпадают с моментом речи, то виртуальные события ориентированы в более или менее определенное будущее, и тогда это будет собственно прогноз, вероятность которого может быть разной. Понятно, что одна-единственная русская «бы»-форма не способна без дополнительных средств дифференцировать временные планы, в то время, как французская глагольная морфология располагает двумя косвенными наклонениями: условное (кондиционал) и сослагательное (субжонктив), каждое из которых имеет собственную систему временных форм, посредством которых можно выразить и ирреальность настоящего (с некоторым выходом в потенциальность), и ирреальность прошедшего с ее «безнадежным» ретропрогнозом¹. Чтобы завершить описание виртуального мира, укажем, что на объективную (темпоральную) характеристику описываемых событий может наслаиваться их субъективно-вероятностная оценка – своего рода коррекция, которой говорящий субъект сопровождает свой ретропрогноз. С психологической точки зрения эта оценка представляет собой меру субъективной уверенности говорящего в том, что данное виртуальное условие могло повлечь именно данное виртуальное следствие. Например: *Если бы не его вмешательство, то все эти события, может быть / вероятно / скорее всего, не произошли бы.*

Перейдем теперь к описанию причинно-результативных связей; многообразие таких связей зафиксировано в структурно-смысловых разновидностях КО, которые мы представим сначала в виде базовых моделей.

¹ Ирреальность настоящего представлена лишь одной моделью: имперфект индикатива (IMP. Ind.) – настоящее кондиционала (Cond. prés). Ирреальность прошедшего имеет больше форм выражения (4 модели): 1) плюсквамперфект индикатива (PQP ind.) – прошедшее кондиционала (Cond. passé); 2) плюсквамперфект индикатива (PQP ind.) – плюсквамперфект субжонктива (PQP subj.); 3) плюсквамперфект субжонктива (PQP subj.) – плюсквамперфект субжонктива (PQP subj.); 4) плюсквамперфект субжонктива (PQP subj.) – прошедшее кондиционала (Cond. passé) [Корди 1989: 292].

В. БАЗОВЫЕ СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫЕ МОДЕЛИ КО

Идею подобных моделей подсказал нам сам корпус примеров, который мы собирали, применяя диагностический тест в виде вопросно-ответной системы: Почему (результат В)? Потому что (причина А), каковая послужит также и основой толкования примеров. Весь массив отобранных примеров распался на четыре весьма неравные части. Первая, самая многочисленная, группа примеров составила из конструкций с отрицательными формантами в зависимой и главной части, вторая, наименее многочисленная, – из высказываний без единого отрицания. Третью и четвертую – конструкции с одним отрицанием, соответственно, в зависимой и главной части. Последние две группы примерно равны по количеству примеров; их гораздо больше, чем во второй, но все же меньше, чем в первой. Эти группы представляют собой специфические структурные и семантические типы ИУП, что позволяет принять каждую из этих четырех видов структур в качестве контейнера для базовой смысловой модели КО.

Ввиду того, что объяснение амальгамировано с предсказанием, исчисленные нами модели КО получаются двойными: до знака // в них локализуется виртуальный мир (поверхностная структура), а после него – реальный мир (глубинная структура). Вот эти модели:

Модель 1. Если бы не было А, не было бы В// но А было, и поэтому было В.

1а) *Если бы не дожди (А), дороги бы так не раскисли (В) [но дожди прошли ('А'), и поэтому дороги раскисли ('В')].*

1б) *Если бы целый месяц не шли дожди ('А'), грибов наверняка столько бы не было ('В') [но дожди шли целый месяц ('А'), и поэтому было столько грибов ('В')].*

1в) *Если бы в расписании не произошли изменения (А), мы, может быть, не успели бы на поезд (В) [но изменения произошли ('А'), и поэтому мы успели на поезд ('В')].*

Модель 2. Если бы было А, то было бы и В // но А не было, и поэтому не было В.

2а) *Если бы вы тогда послушались моего совета (А), ваше положение было бы гораздо более стабильным (В) [но вы меня тогда не послушались ('не-А'), и поэтому ваше положение столь неустойчиво ('не-В')].*

2б) *Если бы проверяли билеты (А), ему бы пришлось побегать от контролеров (В) [но билеты не проверяли ('не-А'), и поэтому бегать не пришлось ('не-В')].*

Модель 3. Если бы не было А, то было бы В//, но А было, и поэтому не было В.

3а) *Если бы не его внезапная болезнь (А), он осуществил бы свои давнишние планы (В) [но он внезапно заболел ('А'), и поэтому не смог осуществить свои давнишние планы ('не-В')].*

3б) *Если бы вы ему не помогли (А), его бы посадили в тюрьму (В) [но вы оказали ему помощь ('А'), и поэтому его не посадили в тюрьму ('не-В')].*

Модель 4. Если бы было А, то не было бы В//, но А не было, и поэтому было В.

Если бы вы ему помогли (А), его не посадили бы в тюрьму (В) [но вы ему не помогли ('не-А'), и поэтому его посадили в тюрьму ('В')].

Буквы (А) и (В) обозначают зависимую и главную часть конструкции, независимо от модели. Эти же буквы без скобок будут в дальнейшем символизировать только виртуальные условие и следствие. Что касается денотативного содержания частей предложения (реальный мир), то для разных моделей оно будет формализовано по-разному. В первой модели с отрицаниями в (А) и (В) за обозначениями 'А' и 'В' стоят реализованные события (факты). Во второй модели (без отрицаний в частях) 'не-А' и 'не-В' указывают на «отрицательные факты» – положения дел, которые не состоялись, хотя были близки к реализации или ожидалось согласно логике вещей или установленному порядку. В третьей модели с отрицанием в части (А) комбинируются факты 'А' и 'не-В'. Четвертая модель – отрицание в части (В) – объединяет факты 'не-А' и 'В'².

²Ср. описание двух моделей ирреально-условных высказываний, содержащих отрицание в одной и в обеих частях в [Кузнецова 1981: 102; Теремова 1990: 23–24]; в нашей классификации они соответствуют первой и третьей моделям.

Нами было замечено, что рассмотренные примеры даже в рамках одной модели различаются тем, что в одних каузация носит более или менее непосредственный характер, а в других она имеет нечто вроде предыстории. Это легко показать с помощью метапредиката *каузировать*. В 1а) и 1б) ситуация 'А' каузировала 'В' непосредственно, а 1в) – опосредованно, через отмену готовящегося результата 'не-В' ['не-В' каузировано не быть]. Так, ситуация «не попасть на поезд» была готова осуществиться, но ее реализации помешал имевший место факт «изменения в расписании». Получается, что факт 'А' каузировал факт 'В', помешав реализоваться готовящемуся факту 'не-В'. Иными словами, мы получили еще один предикат для метаязыка описания: *помешать* в значении 'каузировать не быть'. Во всех остальных моделях «работает» лишь опосредованная каузация. Во второй модели 'не-А' каузирует 'не-В', помешав состояться 'В' ['В' каузировано не быть]. В частности, в 2а) «неследование» совету помешало достижению стабильности, которая могла бы быть достигнута в противном случае, в 2б) отсутствие контролеров «отменило» обычное в таких случаях перебегание «зайцев» из вагона в вагон. В третьей модели факт 'А' каузировал 'не-В', помешав состояться 'В' ['В' каузировано не быть]. Болезнь помешала сбыться планам, а вовремя оказанная помощь спасла от тюрьмы. В четвертой модели предыстория (цепь причинения) оказалась длиннее еще на один шаг: ситуация 'не-А' каузировала 'В' тем, что не помешала осуществиться 'не-В': не оказанная вовремя помощь ('не-А') не спасла от тюрьмы ['не-В' (= не тюрьма) не каузировано не быть (= тюрьма)].

Следующая особенность, которую мы заметили, состоит в том, что все высказывания, прежде всего в части (В), содержат в себе некие оценочные коннотации, которые легко выразить при помощи наречий *к сожалению* и *к счастью*. А это значит, что каждая из четырех моделей должна подвергнуться дальнейшей семантической дифференциации, на этот раз аксиологического характера. Для решения этой задачи придется сблизить две такие семантические области, как каузальность и оценка, которые, вообще говоря, не так часто рассматриваются вместе.

С. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СУБМОДЕЛИ БАЗОВЫХ СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫХ МОДЕЛЕЙ КО

Собственно, о том, что каузальные комплексы могут быть аксиологически окрашены, свидетельствует наличие в языке таких предлогов, как *из-за* и *благодаря*, употребляемых отдельно (*из-за дождя*) или в составе союзных комплексов (*из-за того, что...*). По существующему мнению, эти предлоги различаются по знаку оценки ситуации-следствия (результата): первый означает, что ситуация не желательна, а второй – что она желательна. При этом во многих случаях употребления этих предлогов речь идет не об объективных фактах, существующих сами по себе, а о тех же фактах, но рассмотренных сквозь призму людских интересов [Иорданская, Мельчук 1995: 169–171].

Напрашивается, однако, следующий вопрос: если, как отмечалось выше, бенефактивной оценке подлежит следствие (результат), то почему бы и причине не получить соответствующую оценочную квалификацию? Ведь именно причина является действующим началом, и результат является именно таким, каким она его порождает или вызывает. Косвенное подтверждение нашим догадкам мы нашли сначала у философов. Так, Г.Х. фон Вригт говорит о том, что в примитивном сознании «действие причины сравнивается с действиями человека, ответственного за свои поступки. ... Причина вызывает нарушение равновесия и поэтому ответственна за зло и несправедливость в природе... Греческое слово “причина” [aitia] означает одновременно и “вину”. ... Латинское слово *causa* по происхождению также является юридическим термином. ... Современное финское существительное *суу* ... имеет два значения: “причина” и “вина”» [Вригт 1986: 98]. Отметим, что у греческого слова [aitia] есть еще одно значение, а именно «болезнь», и Вригт предлагает расширить объем понятия «этиология» (от [aitia]. – И.Р.) так, чтобы этот термин обозначал не только изучение причин болезней, но и исследование причин вообще [Там же]. На семантическое родство понятий «причина» и «вина» указывала также Н.Д. Арутюнова.

Из сказанного явствует, что причины являются в основном «плохими» и к тому же онтологически явно неоднородными. На эту неоднородность указывают и два специфических классификатора, которые мы обнаружили в одном из этимологических словарей латинского языка; это словосочетания *causa culpa* и *causa poxa*, где *culpa* означает 'личная виновность, или ответственность', а *poxa* – 'вред, ущерб, причиненный людьми и особенно обстоятельствами' [LW 1954: 154]. В первом случае субъект есть источник зла (виновник, вольный или невольный), а во втором каузирующим фактором являются неблагоприятные для него ситуации, в том числе и другие люди. Но наряду с «плохими» причинами, ассоциированными с предлогом *из-за*, должны существовать и «хорошие», о чем свидетельствует наличие предлога *благодаря*. Подходящего названия для «хорошей» причины нам, правда, найти не удалось, но мы его сконструировали по аналогии в виде словосочетания *causa gratia*. Слово *gratia* переводится как 'благоприятствование, милость, и пр.', оно близко по значению французскому предлогу *grâce à* (*благодаря*), к тому же от него произошло существительное *la grâce*, имеющее, кроме прочих, и такое прямо каузальное значение, как 'помилование'. *Causa gratia* будет обозначать и лицо (субъект-благодетель), и разного рода благоприятствующие, в том числе и спасительные обстоятельства. Само собой разумеется, что при определении причинного фактора как положительного или, напротив, отрицательного в уже сложившемся высказывании приходится отталкиваться от оценочной характеристики того результата, которое им порождается.

Исчисленный набор каузальных лексем-классификаторов – существительные и предлоги в составе союзных комплексов – можно дополнить глаголом того же значения, например, каузативом *вызывать* [Падучева 1994: 8]. Представляется все же, что этому глаголу с его оценочно нейтральным смыслом можно подобрать ряд синонимов с различными бенефактивными коннотациями, которые специфицировали бы способ действия соответствующих причин. Так, если с *causa poxa/culpa* и предлогом *из-за* ассоциируется каузатив *спровоцировать* ['каузировать плохое быть'], с *causa gratia* и предлогом *благодаря* – глагол *способствовать* ['каузировать хорошее быть']. А оба эти два предиката находятся в пресуппозиции глагола *помешать*. С учетом оценочных коннотаций мы получаем следующие два значения этого глагола: 1) *помешать* (*хорошему*) = 'спровоцировать [каузировать хорошее не быть]' и 2) *помешать* (*плохому*) = 'способствовать [каузировать плохое не быть]'. В «плюсовом» своем значении этот глагол оказывается синонимом *спасти* и *предотвратить*. Семантический язык описания первых трех моделей будет включать в себя глагол *помешать* в обоих своих значениях, что же касается четвертой, то здесь этот предикат будет присутствовать лишь в «минусовом» своем значении, да еще и с отрицанием: *не мешать* (*causa poxa/culpa*) = *не спасти* [не каузировать плохое не быть].

Установленная металексика позволит нам семантически диверсифицировать четыре базовые модели КО посредством исчисления внутри каждой из них аксиологических субмоделей. Внутри первых трех моделей мы выделим по две субмодели, в зависимости от того, какого рода причина — *causa culpa / causa poxa* или *causa gratia* — в них участвует. Первая субмодель 1.2. получит конкретизацию в виде двух более дробных субмоделей 1.2а) и 1.2б), уточняющих способ действия *causa gratia* (непосредственный или опосредованный). Самой однообразной будет четвертая модель с одной («плохой») причиной и одной субмоделью. Подобно исходным базовым моделям, субмодели также должны быть двухслойными: сначала будет формулироваться оценочно окрашенный прогноз (до знака //), а затем каузальная структура.

1.1. 'Если бы не было плохое А, то не было бы плохое В //, но, к несчастью, *causa poxa / culpa* 'А' спровоцировала плохое [плохое 'В' каузировано быть]'.

1.2. 'Если бы не было хорошее А, то не было бы хорошее В //, но, к счастью,

1.2. а) *Causa gratia* 'А' способствовала хорошему [хорошее 'В' каузировано быть]'.

1.2. б) '*Causa gratia* 'А' предотвратила плохое [плохое 'не-В' каузировано не быть] = способствовала хорошему [хорошее 'В' каузировано быть]'.

2.1. ‘Если бы было хорошее А, то было бы хорошее В //, но, к несчастью, *causa poxa / culpa* ‘не-А’ помешала хорошему [хорошее ‘В’ каузировано не быть] = спровоцировала плохое [плохое ‘не-В’ каузировано быть]’.

2.2. ‘Если бы было плохое А, то было бы плохое В //, но, к счастью, *causa gratia* ‘не-А’ предотвратила плохое [плохое ‘В’ каузировано не быть] = способствовала хорошему [хорошее ‘не-В’ каузировано быть]’.

3.1. ‘Если бы не было плохое ‘А’, то было бы хорошее ‘В’ //, но, к сожалению, *causa poxa* (‘А’) помешала хорошему [хорошее ‘В’ каузировано не быть] = спровоцировала плохое [плохое ‘не-В’ каузировано быть]’.

3.2. ‘Если бы не было хорошее ‘А’, то было бы плохое ‘В’ //, но, к счастью, *causa gratia* ‘А’ предотвратила плохое [плохое ‘В’ каузировано не быть] = способствовала хорошему [хорошее ‘не-В’ каузировано быть]’.

4.0. ‘Если бы было хорошее А, то не было бы плохое В //, но, к сожалению, *causa poxa* ‘не-А’ не помешала плохому [плохое ‘В’ не каузировано не быть]’.

Теперь, когда оговорены основные теоретические моменты, можно переходить к исследованию практического материала. Содержательный анализ примеров будет состоять в их интерпретации согласно общей формуле толкования и в соответствии с той субмоделью КО, которую призван иллюстрировать данный пример. В ходе структурного анализа будут фиксироваться основные показатели поверхностной реализации КО, как-то: синтаксическая структура высказывания (прототипический образец и отклонения от него), формы отрицания, маркирующие ту или иную модель, модально-темпоральная упаковка, отражающая временную локализацию описываемых событий и вид прогноза, средства выражения вероятностного корректирования последнего. Все эти особенности будут продемонстрированы на двойной структурно-грамматической формуле (оригинал-перевод), исчисленной для каждого из рассмотренных примеров. Суммарный анализ полученных результатов будет произведен в заключении.

Д. АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИМЕРОВ

1.1. ‘Если бы не было плохое А, то не было бы плохое В //, но, к несчастью, *causa poxa / culpa* ‘А’ спровоцировала плохое [плохое ‘В’ каузировано быть]’.

(1) *He* будь этого рокового песта в руках его (А), он бы только избил бы отца, может быть, но не убил (В) («Братья Карамазовы»). Перевод. *S’il n’avait pas eu ce fatal pilon dans sa main (А), il aurait peut-être seulement battu son père, mais ne l’eût pas assassiné (В)*.

Толкование: ‘Почему (так могло случиться, что) Дмитрий убил отца? (‘В’) Из-за того, что у него в руках был тяжелый предмет (медный пест) (‘А’)’. Этот фрагмент речи адвоката показывает, что катастрофа здесь спровоцирована случайным стечением обстоятельств (*causa poxa*), хотя и не без виновника (*causa culpa*). В главной части представлены целых два виртуальных следствия одного и того же условия: первое (*избил бы*) является чисто воображаемым, без опоры на действительность, а второе (*не убил бы*), имеет реализованную контрадикторную альтернативу (‘убил’). Понятно поэтому, что из двух сказуемых лишь второе является отрицательным. В переводе первый глагол имеет форму сложного кондиционала (*aurait battu*), а второй – плюсквамперфекта субжонктива (*eût assassiné*). Вероятность ретропрогноза, судя по наличию модального оборота может быть (= *peut-être*), имеющего проблематический смысл, не слишком высока. Структурно-грамматическая формула:

(1a) **He** императив (А), **бы, может быть, не** (В).

(1б) **Si ne ... pas** PQP indic.(А), **peut-être, ne ... pas** PQP Subj. (В)

(2) *S’il n’avait pas plu dans la nuit de 17 à 18 juin 1815, l’avenir de l’Europe était changé. Quelques gouttes d’eau de plus ou de moins ont fait pencher Napoléon* (V. Hugo. «Les misérables»). Перевод. *Если бы в ночь с 17 по 18 июня 1915 не шел дождь, будущее Европы было бы иным. Несколько лишних капель воды сломали Наполеона.*

Толкование: 'Почему будущее Европы не оказалось иным (= из-за чего Наполеон проиграл битву при Ватерлоо) ('В')? Из-за того, что шел дождь (и поэтому вовремя не подошла артиллерия) ('А')'. В качестве неблагоприятного фактора выступает явление природы, которому таким образом приписывается роковое воздействие на исход сражения и судьбу императора. Каузальная связь этих фактов как бы еще раз резюмируется в следующем предложении посредством специальной каузативной конструкции (faire + инфинитив): *...ont fait pencher Napoléon* (букв. согнули) = *сломали Наполеона*. Этот текст имеет интересную особенность: часть (В) включает в себя форму модального имперфекта (*était*), который совмещает в себе как бы два значения: объективно-временное, так как он замещает собой кондиционал, и субъективно-модальное, придающее ретропрогнозу высоко вероятный характер. Отрицание в главной части как в оригинале, так и в переводе выражено лексически: посредством предикатива *changé* (= *иным*).

(2a) Si **ne ... pas** PQP ind. (A), (être) Imp. indic. **changé** (B).

(2б) Если бы **не** (A), бы **иным** (B).

1.2. 'Если бы **не** было хорошее А, то **не** было бы хорошее В //, но, к счастью...

1.2. а) Causa gratia 'А' способствовала хорошему [хорошее 'В' каузировано быть]'.
(3) *Знаешь, Ваня, что я бы, может быть, и не решилась на это (В), если б тебя не случилось со мной (А). Ты спасение мое, я тотчас на тебя понадеялась* («Униженные и оскорбленные»). Перевод. *Tu sais, Vania, que je ne me serais peut-être pas décidée à cela (B) si tu ne t'étais pas trouvé avec moi (A).*

Толкование: 'Почему (благодаря чему) я на это решилась ('В')? Благодаря тому, что ты оказался рядом (causa gratia) ('А')'. Существительное *спасение* здесь не указывает на предотвращенную опасность или избегнутую неприятность, а обозначает просто стимул, толчок к осуществлению задуманного. Субъективно-вероятностная оценка ретропрогноза здесь та же, что и в первом тексте (*может быть* = *peut-être*). Использование таких временных форм, как плюсквамперфект индикатива (*ne t'étais pas trouvé*) и перфект кондиционала (*ne me serais peut-être pas décidée*) характерно для ирреальности прошедшего. Эти формы являются носителями предикативного отрицания.

(3a) Бы, может быть, **не** (B), если бы **не** (A).
(3б) Peut-être ne ... pas Cond. Passé (B), si **ne ... pas** PQP indic. (A).
1.2 б) 'Causa gratia 'А' предотвратила плохое [плохое 'не-В' каузировано не быть] = способствовала хорошему [хорошее 'В' каузировано быть]'.
(4) *Si les blés et les seigles couchés par cette cohue de charrois en marche n'eussent comblé les ornières et fait litière sous les roues (A), tout mouvement, particulièrement dans les vallons étroits du côté de Papelote, eût été impossible (B)* (V. Hugo. «Les misérables»). Перевод. *Если бы колосья пшеницы и ржи, примятые потоком движущихся повозок, не заполнили выбоины и не образовали бы своего рода настил под колесами (А), то всякое движение, особенно в узких долинах со стороны Панелота, оказалось бы невозможно (В).*

Толкование: 'Почему (= благодаря чему) несмотря на дождь движение к месту битвы все-таки оказалось возможным ('В')? Движение оказалось возможным благодаря колосьям, которые заполнили выбоины и образовали настил (causa gratia) ('А')'. Если в ранее приведенном отрывке из того же романа природные условия погубили Наполеона, то здесь совсем другие, но тоже случайные обстоятельства его спасли, предотвратив самую большую в тот момент неприятность: невозможность прохождения войск и артиллерии на поле боя ('не-В'). Модально-темпоральная упаковка текста типична для рассуждения по поводу давно прошедших событий: в обеих частях фигурируют формы плюсквамперфекта субжонктива (*eussent comblé* и *eût été*). В отношении форм поверхностного отрицания русский перевод в точности следует оригиналу: предикативное отрицание в зависимой части (частицы *ne... pas* и *ne*) и лексическое (*impossible* = *невозможно*) в составе главной.

(4a) Si **ne ... pas** PQP du Subj. (A), (être) PQP du Subj. **impossible** (B).
(4б) Если бы **не** (A), (было) бы **невозможно** (B).

(4a) Si **ne ... pas** PQP du Subj. (A), (être) PQP du Subj. **impossible** (B).
(4б) Если бы **не** (A), (было) бы **невозможно** (B).

(5) Если бы не было взято так твердо решение мое на завтра (А), – подумал он вдруг с наслаждением, – то не остановился бы я целый час пристраивать мужичонку, а прошел бы мимо него и только плюнул бы на то, что он замерзнет (В) («Братья Карамазовы»). Перевод. *Si je n'avais pas pris une résolution si ferme pour demain (A) pensa-t-il avec délices, je ne serais pas resté une heure à m'occuper de cet ivrogne, j'aurais passé à côté sans m'inquiéter de lui (B).*

Толкование: 'Почему (= благодаря чему) я (Иван Карамазов) позаботился о замерзающем ('В')? Благодаря тому, что было так твердо принято решение объявить завтра о своей виновности на суде (causa gratia) ('А')'. Особый моральный настрой героя заставил его проявить заботу, помешав ему проявить обычное для него безразличие. Здесь, как и в (1) также два, точнее даже три виртуальных следствия, из которых второе и третье (*прошел бы мимо, плюнул бы*) носят характер абстрактной гипотезы. Переводчик представил эти два следствия в одной глагольной структуре, состоящей из формы перфекта кондиционала (*aurais passé*) и отрицательного инфинитива с предлогом *sans* (*sans m'inquiéter*). В оригинале отрицание является только предикативным (частица *ne*), в переводе возникает отрицательный предлог *sans*, входящий в состав сказуемой группы.

(5a) Если бы не (А), не бы (В).

(5б) Si **ne...pas** PQP indic. (А), Cond. passé + **sans** infinitif (В).

2.1. 'Если бы было хорошее А, то было бы хорошее В //, но, к несчастью, causa poxa / culpa 'не-А' помешала хорошему [хорошее 'В' каузировано не быть] = спровоцировала плохое [плохое 'не-В' каузировано быть]'.

(6) *Ah! Si j'étais riche, si j'avais gardé ma fortune, si je ne la leur avais pas donnée (А), elles seraient là, elles me lècheraient les joues de leurs baisers (В). Mais rien! L'argent donne tout, même les filles* (Н. Balzac. «Le père Goriot»). Перевод. *Ах, кабы я был богат, кабы не отдал им свое богатство, а сохранил у себя (А), они были бы здесь (В), у меня бы щеки лоснились от их поцелуев<...>. А теперь ничего! Деньги дают все, даже дочерей.*

Толкование: 'Почему они (дочери) не со мной? ('не-В'). Потому что = из-за того, что я не сохранил свое богатство ('не-А')'. Здесь говорящий обвиняет самого себя (causa culpa) в том, что дочери не соблаговолили к нему, умирающему, прийти. Факт 'не-А' (отсутствие денег) помешал произойти факту 'В' (приход дочерей). Описываемые ситуации, реальные и виртуальные, в основном синхронны моменту речи, что выражается в употреблении форм презенса кондиционала (*seraient, lècheraient*) и имперфекта индикатива (*étais*), но есть и элемент предшествования, представленный формой плюсквамперфекта индикатива (*avais gardé*), также фигурирующего в зависимой части. В принципе, реализация виртуального следствия не исключена, но из текста романа известно, что автор речи переживает свои последние минуты и надежд на появление дочерей у него уже почти не остается (вероятность прогноза около 0).

(6a) Si Imp ind. + PQP ind. (А), Cond. Prés. (В).

(6б) Кабы (А), бы (В).

(7) *И стал он ко мне ходить чуть не каждый вечер, и сдружились бы мы очень (А), если бы он мне о себе говорил (В)* («Братья Карамазовы»). Перевод. *Depuis lors il me rendit visite presque tous les jours. Et nous serions devenus de grands amis (В), s'il m'avait parlé de lui (А).*

Толкование: 'Почему мы не очень сдружились = не сдружились очень ('не-В')? Из-за того, что он о себе не рассказывал ('не-А')'. Собственно плохого в этой ситуации ничего нет, сожаление может вызвать лишь то, что неполная откровенность ('не-А') помешала полной дружбе ('В'), которую вполне можно было ожидать. Употребление модально-временных форм обычно для ретропрогноза: перфект кондиционала в главной части (*serions devenus*) и плюсквамперфект индикатива в придаточной части (*avait parlé*).

(7a) Бы (В), если бы (А).

(7б) Cond. Passé (В), si PQP ind. (А).

2.2. 'Если бы было плохое А, то было плохое В //, но, к счастью, causa gratia 'не-А' предотвратила плохое [плохое 'В' каузировано не быть] = способствовала хорошему [хорошее 'не-В' каузировано быть]'.

(8) *He to что обошел бы, а наверное все бы им оставил, а обошел бы именно меня одного (B), если бы сумел дело сделать и как следует завещание написать («Подорок»). Перевод. Non seulement il ne les aurait pas oubliés, mais certainement il leur aurait tout laissé. Il n'aurait oublié que moi (B) s'il avait fait les choses dans les règles et rédigé son testament comme il faut (A).*

Толкование: 'Благодаря чему меня не обошли в завещании ('не-В')? Благодаря тому, что он (завещатель) не сумел как следует оформить завещание ('не-А') (causa gratia)'. Получается, что только случайное происшествие (неправильно составленное завещание) помешало случиться неприятности (лишение наследства). Говорящий оценивает свой ретропрогноз как высоковероятный, о чем можно судить по наличию наречия наверное. Последнее не отделяется запятыми, в отличие от своего омонима с проблематическим значением, именно поэтому переводчик передал его наречием certainement. О локализации событий в прошлом свидетельствует стандартная пара модально-временных форм: плюсквамперфект индикатива (*avait fait*) и перфект кондиционала (*aurait oublié*).

(8a) Наверное бы (B), если бы (A).

(8б) Certainement Cond. Passé (B), si PQP ind. (B).

Прежде чем переходить к третьей модели, хотелось бы привести один из тех (весьма нередких) случаев, когда переводчик вводит отрицания там, где их нет в оригинале, что может даже привести к изменению модели КО.

(9) *Elle explique que s'il parle fort, c'est qu'il est empêché de remuer; il s'emporterait moins (B), s'il était ingambe (A) (A. Gide. «Les caves du Vatican»). Перевод: Она объясняет, что он потому так резок на словах, что не может двигаться, он не был бы таким вспыльчивым (B), если бы ему не мешало увечье (A).*

Этот текст интересен, во-первых, тем, что в нем одна и та же каузальная смысловая структура (объяснение) представлена дважды. Сначала идет прямое объяснение, вводимое соответствующим глаголом (*explique = объясняет*), а затем косвенное. Толкование: 'Почему он так вспыльчив (B)? Из-за того, что болен (causa poxa) (A)'. Во-вторых, тем, что его поверхностная структура оказывается как бы в двойном «комплекте»: без отрицаний в оригинале и с отрицаниями в переводе; это происходит благодаря утвердительно-отрицательной амбивалентности самой понятийной основы текста, которая определяет возможность соответствующих трансформаций, так, что вторая модель в оригинале оказывается первой в переводе. В-третьих, тем, что это высказывание содержит в себе собственно прогноз, вероятность которого достаточно велика. В самом деле, реальные события, совпадающие с моментом речи, содержат в себе потенциал для осуществления виртуальных условия и следствия. Неблагоприятная ситуация здесь вполне может исправиться: больной может выздороветь и перестать сердиться, что, впрочем, и произошло в ближайшем будущем. Использование глагольных форм – презентный кондиционал в главной части (*s'emporterait*) и имперфект индикатива в зависимой (*était*) – показывает, что речь идет именно о таком прогнозе.

(9a) Cond. Prés. (B), si Imp. ind. (A).

(9б) Не бы (B), если бы не (A).

3.1. 'Если бы не было плохое 'А', то было бы хорошее 'В'//, но, к сожалению, causa poxa ('А') помешала хорошему [хорошее 'В' каузировано не быть]=спровоцировала плохое [плохое 'не-В' каузировано быть]'

(9) – *Non, o non, sans moi (A) ils vivraient encore (B) (J.-P. Sartre. «Le diable et le bon Dieu»). – Нет, о, нет. Не* будь меня (A), они были бы живы (B).

Толкование: 'Почему (из-за чего или кого) их больше нет в живых ('не-В')? Из-за меня ('А') (causa culpa)'. 'А' – невольный виновник смерти людей, чья проповедь непротivления помешала людям сопротивляться и выжить ('В'). Катастрофическое событие 'не-В' предшествует моменту речи, но вместе с тем совпадает с ним (они погибли = их нет в живых), о чем свидетельствует форма презенса кондиционала (*vivraient*). Прогноз здесь является полностью безнадежным: присутствие глагола жить (или выжить) с отрицанием означает, что исправление наличной ситуации абсолютно невозможно

(0 вероятности). Зависимая часть этой конструкции отличается особой лаконичностью, которая, скорее всего, показалась переводчику чрезмерной, судя по тому, что предложно-местоименную конструкцию *Sans* + личное местоимение (*moi*) он переводит отрицательным императивом (*не будь меня*), а это значит, что лексическое отрицание в оригинале в переводе заменяется предикативным.

(9а) *Sans* мест. (А), Cond. Prés. (В).

(9 б) *Не будь* (А), бы глагол (В).

(10) *Вот, дескать, на что* (исполнение обычных человеческих обязанностей. – И. Р.) *я ухлопал мою жизнь, вот что связало меня по рукам и ногам, вот что помешало мне открыть порох. Не было бы этого* (А), я, может быть, непременно бы открыл порох, либо Америку (В) («Идиот»). Перевод: *Voilà, dit-il, à quoi j'ai gâché mon existence, voilà ce qui m'a lié bras et jambes, ce qui m'a empêché d'inventer la poudre. Sans ces obligations* (А), *j'aurais peut-être découvert la poudre ou l'Amérique* (В).

Толкование: 'Почему (из-за чего) я не открыл порох ('не-В')? Из-за того, что вынужден был заниматься повседневными делами ('А')'. Реализованное 'А' (повседневные житейские занятия) само по себе аксиологически нейтрально, но по отношению к несостоявшемуся «хорошему» 'В' (выдающиеся достижения) оно оказывается неблагоприятным, препятствующим фактором (*causa poxa*). Этот смысл препятствия, возникшего на пути к хорошему, передается в ближайшем предтексте самим глаголом *помешать* (= *être empêché*). Оценка вероятности ретропрогноза здесь также весьма не высока (может быть = *peut-être*). Носителем отрицания в зависимой части в переводе оказывается опять-таки синтаксическая свертка (*sans* + сущ.), заменяющая полноценную предикацию с частицей *ne* в оригинале. О том, что обсуждаемые события составляют уже далекую историю по отношению к моменту высказывания, свидетельствует форма перфекта кондиционала (*aurais découvert*) в главной части.

(10а) *Не* (было) мест. бы (А), может быть, бы (В).

(10б) *Sans* сущ. (А), Cond. Passé peut-être (В).

3.2. 'Если бы не было хорошее 'А', то было бы плохое 'В' //, но, к счастью, *causa gratia* 'А' предотвратила плохое [плохое 'В' каузировано не быть] = способствовала хорошему [хорошее 'не-В' каузировано быть]'.

(11) *Когда бедная женщина стала вынимать святые книги у нас в Гостином ряду, то посыпались и фотографии; толпа стеснилась, стали ругаться, дошло бы и до побоев* (В), *если бы не подоспела полиция* (...) (А) («Бесы»). Перевод. *Quand arrivée au marché la colporteuse se mit en devoir de déballer son ballot, les photographies s'éparpillèrent sur le sol. Il y eut un attroupement, on se mit à injurier la malheureuse, et on lui aurait fait certainement un mauvais parti* (В), *sans l'intervention de la police* (...) (А).

Толкование: 'Почему (= благодаря чему) дело не дошло до побоев ('не-В')? Благодаря вмешательству полиции (*causa gratia*) ('А')'. Факт 'А' (вмешательство полиции) предотвратил неприятность 'В', то есть спас бедную женщину от побоев. Субъективно-вероятностная оценка прошедших событий уточняется именно переводчиком, когда он передает не совсем ясное в этом отношении выражение дошло бы и до... наречием certainement, выражающим средневысокую вероятность реализации гипотетического следствия 'В'. Носителем поверхностного отрицания оказывается зависимая часть, где русской предикативной конструкции с отрицанием в переводе соответствует синтаксическая свертка в виде предлога (*sans*) и существительного пропозиционального значения. Понятно, что глагол-сказуемое главной части в форме сложного кондиционала (*aurait fait*) отрицания не несет.

(11а) Дошло бы и до... (В), *если бы не* (глагол) (А).

(11б) Certainement Cond. Passé (В) *sans* сущ. (А).

Следующий текст является одним из самых разговорных способов реализации КО.

(12) *En ce moment, si je ne vous avais pas amusé par ma conversation* (А), *que seriez-vous? Un cadavre introuvable dans un profond lit de vase* (В) (Н. Balzac. «Illusions perdues»). Перевод. *Ну, чем бы вы были теперь* (В), *не рассей я вас беседой* (А)? *Трупом, затонувшим в вязком иле* (В).

Толкование: 'Почему (= благодаря кому) вы не стали трупом, затонувшим в вязкой тине? ('не-В')? Благодаря тому, что я рассеял вас своей беседой ('А') (causa gratia)'. 'А' (беседа) – спасительный фактор, который предотвратил катастрофу 'В' (самоубийство). Рассуждение осуществляется в виде вопросно-ответной системы, которую можно назвать псевдиалогом. Специфична также и модально-темпоральная упаковка текста: наличие плюсквамперфекта индикатива (*avais amusé*) говорит о том, что первое событие (развлек беседой) предшествует моменту речи, а форма презенса кондиционала (*seriez*) свидетельствует о том, что реальное положение дел (не умер) синхронно моменту речи. Прогноз же представляет собой такую же чистую фикцию, как и в (9), с той лишь разницей, что там ситуация уже не может исправиться, а здесь – ухудшиться.

(12a) Si **ne ... pas** PQP ind. (A) que Cond. prés.? ИГ с сущ. (B).

(12б) **Не** императив (A) чем бы? ИГ с сущ. (B).

4.0. 'Если бы было хорошее А, то не было бы плохое В //, но, к сожалению, causa poxa 'не-А' не помешала плохому [плохое 'В' не каузировано не быть]'.
Начнем мы эту рубрику с анализа цитаты из Евангелия, приводимой Достоевским.

(13) *Господи! Если бы Ты был тогда здесь (А), не умер бы брат мой (В)* («Преступление и наказание»). Перевод. *Seigneur, si tu avais été là (А), mon frère ne serait pas mort (В)*.

Сестра Лазаря сетует на то, что брата погубило Его отсутствие (causa poxa) и что Спаситель не смог сделать для Лазаря то, что он всегда делал для всех, то есть предотвратить несчастье. Толкование: 'Почему (= из-за чего) умер мой брат? (В) Потому что Тебя с нами не было (не-А)'. Causa poxa ('не-А') не помешала плохому ('В'). Модально-темпоральная упаковка вполне стандартна: плюсквамперфект индикатива в придаточном предложении (*avais été*) и перфект кондиционала в главном (*serait mort*), последняя форма несет на себе предикативное отрицание.

(13a) Если бы (А), **не** бы (В).

(13б) Si PQP ind. (А), **ne ... pas** Cond. Passé (В).

В завершение анализа приведем структурный вариант особого рода, где представлена лишь зависимая часть, а вся главная часть представляет собой эллипсис – своего рода умолчание, к которому прибегают для того, чтобы не называть своими именами то ужасное, что произошло, но чего, при известном условии, могло бы и не быть.

(14) *C'est que les gens maintenant ne tiennent pas assez compte des principes; ils ne croient plus au péril de l'éducation qu'a reçue Thérèse; un monstre, sans doute; tout de même, on a beau dire, si elle avait cru en Dieu (А)... la peur est le commencement de la sagesse* (Fr. Mauriac. «Thérèse Desqueyroux»). Перевод. *И дело в том, что теперь не придают особого значения принципам и не замечают, насколько опасно то воспитание, которое получила Тереза. Конечно, она – чудовище, но что бы о ней не говорили, а если бы она верила в Бога (А)... (В), – страх – первая ступень к благоразумию.*

Трансформация: 'Если бы Тереза верила в Бога (= боялась Бога) ('А'), она бы не пыталась отравить своего мужа ('В')'. Толкование: 'Почему (из-за чего) она это сделала ('В')? Из-за того, что она не верила в Бога (causa culpa) ('не-А')'. Вера в Бога есть единственное спасение от зла, и именно ее отсутствие не спасло человека от попытки совершить преступление. Невыраженное виртуальное следствие (не пыталась бы отравить своего мужа) легко может быть эксплицировано посредством предикативной конструкции с глаголом в форме сложного кондиционала, что составило бы пару с плюсквамперфектом индикатива (*avait cru*) в части (А). При этом именно восстановленная часть (В) несла бы в себе отрицание (Тереза не совершила бы преступления).

(14a) Si PQP ind. (А), ... (В).

(14б) Если бы (А), ... (В).

Теперь можно приступить к обобщению полученных результатов, сначала теоретических, затем практических.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный теоретический итог нашей работы состоит в углублении и уточнении понятия контрфактического объяснения (КО), как сложного структурно-семантического комплекса, включающего в себя прогностический элемент (виртуальный мир) и каузальную составляющую (реальный мир). Первый реализуется в поверхностной структуре ирреально-условного предложения, а второй составляет его глубинный смысл. Были исчислены сначала четыре базовые модели КО в соответствии с расположением отрицательных формантов в частях конструкции. Это расположение отражает определенное соотношение отрицательных и положительных виртуальных условий и следствий, которым в контрадикторном порядке соответствуют пара состоявшихся или не состоявшихся событий реального мира, связанных в сознании говорящего как причина и результат. Корреляцию прогнозируемых условий и следствий и причинно-результативных комплексов показывает следующая таблица.

Условия и следствия	Причины и их результаты
1. Если бы не-А, то не-В	'А' и поэтому 'В'
2. Если бы А, то В	'не-А' и поэтому 'не-В'.
3. Если бы не-А, то В	'А' и поэтому 'не-В'.
4. Если бы А и не-В	'не-А' и поэтому 'В'

Базовые модели КО были диверсифицированы в виде восьми аксиологических субмоделей, которые демонстрируют соотношение виртуального и реального в бенефактивном ключе. Характер соотношения «плохих» и «хороших» условий и следствий и «плохих» и «хороших» причин и результатов изменяется от модели к модели. В субмоделях **первой** модели виртуальный и реальный мир имеют один аксиологический знак: «плохие» не-А и не-В // «плохие» 'А' и 'В' (1.1); «хорошие» не-А и не-В // «хорошие» 'А' и 'В' (1.2.а, б). В субмоделях **второй** модели прогнозируемое и констатируемое имеют противоположные аксиологические знаки: «хорошие» А и В // «плохие» 'не-А' и 'не-В' (2.1); «плохие» А и В // «хорошие» 'не-А' и 'не-В' (2.2). В **третьей** и **четвертой** моделях, где уже нет соответствия между виртуальными условиями и следствиями в отношении отрицания, аксиологическое равновесие тоже нарушается, и возникает комбинация плохого условия и хорошего следствия и наоборот. Но так как одно из них – условие в третьей модели и следствие в четвертой – является отрицательным, это восстанавливает бенефактивный баланс на уровне реальных причин и их результатов, которые не могут иметь разные оценочные знаки. Так, в субмодели 3.1. прогнозируются «плохое» не-А и «хорошее» В, а реализуются «плохие» 'А' и 'не-В'. В 3.2. виртуальный мир представляют «хорошее» не-А и «плохое» В, а реальный – «хорошие» 'А' и 'не-В'. **Четвертая** модель имеет лишь негативную окраску: «хорошее» А и «плохое» не-В соответствуют «плохим» 'не-А' и 'В'.

Каузальную «начинку» наших моделей и субмоделей можно синтезировать в виде некоего подобия этиологии (в том смысле, который придает этому термину фон Вригт), только нашу этиологию мы назовем бенефактивной.

«Плохие» причины и их следствия. Causa culpa (1) – «прямой» виновник (из-за кого-то). Causa poxa (1) – неблагоприятный фактор (из-за чего-то). Результат: неприятность, катастрофа, «удар судьбы». Предикат и метапредикат: *спровоцировать* [каузировать плохое быть] (1.1). Causa culpa (2) – «косвенный» виновник. Causa poxa (2): неблагоприятный фактор, помешавший хорошему. Результат: неприятность, катастрофа. Предикат и метапредикат: *помешать* хорошему [каузировать хорошее не быть, а плохое быть] (2.1 и 3.1). Causa culpa (3) – косвенный виновник (не успевший оказать помощь или воздержавшийся от вмешательства). Causa poxa (3) – нереализованный превен-

тивный фактор. Результат: непредотвращенная катастрофа. Предикат и метапредикат: *не спасти = не помешать* плохому [не каузировать плохое не быть] (4.0). «Хорошие» причины и их следствия. Causa gratia(1) – субъект-благодетель (благодаря кому-то) и благоприятствующий фактор (благодаря чему-то). Результат: удача, «подарок судьбы». Предикат и метапредикат: *способствовать* [каузировать хорошее быть] (1.2а). Causa gratia (2) – субъект-избавитель и превентивный фактор, помешавший плохому. Результат: спасение, избавление от неприятности. Предикаты и метапредикат: *предотвратить = спасти = помешать* плохому [каузировать плохое не быть, а хорошее быть] (1.2б, 2.2, 3.2). Бенефактивная окраска реального мира нередко выходит на поверхность текста в виде оценочно окрашенной лексики, а также «живых» диагностиков – слов, типа *спасение и помешать*.

Изложенные теоретические положения легли в основу методики анализа глубинного содержания русских и французских литературных примеров. Наблюдения над особенностями их поверхностной структуры, в сравнении с прототипическим образцом, представленным той или иной моделью КО, были зафиксированы в двойных структурно-грамматических формулах (оригинал-перевод). Суммирование полученных результатов позволяет построить структурно-грамматическую парадигму средств, в большей или меньшей степени общих для обоих языков.

В структурно-синтаксическом плане максимальной структурной вариативностью отличаются примеры на первую и третью модели, с отрицанием в части (А). Именно эта часть подвержена модификациям, из которых самая глубокая – выведение условного союза из состава придаточного предложения, что происходит, во-первых, за счет употребления отрицательного императива, во-вторых, через синтаксическую свертку, заменяющую полноценную предикацию. Такая полупредикативная конструкция часто состоит из именной группы с предлогом *без (sans)*. И если второй вариант является достаточно характерным как для русских и для французских примеров, то русский отрицательный императив, выступающий в качестве аналога условного придаточного, является уникальным явлением, не имеющим своего аналога во французском синтаксисе. В части (В) наблюдаются случаи коммуникативной вариативности (в виде вопроса) и эллипсиса-умолчания, причем независимо от модели. Такие случаи характерны для обоих языков, и перевод при этом всегда точно следует оригиналу. Стандартной формой поверхностного отрицания являются частицы *не* и *ne ... pas*. Отрицательный смысл может быть выражен лексически: предлог *без (= sans)* и предикативы, типа собственно отрицательного прилагательного (*impossible = невозможно*) и содержащего в себе отрицательную сему причастия *changé*, переведенного прилагательным *иной*. В случае амбивалентности контекста в отношении отрицания–утверждения, переводчик может даже изменить модель, поставив отрицания там, где их не было в оригинале, или произвести обратную трансформацию.

Центральным грамматическим компонентом парадигмы является модально-темпоральная упаковка французских примеров, в которой фиксируется временная локализация описываемых событий и вид прогноза; именно благодаря переводу в русских оригинальных высказываниях становится явным то, что, в силу особенностей грамматической системы русского языка, практически скрыто. Для выражения ирреальности прошедшего (ретропрогноз) наиболее распространенной – как в оригиналах, так и в переводах – является стандартная модально-временная система PQP ind. (А) – Cond. Passé (В). Формы глаголов в Cond. Passé (В) фигурируют и в «укороченных» конструкциях, где условие выражается в непредикативной конструкции. Весьма специфическим является сочетание PQP ind. (А) – Imp. ind. (В), где имперфект индикатива, выступая в качестве эквивалента кондиционала, имеет еще дополнительное значение высоковероятной гипотезы. Есть примеры и на употребление сослагательного наклонения в обеих частях конструкции: PQP subj (А) – PQP subj. (В). Эти две последние комбинации встречаются в основном в оригиналах, где мы констатировали более широкий спектр употребления глагольных форм, чем в переводах, авторы которых явно предпочитают перфект кондиционала, как наиболее простой и универсальный вариант.

Для ирреальности настоящего (просто прогноз) канонической является система Imp. ind. (A) – Cond. Prés. (B). Некоторым отступлением от образца является сочетание RQP ind. (A) – Cond. Prés., где условие предшествует моменту времени, а следствие с ним совпадает. Хотя конструкций с презентной кондициональной системой количественно в три раза меньше, чем таковых с перфектными системами, ирреальность настоящего более нюансирована в смысловом отношении. Правда, эта нюансировка проявляется уже не в грамматической, а лексической плоскости, ибо в самом значении глаголов заложена информация относительно шансов на исправление или ухудшение наличной ситуации, отсюда и разная вероятность реализации благоприятного или неблагоприятного прогноза.

Субъективно-вероятностная коррекция весьма часто сопутствует ретропрогнозу, выражаясь, как правило, в двух величинах: минимальной (*может быть* = *peut-être*) и средневысокой (*наверняка* = *certainement*). Порой именно переводчик уточняет субъективно-модальное значение некоторых русских выражений, таких, например, как *дошло бы и до*, которое, так же как и наречие *наверное*, передается французским наречием *certainement*. О роли модального имперфекта индикатива в этом плане было сказано выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беличова-Кржижкова 1985 – Х. Беличова-Кржижкова. Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языках // Новое в зарубежной лингвистике. XV. М., 1985.
- Вригт 1986 – Г.Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. М., 1986.
- Грамматика-70 – Грамматика современного русского языка. М., 1970.
- Грамматика-80 – Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
- Гулыга 1976 – Е.В. Гулыга. О взаимодействии смысла и синтаксической семантики предложения // ФН. № 3. 1976.
- Кузнецова 1981 – Л.К. Кузнецова. Функционирование сложноподчиненных предложений ирреального условия // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Л., 1981.
- Ильенко 1962 – С.Г. Ильенко. Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми к главному союзом *если*, в современном русском языке // Учен. зап. ЛГПИЯ им. А.Н. Герцена. Т. 225. Л., 1962.
- Иорданская, Мельчук 1996 – Л.Б. Иорданская, И.А. Мельчук. К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.
- Корди 1998 – Е.Е. Корди. Условные конструкции во французском языке // Типология условных конструкций. СПб., 1998.
- Ляпон 1986 – М.В. Ляпон. Смысловая структура сложного предложения и текста. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
- Падучева 1994 – Е.В. Падучева. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы // RLings. V. 18. 1994.
- Рагозина 2008 – И.Ф. Рагозина. «Если б да кабы...»: Об одном подходе к анализу контрфактических условных предложений // Между ложью и фантазией. ЛАЯ. М., 2008.
- Сильницкий 1990 – С.С. Сильницкий. Функционально-семантические типы наклонения и темпоральные характеристики // Теория функциональной грамматики. Темпоральность и модальность / Под ред. А.Н. Бондарко. Л., 1990.
- Теремова 1990 – Р.М. Теремова. Конструкции ирреального условного обоснования в текстовом аспекте // Текстовый аспект изучения синтаксических единиц, Л., 1990.
- Храковский – В.С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб., 1998.
- Arrivé et al. 1986 – A. Arrivé, Fr. Gadet, M. Galmiche. La grammaire d'aujourd'hui. Guide alphabétique de linguistique française. Paris, 1986.

- Béchade 1986 – *H. Béchade*. Syntaxe du français moderne et et contemporain. Paris, 1986.
- Hobaek-Haff 1990 – *M. Hobaek-Haff*. Quelques hypothèses sur les constructions hypothétiques // *Revue romane*. 25. № 1. 1990.
- Lanly 1957 – *A. Lanly*. Proposition hypothétique et conditionnée // *Le FM* 1957. T. 25. № 2.
- Laurian 1964 – *A. Laurian*. L'expression de l'hypothèse en français moderne (antéposition et postposition). Paris, 1964.
- Le Bidois 1971 – *G. Le Bidois*. Syntaxe du français moderne. T. 11. Paris, 1971.
- LW 1954 – *A. Walde, J.B. Hofman*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1954.
- Sandfeld 1936 – *K. Sandfeld*. Syntaxe du français contemporain. Les propositions subordonnées. Paris, 1936.

© 2010 г. Е.В. УРЫСОН

СОСТАВНЫЕ СОЮЗЫ *А ТО* И *А НЕ ТО*: ВОЗМОЖНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА*

Объект работы – русские составные союзы *а то* и *а не то*. Они «представляют собой соединение двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово» [Грамматика-80: 716]. Союзы подвергаются композициональному анализу, в частности, выявляется вклад в семантику союза элемента *то*. Демонстрируется, что элементы в данных единицах не тождественны соответствующим отдельным словам, но при этом сохраняют их главные семантические компоненты. Композициональный анализ составных служебных слов позволяет моделировать реальные семантические процессы, а кроме того дает ответ на некоторые частные вопросы (например, почему единицы *а то* и *а не то* в некоторых контекстах синонимичны).

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Объект исследования. Предмет нашего исследования – союзы *а то* и *а не то*, представленные в контекстах типа:

(1) *Купались, ходили за грибами, а то <а не то> брали лодку и уплывали на соседний остров.*

(2) *Отдай машинку, а то <а не то> маме пожалуюсь.*

В подобных контекстах союзы *а то* и *а не то* синонимичны и взаимозаменяемы.

Заметим, что в этих же контекстах может выступать и союз *не то*. Ср.

(1а) *Купались, ходили за грибами, не то брали лодку и уплывали на соседний остров.*

(2а) *Отдай машинку, не то маме пожалуюсь.*

Союз *не то* мы не рассматриваем за недостатком места. В частности, мы оставляем в стороне вопрос, является ли *не то* отдельным словом или же это просто усеченный вариант союза *а не то*. Однако основные выводы относительно *а то* и *а не то* распространяются и на союз *не то*.

Союзы *а то* и *а не то* многозначны. В частности, в примере (1) они представлены в одном значении, а в (2) – в другом. Иными словами, в этих примерах фигурируют их разные лексемы (подробнее см. ниже). У данных союзов есть и другие значения, причем в этих значениях *а то* и *а не то* не взаимозаменяемы. Ср. следующие примеры:

(3) *Пойду, а то <*а не то> уже поздно.*

(4) *Он теперь старый, больной, полуслепой, а то <*а не то> был сильный, властный, богатый.*

Мы ограничимся анализом тех лексем *а то* и *а не то*, которые представлены в (1)–(2). За пределами нашего описания остаются, в частности, единицы *а не то чтобы*, *а не то что* и т. п., включающие в свой состав цепочку *а не то*. Ср. *Она не то чтобы обиделась, но очень расстроилась; Он не то что злой, а какой-то раздраженный.*

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и гранта НШ-3205.2008.6.

Наконец, мы не рассматриваем сочетание *а не то*, в котором представлено указательное местоимение *то* в контексте противопоставления. Ср. *Делай то, что требуют, а не то, что хочется*.

1.2. Постановка вопроса. В традиционной грамматике союзы принято классифицировать, в частности, по их строению. С этой точки зрения союзы *а то* и *а не то* являются составными, т. е. неоднословными: они «представляют собой соединение двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово» [Грамматика-80: 716]. При этом данные союзы различаются всего на один элемент – на отрицание *не*.

Казалось бы, семантически союзы *а то* и *а не то* должны различаться так же, как и другие сочетания вида *Р – не Р*. Ср. *Спит – не спит, в лесу – не в лесу* и т. п. В самом общем виде, частица *не* в подобных случаях выражает смысл ‘неверно, что Р’. Ясно, однако, что союзы *а то* и *а не то* если и различаются в рассматриваемых значениях, то не компонентом ‘неверно, что’.

Быть может, данные союзы противопоставлены по смыслу не как словосочетания, а как отдельные слова вида *Х – не Х*? Ср. *ловкий – неловкий, красивый – некрасивый, старый – нестарый* (ср. *еще нестарая женщина*) и т. п. В общем случае слова в подобных парах являются антонимами и различаются на отрицание ‘не’.

Парадоксальным образом союзы *а то* и *а не то* в рассматриваемых значениях не только не являются антонимами, но даже воспринимаются как абсолютные синонимы – они свободно взаимозаменяемы без сколько-нибудь заметного изменения смысла высказывания. Этот факт требует объяснения. Требуется описать данные лексемы союзов *а то* и *а не то* так, чтобы из описания стало ясно, почему они синонимичны, а не антонимичны, как казалось бы, естественно было ожидать.

Нужно сказать, что союзы *а то* и *а не то* неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов и их семантика уже в определенной степени описана [Санников 1989; Белошапкина 1970; Подлеская 2000; Собинникова 1969; Колосова 1980; Inkova-Manzotti 2005; Israeli 2000]. Однако нужные нам сведения невозможно извлечь из толкования лексем союзов *а то* и *а не то*. Для ответа на поставленный вопрос требуются иные подходы.

1.3. Метод исследования. Обратим еще раз внимание на то, что союзы *а то* и *а не то* состоят из хорошо выделяемых элементов: *а*, *то* и *не*, которые сами могут функционировать как отдельные слова. В этом отношении союзы *а то* и *а не то* отнюдь не уникальны. В славянских языках, в частности в русском, довольно много союзов и частиц, состоящих из элементарных компонентов, которые тоже являются служебными словами. Ср. *или* = *и* + *ли*; *чтобы* = *что* + *бы*; *дабы* = *да* + *бы*; *все же* = *все* + *же*; *а также* = *а* + *так* + *же*; *даже* = *да* + *же* и т. п. Правда, в некоторых таких «макромолекулах» выделяются элементы, которые в современном русском языке уже не функционируют в качестве отдельных слов. Однако соответствующие слова обнаруживаются в истории языка, в русских диалектах или в других славянских языках. Ср. *ибо* = *и* + *бо*, *либо* = *ли* + *бо*. В современном русском литературном языке частицы *бо* нет, однако она фиксируется в памятниках, в некоторых диалектах, в украинском языке.

На такие «макромолекулы» неоднократно обращала внимание Т.М. Николаева [Николаева 1985; 2003]. Гипотеза Т.М. Николаевой состоит в следующем. В праславянском языке и в разных славянских языках на достаточно ранней стадии их развития отдельные «партикулы» (т.е. частицы, союзы и вообще элементы с подобной семантикой) соединялись в новые, составные партикулы. Так формировался современный фонд славянских партикул. На какой-то стадии развития славянских языков механизм склеивания партикул уже не работал.

Нас интересует семантическая сторона этого механизма. Предлагаемая нами гипотеза такова.

Соединение двух или более партикул в «макромолекулу» сопровождалось как минимум двумя разными семантическими процессами. Это, во-первых, десемантизация,

т.е. семантическое выветривание, опустошение элементов, соединяющихся в новую единицу. Во-вторых, это сплавление, спекание элементов внутри «макромолекулы». В результате этих процессов получившаяся «макромолекула» представляет собой действительно новое слово, а не просто сочетание двух или более слов. Ср. *даже*; в составе этой частицы выделяются две «партикулы»: *да* и *же*. Элемент *да* по форме совпадает с частицей *да*. Последняя употребляется в целом ряде разных контекстов и, по-видимому, многозначна (или даже омонимична). Ср. (i) *Пойдешь с нами? – Да*; (ii) *Да будет свет!*; (iii) *Да что с него спрашивать?* Неясно, с какой из этих лексем современного слова *да* сближается элемент *да* из *даже*. Кроме того, неясно, какова была семантика партикулы *да* на стадии ее склеивания с *же*. Тем не менее, можно предположить, что элемент *да* вошел в состав новой частицы *даже* в весьма выветренном виде. При этом элементы *да* и *же* в составе *даже* сплывались, слились в такой степени, что в семантической структуре частицы *даже* трудно определить, какие ее компоненты «восходят» к *да*, а какие – к *же*.

Частица *даже* – пример очень далеко зашедших процессов выветривания и сплавления «партикул». Не так обстоит дело с союзами *а то* и *а не то*. Недаром в [Грамматике-80] они отнесены к составным, т. е. неоднословным союзам.

Попытаемся выяснить, каков вклад в семантику союза каждого из его составных элементов – *а*, *то* и *не*. Иными словами, сделаем попытку подвергнуть эти союзы композициональному анализу.

В современной теоретической семантике композициональный анализ лексики не очень популярен. Другое дело – композициональный анализ высказывания: он применяется в разных семантических теориях [Богуславский 1996: 9 и сл.]. Все же существует научное направление, в котором композициональный подход применяется к «мелким» словам русского языка – это направление, разрабатываемое Д. Пайаром и лингвистами его школы [Пайар 1993; 1998]. Мы в большой степени разделяем идеи Д. Пайара, стараясь при этом принимать во внимание и семантические процессы, постулированные выше.

Подчеркнем, что составные союзы, в частности *а то* и *а не то*, – это не сочетания элементов, а отдельные лексические единицы, поэтому, даже установив вклад каждого элемента в семантическую структуру союза, мы не получим толкования союза: эти элементы настолько «сплывались» друг с другом, что значение союза не сводится к сумме значений его компонентов. В результате композиционального анализа лексической единицы можно надеяться в лучшем случае получить лишь «костяк» ее значения. Адекватное описание значения лексической единицы, в частности выявление тех специфических компонентов, благодаря которым данная лексическая единица является именно словом, а не сочетанием слов, обеспечивается другими способами [Апресян 1974].

Заметим, что современная семантика видит свою основную задачу в том, чтобы адекватно истолковать единицы языка и описать правила их сочетаемости в высказывании (и, разумеется, выявить при этом основные особенности языковой картины мира) [Апресян 1974; 1995]. В конечном счете такое описание может лечь в основу семантического компонента модели типа «СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ» [Мельчук 1974]. С помощью композиционального анализа нашего материала решаются другие задачи.

Во-первых, подвергая данные единицы композициональному анализу, можно лучше представить логику механизмов десемантизации и сплавления партикул в новую «макромолекулу».

Во-вторых, результат такого анализа может послужить мостом между описанием современной семантики выбранной единицы и ее этимологией. Возьмем, например, союз *если*. С этимологической точки зрения, *если* = *есть* + *ли*. Однако с точки зрения синхронного описания современного русского языка, *если* – это семантический примитив, т. е. неразложимая единица. Желательно представлять, каким образом сочетание единиц дало семантически неразложимое слово. Это, по-видимому, невозможно без композиционального подхода к его значению. Другой пример – союз *или*. Этимоло-

логически *или* = *и* + *ли*. Возникает задача моделировать семантические процессы, в результате которых сочетание данных элементов дало смысл 'или'. Первый этап такого моделирования – композиционный анализ современного слова.

2. КОМПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЮЗОВ

А ТО И А НЕ ТО

2.1. Союзы *а то* и *а не то* как синонимы *или* (*Гуляли в лесу, а то <а не то, или> шли на озеро*). Союзы *а то* и *а не то* в контекстах типа (1) относятся к разделительным [Грамматика-80]. В.З. Санников пишет об этих союзах, что они синонимичны союзу *или* [Санников 1989: 110]. Ср. пример (1), а также следующие, где *а то* (или *а не то*) заменяется на *или* без существенного изменения смысла:

(5) а. *Гуляли в лесу, а то <а не то> шли на озеро.* – б. *Гуляли в лесу или шли на озеро.*

(6) а. *Иногда засыпала сразу и спала всю ночь, а то <а не то> до рассвета читала романы.* – б. *Иногда засыпала сразу и спала всю ночь или (же) до рассвета читала романы.*

(7) а. *Ходит скучная, ни с кем не разговаривает, а то <а не то> ляжет лицом к стене и плачет.* – б. *Ходит скучная, ни с кем не разговаривает, или ляжет лицом к стене и плачет.*

Однако В.З. Санников приводит и такие примеры, в которых союз *или* нормален, а союз *а то* неудачен или даже невозможен. Ср. примеры [Санников 1989: 110]:

(8) а. *Он приедет в пятницу или в субботу.* – б. *?Он приедет в пятницу, а то в субботу.*

(9) а. *Катя учится на славянском или на русском отделении.* – б. **Катя учится на славянском, а то на русском отделении.*

Правда, в примерах (8)–(9) как будто возможен союз *а не то*. Ср.

(10) *Он приедет в пятницу, а не то в субботу.*

(11) *Катя учится на славянском, а не то на русском отделении.*

Однако (10) и (11), в отличие от их вариантов с *или*, представляют собой не вполне нормативные высказывания – их можно квалифицировать как небрежные или просторечные. Между тем другие приведенные примеры с *а не то* вполне нейтральны. На наш взгляд, в (10) и (11) единица *а не то* – это просторечный вариант разговорного союза *не то ...а не то* с усеченной первой частью. Ср.

(10а) *Он приедет не то в пятницу, а не то в субботу.*

(11а) *Катя учится не то на славянском, а не то на русском отделении.*

Такой союз *а не то* мы не рассматриваем.

Итак, в контекстах типа (8)–(9) возможен союз *или*, но не союзы *а то* и *а не то* в рассматриваемых значениях. Этот факт требуется объяснить.

На наш взгляд, союзы *а то* и *а не то* отличаются от *или* семантически, и именно семантика препятствует их свободной взаимозамене в некоторых контекстах.

Союз *или* вводит представление о множестве альтернатив. При этом говорящий (субъект ситуации) знает или уверен, что какая-то альтернатива из множества имеет место в действительности, однако не знает, какая именно. Иными словами, утверждение с *или* предполагает и определенное знание, и незнание ситуации, о которой идет речь. Поэтому союз *или* нормален в высказываниях типа

(8г) *Он приедет в пятницу или в субботу* [говорящий знает, что субъект приедет в один из этих дней, но не знает, в какой именно].

(9г) *Катя учится на славянском или на русском отделении* [говорящий знает, что Катя учится на одном из этих отделений, но не знает на каком именно].

По этой же причине союз *или* возможен как в контексте предиката *знать* и других предикатов знания, так и в контексте *не знать* и вообще предикатов незнания (данные контексты с *или* противопоставлены просодически). Ср.

- (10) а. Я знаю <мне известно>, когда он придет – в пятницу или в субботу. –
б. Я не знаю <мне неизвестно>, когда он придет – в пятницу или в субботу.

Подробнее о союзе или см. [Урысон 2004].

Союзы *а то* и *а не то* семантически проще. В рассматриваемом значении (ср. *Гуляли в лесу, а то <а не то> шли на озеро*) они служат для описания чередующихся ситуаций и не указывают ни на знание, ни на незнание чего-либо говорящим.

Предлагаем следующее толкование союзов *а то* и *а не то* в рассматриваемом значении (упрощенно):

- (12) *Р, а то Q <Р, а не то Q>* [*Гуляли в лесу (Р), а то <а не то> шли на озеро (Q)*]
= ‘в некоторые отрезки времени имеет место ситуация Р; в некоторые подобные отрезки времени не имеет место ситуация Р; в эти отрезки времени имеет место ситуация Q’.

В случаях (8)–(9) чередующихся ситуаций нет, поэтому в них союзы *а то* и *а не то* в рассматриваемом значении невозможны.

Что касается союза *или*, то он толкуется через компонент ‘возможно’. Ср. толкование союза *или*, предлагаемое В.З. Санниковым [Санников 1989: 104]:

- (13) *Р или Q* = ‘возможно Р, возможно Q’.

Аналогичным образом толкует союз *или* А. Вежбицкая [Вежбицкая 1996]. Заметим, что в соответствии с композициональным подходом компонент ‘возможно’ обязан своим существованием элементу *ли* в составе *или*. Это, однако, тема отдельной работы.

Правда, союз *или* тоже возможен при описании чередующихся ситуаций, ср. (5)–(7). Однако в примерах типа *Гуляли в лесу или шли на озеро* нет прямого указания на то, что описываемые ситуации чередуются. Семантическая структура этого высказывания в первом приближении может быть представлена так:

- (5в) ‘в некоторый отрезок времени возможна ситуация Р, возможна ситуация Q’.

Мы можем понять, что ситуации Р и Q чередуются, только из широкого контекста. Ср.

- (5г) *Не скучно было отдохнуть в деревне? – Нет, мы гуляли в лесу или шли на озеро, там всюду хорошо* [ситуации, скорее всего, чередуются].

- (5д) *Как ты думаешь, что они делали вчера вечером? – Не знаю, гуляли в лесу или шли на озеро* [однократные, не чередующиеся ситуации].

Заметим, что ситуация Q, вводимая союзом *а то* или *а не то*, обычно выделена по сравнению с другими ситуациями, перечисляемыми в данной сочинительной конструкции. Подробнее об этом см. [Israeli 2000; Санников 1989: 182]. Можно думать, что отчасти в связи с этим *а то* образует цельное сочетание *а то всё*. Ср. примеры, приводимые в книге [Санников 1989: 182]:

- (14) *Перелетает только через реки и моря, а то все пешком* (А.П. Чехов).

- (15) *Лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубровка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов* (И. Бунин).

Эту тонкую семантику союзов *а то* и *а не то* мы пока не рассматриваем.

Теперь перейдем к нашему основному вопросу.

2.2. Элемент *то* в составе разделительных союзов *а то* и *а не то*. Абстрагируемся от частицы *-то*, представленной в случаях типа *Он-то придет, Дом-то у них большой, удобный*, а также от *то* как второй части союзов типа *если ...то, когда ... то* и т. п. Во многих других случаях слово *то* – это форма среднего рода им.-вин. падежа местоимения *тот*. В своем центральном значении это указательное местоимение, т. е. дейктическое слово. Ср. *Да он не в этот дом вошел, а вон в тот* (И.А. Гончаров [МАС]); – *Вон взгляни, например, на то дерево. Куда оно годится?* (Ю. Лаптев [МАС]).

Дейктические слова обычно имеют анафорическое значение. Ср.

- (16) *Сядем под это дерево* [этом – дейктическое слово] vs. *Он сейчас переводит «Евгения Онегина» и берет эту книгу во все поездки* [этом – анафорическое слово].

(17) *Тебе очень пойдет такое платье* [с указательным жестом, направленным на конкретный предмет, *такой* – дейктическое слово] vs. *Такие случаи теперь не редкость* [*такой* – анафорическое слово].

(18) *Делай так* [адресату показывают как; *так* – указательное слово] vs. *Так бывает со всеми новичками* [*так* – анафорическое слово].

Слово *тот* тоже имеет анафорические значения. Правда, многие высказывания с анафорическим *тот* сейчас воспринимаются как устаревшие. Ср. *Людей без гордости и сердца презирает, / А сам изрушка тех людей* (М.Ю. Лермонтов [МАС]) [сейчас было бы естественнее: ... *этих людей*]. – *Это было в 18... таком-то году. В то время я только что получил место и ехал с товарищем на прииск* (Короленко [МАС]). В приведенных примерах слово *тот* выступает как местоимение-прилагательное, согласованное с определяемым существительным. Оно отсылает к объекту, упомянутому ранее.

Однако данное местоимение может выступать и как существительное среднего рода *то*. Ср.

(19) *Я убил / Супруга твоего; и не жалею / О том – и нет раскаяния во мне* (А.С. Пушкин. Каменный гость).

(20) *Матушка занималась хозяйством; меня ничему не учили, а я тому и рада была* (Ф.М. Достоевский [МАС]).

В этих примерах *то* выступает как чистое анафорическое слово, причем оно отсылает не к объекту (как местоимение-прилагательное *тот*), а к ситуации.

В следующих примерах семантика анафорического *то* несколько богаче. Ср.

(21) *Каждый почти вечер видно зарево далеких пожаров (P): то турки жгут болгарские деревни (Q)* (Гаршин [МАС]).

(22) *Изредка от края до края мола перекатывался заунывный шум (P) – то спросонок разбивалась о камень волна (Q)* (К. Паустовский [МАС]).

Здесь *то*, как и в предыдущих примерах, отсылает к ранее названной ситуации (P). Однако в (21)–(22) *то* не только выражает анафору, но еще и идентифицирует ранее названную ситуацию P с ситуацией Q, обозначаемой следующим сочиненным предложением. При этом ситуация P может только подразумеваться. Ср.

(23) *То не ветер ветку клонит, / Не дубравушка шумит, / То мое сердечко стонет, / Как осенний лист дрожит* (Стромилов [МАС]).

Употребление *то* в примерах (18)–(23) явно отмечено стилистически: в современном русском языке в подобных контекстах употребляется слово *это*. И *то*, и *тот* как анафорические показатели уходят из языка.

Все же и в современном языке существуют нейтральные контексты с анафорическим *то*. Правда, эти контексты обладают определенной синтаксической спецификой – *то* выполняет в них функцию так называемого указательного слова в главном предложении. Ср.

(24) *Что случилось, того уж не вернешь* (А.П. Чехов [МАС]).

(25) *Мы не поверили тому, что нам рассказали.*

Как бы то ни было, местоимение-существительное *то* является анафорическим словом как минимум в трех разных типах контекстов, ср. (19)–(20), (21)–(22), (24)–(25). Естественно считать, что перед нами три очень близких лексемы анафорического *то*: «чисто анафорическое *то*» [(19)–(20)], «анафорически-идентифицирующее *то*» [(21)–(22)] и «анафорически-указательное *то*» [(24)–(25)]. Все эти лексемы отсылают к ситуации. Обозначение этой ситуации часто находится в предтексте, ср. (19)–(24). Однако это не обязательно. Ср. (25), где *то* отсылает к последующему фрагменту высказывания. Тем самым, *то* как отсылочное слово может отсылать и к предшествующему фрагменту текста (анафора в узком смысле слова), и к последующему фрагменту (катафора). Подчеркнем, что в нашу задачу не входит полное описание слова *то* – нам важно лишь очертить основные контексты его употребления. Тонкие замечания о местоимении *то* содержатся в работе Н.Д. Арутюновой [2008], посвященной описанию семантики выражений *Это (не) то* и сходных с ними.

Элемент *то* в союзах *а то* и *а не то* напрямую не соотносится ни с одной лексемой местоимения-существительного *то* (и ни с одной лексемой местоимения *тот* вообще). Тем не менее данный элемент в составе рассматриваемых союзов относительно мало выветрен и сохраняет свое анафорическое значение. К чему же он отсылает?

Высказывания вида *P, а не то Q* естественно сближаются с микротекстами типа: P^1 . *Не P – Q*. Ср.

(26) [*P, а не то Q*] *Ходили за грибами (P), а не то брали лодку и плавали по озеру (Q)*. vs. [P^1 . *Не P – Q*] *Ходили за грибами (P¹). Не шли за грибами (P) – брали лодку и плавали по озеру (Q)*.

Здесь фрагмент *P* – это, по существу, повторение предшествующего фрагмента P^1 (это повторение с точностью до видо-временной семантики, референциальных статусов и т. п.). Следовательно, *P* можно заменить анафорическим словом. Язык выбрал для этого слово *то*. В результате получается цепочка *не то*.

(26а) *Ходили за грибами (P¹), не то* [*‘не P¹’; то отсылает к P¹’*] *брали лодку и плавали по озеру (Q)*.

В (26а) нет эксплицитного обозначения ситуации *P* – вместо него в высказывании анафорический элемент *то*, отсылающий к обозначению ситуации в предтексте.

Микротексты типа (26) естественны с союзом *а*. Ср.

(27) *Ходили за грибами (P¹), а не шли за грибами (P) – брали лодку и плавали по озеру (Q)*.

Союз *а* естественно предваряет и цепочку *не то*. В результате имеем *а не то*. Ср.

(27а) *Ходили за грибами (P¹), а не то* [*‘а не P¹’; то отсылает к P¹’*] *брали лодку и плавали по озеру (Q)*.

Аналогичный пример:

(28) *Обычно спал хорошо (P¹). А не спалось (P) – читал до рассвета романы (Q)*.

(29) *Обычно спал хорошо (P¹), а не то* [*то отсылает к P¹’*] *– читал до рассвета романы (Q)*.

В соответствии с этим анализом, в союзе *а не то* [ср. *Гуляли в лесу (P), а не то шли на озеро (Q)*] элемент *то* отсылает к ситуации *P*, т. е. к предыдущему фрагменту текста (анафора). С некоторой долей условности можно сказать, что антецедентом *то* в данном случае является *P*.

Союз *а то* [ср. *Гуляли в лесу (P), а то шли на озеро (Q)*] отличается от *а не то* следующим: здесь элемент *то* отсылает к ситуации *Q*, т. е. к линейно последующему фрагменту текста (катафора).

Иными словами, союзы *а то* и *а не то* в рассматриваемом разделительном значении различаются направлением отсылки. В союзе *а не то* элемент *то* отсылает к предтексту. В союзе *а то* этот же элемент катафоричен.

Перейдем к следующей лексеме союзов *а то* и *а не то*.

2.3. Контексты угрозы (*Отдай машинку, а то <а не то> маме скажу*). Данный тип контекстов иллюстрируется примерами типа

(30) *Придется дать кролику капусту, а то <а не то> он убежит.*

(31) *Отдай машинку, а то <а не то> маме пожалуюсь.*

(32) *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели со службы (А.П. Чехов [Санников 1989]) [здесь возможен и союз *а не то*].*

Ясно, что союзы *а то* и *а не то* выступают здесь в значении, отличном от рассмотренного выше. В самом первом приближении союзы *а то* и *а не то* в данном значении толкуются так [Подлесская 2000; Inkova-Manzotti 2005]:

(33) *P, а то <а не то> Q* = ‘если не будет иметь место ситуация P^1 , то будет иметь место нежелательная ситуация Q ’.

Здесь обычно ‘ P^1 ’ – это компонент смысла ‘*P*’ или импликатура из ‘*P*’.

Теперь попытаемся применить к примерам (30)–(32) композиционный анализ.

Возьмем пример (30) с союзом *а не то*, ср.

(30a) *Придется дать кролику капусту, а не то он убежит.*

Здесь первый сочиненный компонент выражает импликацию 'мы дадим кролику капусту'. Кроме того, в этом высказывании выражен следующий смысл: 'если не дадим кролику капусту, он убежит'. Следовательно, в семантической структуре примера (30a) есть следующий фрагмент:

(30a¹) (i) [импликация] 'мы дадим кролику капусту'.

(ii) 'если не дадим кролику капусту, он убежит'.

В более эксплицитном виде смысл (30a¹) выражен в следующем примере:

(30a²) *Придется дать кролику капусту. Если не дадим ему капусту (P), он убежит (Q).*

Рассмотрим теперь условное предложение *Если P (то Q)*. В каких случаях произносятся такие высказывания? Ясно, что говорящий прежде всего не знает, какая ситуация – P или не-P – имеет место в описываемый отрезок времени. Кроме того, говорящий считает, что в этот отрезок времени ситуация P возможна [Грамматика-80; Вежбицкая 1996]. При этом говорящий безусловно отдает себе отчет в том, что может иметь место как P, так и не-P [Грамматика-80; Падучева 1985; Ляпон 1986]. Тем самым, условное предложение *Если P, то Q* выражает, в частности, следующий смысл: 'возможно, ситуация P будет иметь место; возможно, P не будет иметь место'. (Подробнее о союзе *если* см. работу [Урысон 2001].)

Вернемся к высказыванию (30a²). Фрагмент P выражает здесь, кроме всего прочего, следующий смысл: 'возможно, будет иметь место ситуация: мы дадим кролику капусту; возможно, эта ситуация не будет иметь место'.

Условное отношение *Если P, Q* может быть выражено и бессоюзно – с помощью порядка слов и интонации. Ср.

(30a³) *Придется дать кролику капусту. Не дадим ему капусту (P), он убежит (Q).*

И в (30a²), и в (30a³) фрагмент P включает в себя смысл 'возможно, мы дадим кролику капусту'. При этом смысл 'мы дадим кролику капусту' выражен и в предшествующем фрагменте (*Придется дать кролику капусту*) – в качестве его импликации. Разумеется, P не повторяет эту импликацию буквально – перед нами повторение смысла с точностью до некоторых его компонентов, в частности, компонента модальности. Тем не менее, P можно заменить анафорическим словом – анафорическая отсылка не предполагает буквального совпадения смыслов [Падучева 1990]. В качестве такого анафорического слова используется *то*. В результате получается *не то*, а с предшествующим *а* – союз *а не то*. Ср.

(30a⁴) *Придется дать кролику капусту [импликация 'мы дадим кролику капусту' (P¹)], (а) не то ['а не P¹'; *то* отсылает к P¹], он убежит (Q).*

Теперь возьмем этот же пример, но с союзом *а то*, ср.

(30б) *Придется дать кролику капусту, а то он убежит.*

Этот пример, так же как и пример (30a) с союзом *а не то*, может быть «развернут» в микротексты (30a²) и (30a³). Напомним, что фрагмент *Если не дадим кролику капусту (он убежит)* выражает смысл: 'возможно, будет иметь место ситуация: мы дадим кролику капусту; возможно, будет иметь место ситуация: мы не дадим кролику капусту'. Элемент *то* союза *а то* в примере (30б) отсылает к компоненту с отрицанием: 'мы не даем кролику капусту'. Поскольку отрицание 'не' содержится в данном фрагменте, отсылка к нему оформляется элементом *то* без частицы *не*.

Иными словами, семантическая структура высказываний с *а не то* и с *а то* строится из одних и тех же элементов. Но отрицание 'не' в первом случае является составной частью союза *а не то*, а во втором случае входит в состав фрагмента, к которому отсылает элемент *то*.

Аналогичным образом устроен пример (31). Рассмотрим сначала его вариант с союзом *а не то*, ср.

(31a) *Отдай машинку (P), а не то маме пожалею (Q).*

Здесь элемент *то* союза *а не то* тоже отсылает к смыслу, выраженному в первом фрагменте высказывания. Действительно, императив *Р* выражает желание говорящего, чтобы имела место ситуация P^1 'ты отдаешь мне машинку'. Семантическая структура высказывания (31a) содержит следующий фрагмент:

(31a¹) (i) [цель речевого акта] 'ты отдаешь мне машинку'.

(ii) 'если ты не отдашь мне машинку, я пожалуюсь маме'.

В более эксплицитном виде этот смысл выражен в примерах:

(31a²) *Отдай машинку. Если не отдашь (P), пожалуюсь маме.*

(31a³) *Отдай машинку. Не отдашь (P), пожалуюсь маме.*

Фрагмент *Р* здесь повторяет (с точностью до значения наклонения и, возможно, некоторых других) один из семантических компонентов первой части 'ты отдаешь мне машинку'. Следовательно, *Р* можно заменить анафорическим словом. В качестве такого анафорического слова используется *то*. В результате получается *не то*, а с предшествующим *а* – союз *а не то*. Ср.

(31a⁴) *Отдай машинку* ['(я хочу, чтобы) ты отдал мне машинку' (P^1)], *а не то* ['а не P^1 '; *то* отсылает к P^1] *маме пожалуюсь.*

Возьмем теперь тот же контекст с *а то*. Ср.

(31б) *Отдай машинку (P), а то маме пожалуюсь (Q).*

Это высказывание содержит тот же компонент: (i) [цель речевого акта] 'ты отдашь мне машинку'.

Данный компонент, в свою очередь, имеет следующую пресуппозицию: 'возможно, ты не отдашь мне машинку'.

В (31б) – с союзом *а то* – элемент *то* союза отсылает именно к этому компоненту семантической структуры предтекста. Этот компонент содержит отрицание 'не', поэтому никакого отрицания при анафорическом элементе не требуется. В союзе *а не то* элемент *то* отсылает к компоненту, который нужно подвергнуть отрицанию, и это отрицание выражено частицей *не* при элементе *то*.

В заключение перейдем к примеру (32), причем сначала рассмотрим его вариант с союзом *а не то*:

(32a) *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а не то бы вы у меня давно полетели со службы.*

Здесь первый сочиненный компонент выражает пресуппозицию 'я уважаю вашего почтенного батюшку'. Кроме того, в этом высказывании выражен следующий смысл: 'если бы я не уважал вашего батюшку, вы бы у меня давно полетели со службы'.

В более эксплицитном виде смысл (32a¹) выражен в следующих примерах:

(32a²) *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке. Если бы я его не уважал (P), вы бы у меня давно полетели со службы (Q).*

(32a³) *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке. Не уважал бы я его (P), вы бы у меня давно полетели со службы (Q).*

И в (32a²), и в (32a³) фрагмент *Р* включает в себя смысл 'я уважаю вашего почтенного батюшку'. Следовательно, *Р* повторяет пресуппозицию, выраженную в предтексте. Разумеется, это повторение с точностью до некоторых компонентов. Тем не менее, *Р* можно заменить анафорическим словом *то*. В результате получается *не то*, а с предшествующим *а* – союз *а не то*. Ср.

(32a⁴) *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке* [пресуппозиция: 'я уважаю вашего почтенного батюшку' (P^1)], *(а) не то* ['а не P^1 '; *то* отсылает к P^1], *вы бы у меня давно полетели со службы (Q).*

Теперь возьмем исходный чеховский пример с союзом *а то*. Ср.

(32) *Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели со службы.*

Здесь выражена та же пресуппозиция 'я уважаю вашего почтенного батюшку'. Но это – не вся пресуппозиция фраз (32) и (32a). В частности, компонент 'если бы я не уважал вашего батюшку, вы бы у меня давно полетели со службы' включает в себя следующий смысл: 'я мог бы не уважать вашего почтенного батюшку'.

Элемент *то* союза *а то* отсылает именно к этому фрагменту семантической структуры предтекста, ср. ...*а не уважай я его*... Отрицание 'не' содержится в данном фрагменте, поэтому отсылка к нему оформляется элементом *то* без частицы *не*.

Иными словами, семантическая структура высказывания с *а не то* и с *а то* строится из одних и тех же элементов. Но отрицание 'не' в первом случае является составной частью союза *а не то*, а в данном случае входит в состав фрагмента, к которому отсылает элемент *то*.

Заметим, что оба союза *а то* и *а не то* допустимы не только в контексте угрозы, но и других модальных контекстах. Ср. пример из книги В.З. Санникова:

- (34) а. *Я вот смеяться могу, и смеюсь, а не то бы, верно, плакал* [элемент *то* отсылает к смыслу 'я могу смеяться'; *не то* – 'не мог бы смеяться']. – б. *Я вот смеяться могу, и смеюсь, а то бы, верно, плакал* [в первой части выражена presupпозиция 'возможно, я не мог бы смеяться'; элемент *то* отсылает к ней].

Заметим, что союз *а то* в контекстах угрозы (и в других модальных контекстах) допускает и более простую интерпретацию. Возможно, элемент *то* в этом случае катафоричен и просто отсылает к последующей ситуации. Тогда рассматриваемые примеры отчасти сближаются с бессоюзными высказываниями, оформленными специфической просодией. Ср.

- (35) а. *Придется дать кролику капусту (P) – убежит (Q)*. – б. *Придется дать кролику капусту (P) – а то* ['а Q'; элемент *то* отсылает к последующему фрагменту Q] *убежит (Q)*.

- (36) *Отдай машинку, маме пожалуйста*.

Несколько слов об элементе *а* союзов *а то* и *а не то*. Семантически он сближается с союзом «*а поворота повествования*». Этот союз представлен, например, в следующих контекстах: *Стою, жду автобуса. А мороз двадцать градусов; Я завтра уезжаю. А поезд у меня утром, так что вещи складывать буду сегодня; Катя готовилась к экзамену по химии, а это был единственный предмет, который она знала плохо*. Подробнее о союзе «*а поворота повествования*» см. [Урысон 2002; 2006].

2.4. Союз *а то*, не заменимый на *а не то*. Союз *а то* имеет еще одну (разговорную) лексему. Она вводит указание причины [Белашапкина 1970; Санников 1989]. Ср.

- (37) *Пойду, а то уже поздно* ['пойду, потому что уже поздно'].

- (38) *Шестьдесят копеек оставила себе, шестьдесят отложила Лидии Афанасьевне, а то ей не на что было возвращаться* (Ю. Трифонов, пример В.А. Белошапкиной).

Элемент *то* вводит здесь обозначение ситуации-причины. С точки зрения системы языка это вполне закономерно. Действительно, вопрос о причине в разговорной речи вводится словом *что*, ср. *Что он такой расстроенный? Что ты так торопишься?* и т. п. [Арутюнова 1980]. Если в вопросе причина обозначается словом *что*, то в утверждении она естественно маркируется словом *то*. Элемент *то* данной лексики *а то* отсылает к последующему фрагменту (катафора). Таким образом, в примерах выше элемент *то* отсылает к указанию на причину описываемой ситуации, причем это указание находится в последующем тексте. Союз *а не то* в таких случаях невозможен, ср. **Пойду, а не то уже поздно*. Причина в том, что в семантической структуре подобного высказывания нет компонента, к которому мог бы отсылать элемент *то* с отрицанием.

Союз *а то* употребляется также для введения ситуации, сменившей ситуацию, описанную в предтексте. Ср.

- (39) *Теперь ей лучше, а то все болела*.

- (40) *Несколько ночей прошло, пока научились <...> находить свой овраг, а то плутали* (Ю. Трифонов [Санников 1989: 182]).

Элемент *то* здесь катафоричен. Союз *а не то* в подобных случаях не употребляется.

Аналогичным образом устроено употребление *а то* в качестве отдельной реплики, ср. *Пойдешь на каток? – А то!* Здесь *А то!* – это, по-видимому, «сокращенный»

вариант реплики *А то нет!* Элемент *то* и в этом случае отсылает к последующему фрагменту (*нет*).

В целом, *то* в составе союза *а не то* отсылает к предтексту. В составе союза *а то* этот же элемент обычно отсылает к последующему тексту. Если это так, то союзы *а то* и *а не то* в разных значениях различаются направлением отсылки, выражаемой элементом *то*. В составе союза *а то* этот элемент отсылает к последующему фрагменту текста. В составе *а не то* он отсылает к некоторой ранее названной или подразумеваемой ситуации.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались выявить семантический вклад элементов *а, то* и *не* в семантику некоторых лексем союзов *а то* и *а не то*. Для этой цели высказывание, содержащее данный союз, возводилось к некоторому другому высказыванию. Это второе высказывание обладает прозрачной синтаксической структурой, в которой ясно выделяется фрагмент, заменяемый анафорическим словом *то*.

В соответствии с нашим описанием элемент *то* в союзе *а не то* отсылает к одному фрагменту семантической структуры высказывания, а в союзе *а то* – к другому. Поэтому *а то* и *а не то* не различаются как другие пары типа 'X' – 'не X'.

Почему же эти союзы синонимичны?

Оба союза описывают некоторое положение дел, состоящее из двух ситуаций: Р и Q. Эти ситуации исключают друг друга: речь идет о том, что не имеет место Р и имеет место Q. Союз *а не то*, отсылая к Р, указывает, что Р не имеет место. Союз *а то* отсылает к Q и указывает, что Q имеет место. Тем самым, синонимия союзов обусловлена контекстом анафорического элемента *то*.

Требуется уяснить статус композиционного анализа составных единиц типа *а то* и *а не то*.

Выше были предложены традиционные толкования (11) и (33) разных значений данных союзов. Такие толкования призваны моделировать реальную речевую деятельность. Можно думать, что какое-то подобное представление значения языковой единицы хранится в сознании говорящего.

Что касается композиционного анализа союзов *а то* и *а не то*, то такое разложение лексической единицы как будто никак не соотносится с ее толкованием. Это потому, что элементы *а, то* и *не* в составе союза настолько сплелись друг с другом, что в семантике союза, как она представляется в толковом словаре, не осталось и их следов. При этом процесс семантического выветривания эти единицы не затронул. В настоящее время мы не можем моделировать процесс сплавления этих элементов, т. е. переход или, возможно, скачок от сочетания элементов к новой лексической единице. Возможно, моделирование этого процесса вообще выходит за пределы компетенции лингвистики.

Однако можно поставить более узкий вопрос. Допустим, что мы моделируем реальный исторический процесс образования союзов *а то* и *а не то*. К какому компоненту отсылал элемент *то* первоначально? Если к компоненту текста, то союзы *а то* и *а не то* возникли как результат замены некоторого фрагмента текста анафорическим элементом *то*. Тогда союзы *а то* и *а не то* – это средство сокращения, сжатия реального текста. В нашем анализе мы моделировали этот процесс, возводя высказывание с союзом *а то* или *а не то* к микротексту с прозрачной синтаксической структурой.

Но возможна и другая точка зрения. Элемент *то* изначально отсылал не к фрагменту реального текста, а к фрагменту семантического представления будущего текста. Тогда союзы *а то* и *а не то* возникли как средство подготовки некоторого семантического представления к его вербализации, т. е. к словесному оформлению и выражению. Иными словами, существует этап синтеза высказывания, на котором семантическое представление подвергается определенным внутренним преобразованиям. Этот подход к моделированию процесса образования союзов *а то* и *а не то* представляется нам

более правдоподобным. В этом случае следует признать, что семантическое представление будущего высказывания может обрабатываться особыми правилами, причем составная лексическая единица может возникнуть как результат работы этих внутренних семантических правил.

В целом, композиционный анализ языковой единицы предназначен для моделирования процессов, происходивших в системе языка.

Интегральный подход к описанию языка, развиваемый в московской семантической школе [Апресян 1995], заключается в согласовании грамматики и словаря данного языка. Можно также говорить о согласовании синхронного описания языковых единиц с их этимологией и историей. Такое согласование предполагает не только использование единого метаязыка описания, но и применение методов декомпозиции, отличных от тех, что выработаны для истолкования языковой единицы (последние описаны Ю.Д. Апресяном в книге [Апресян 1974]). Мы попытались показать это на примере союзов *a to* и *a ne to*. Композиционный анализ других союзов и частиц с элементом *to* может подтвердить, уточнить или опровергнуть предлагаемую интерпретацию выбранного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. II. М., 1995.
Арутюнова 1980 – Н.Д. Арутюнова. Оценка. Событие. Факт. М., 1980.
Арутюнова 2008 – Н.Д. Арутюнова. То, да не то, а сам не знаю что // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е.В. Падучевой. М., 2008.
Белашапкина 1970 – В.А. Белашапкина. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
Богуславский 1996 – И.М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
Вежбицкая 1996 – А. Вежбицкая. The semantics of logical concepts // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.
Грамматика-80 – Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
Колосова 1980 – Т.А. Колосова. О сигналах неразвернутости некоторых имплицитных сложных предложений // Синтаксис предложения. Калинин, 1980.
Ляпон 1986 – М.В. Ляпон. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах. Т. 1–4. М., 1985–1990.
Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ». М., 1974.
Николаева 1985 – Т.М. Николаева. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. М., 1985.
Николаева 2003 – Т.М. Николаева. Пространство славянских партикул // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003.
Падучева 1990 – Е.В. Падучева. Анафорическое отношение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
Пайар 1993 – Д. Пайар. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Научн. рук. проекта Д. Пайар. М., 1993.
Пайар 1998 – Д. Пайар. Дискурсивные слова русского языка / Научн. рук. проекта Д. Пайар. М., 1998.

- Подлеская 2000 – В.И. Подлеская. ИНАЧЕ, А ТО, А НЕ ТО: резумптивные союзы как способ выражения отрицательного условия // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1. М., 2000.
- Санников 1989 – В.З. Санников. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.
- Собинникова 1969 – В.И. Собинникова. Сложные предложения с союзом *a to* в русских и украинских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Т. 4. Воронеж, 1969.
- Урысон 2001 – Е.В. Урысон. Союз *ЕСЛИ* и семантические примитивы // ВЯ. 2001. № 4.
- Урысон 2002 – Е.В. Урысон. Союз *А* как сигнал поворота повествования // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002.
- Урысон 2004 – Е.В. Урысон. Словарная статья «ИЛИ (... ИЛИ), ЛИБО (... ЛИБО), НЕ ТО ... НЕ ТО, ТО ЛИ ... ТО ЛИ» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Урысон 2006 – Е.В. Урысон. Подсистема русских сочинительных союзов И, А, НО // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «ДИАЛОГ 2006». М., 2006.
- Israeli 2000 – А. Israeli. The meaning and polysemy of the alternative conjunction *a to*. 2000. (Manuscript).
- Inkova-Manzotti 2005 – О. Inkova-Manzotti. Encore sur la conjonction russe *a to* // RÉS. T. LXXVI. 2005. Fasc. 4.

© 2010 г. Ф.И. РОЖАНСКИЙ

ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТИНУУМА*

В статье рассматривается современный ижорский язык, представленный двумя сохранившимися диалектами, в контексте географически и генетически близких языков – водского и ингерманландского финского. На основе ряда критериев (лингвистических и экстралингвистических) производится попытка выявить такие черты ижорского языка, которые были бы представлены в обоих его диалектах, но отсутствовали бы в соседствующих идиомах, то есть позволяли бы говорить о едином ижорском языке. Анализ показывает, насколько условным становится понятие «язык» в ситуации языкового континуума, образовавшегося в результате различных дивергентных и конвергентных процессов. Основная часть представленного материала собрана в ходе полевой работы автора на территории Ингерманландии в последние несколько лет.

Как известно, вопрос о том, когда два различающихся идиома представляют собой разновидности одного языка, а когда – два разных языка, не имеет строгого решения. При проведении границ между языками учитывается множество факторов, среди которых немалую (а часто и определяющую) роль играют экстралингвистические факторы: традиция, этническая принадлежность и пр. (см., например [Беликов, Крысин 2001: 71–79]). Не существует достаточной ясности и в лингвистических критериях. Например, такой известный метод, как процентный анализ лексических совпадений лексики из списка Сводеша (см., например [Коряков 2004]), несомненно, обладает определенной долей условности и может применяться лишь для решения отдельных задач в рамках некоторых направлений лингвистики (прежде всего, в компаративистике).

Данная работа посвящена одной задаче: рассмотреть ижорский язык в его современном состоянии и ответить на вопрос, насколько серьезными аргументами мы располагаем в пользу того, чтобы считать ижорский одним языком. При этом мы исходим из презумпции, что множество идиомов, объединяемых в один язык, должно обладать какими-то свойствами, присутствующими в большинстве этих идиомов, но отсутствующими в соседствующих языках. Прежде чем переходить к анализу материала, дадим краткую справку о рассматриваемом языке. Ижорский язык относится к северной ветви прибалтийско-финских языков. Он распространен на территории Ингерманландии (запад Ленинградской области). На данный момент число носителей языка составляет примерно 200 человек (по нашим оценкам)¹, причем в большинстве своем это люди довоенного поколения (среди послевоенного поколения случаи свободного владения ижорским языком крайне редки). Из традиционно выделяемых четырех диалектов ижорского языка – хэваского, оредежского, сойкинского и нижнелужского – в настоящее время сохранились только два последних². В непосредственном контакте с

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 08-04-00172а.

¹ Эта оценка основывается на результатах наших полевых исследований, проведенных в последние годы.

² Информация о вымирании оредежского диалекта содержится, например, в [Лаанест 1993: 62]. Мы не располагаем документально подтвержденными данными об исчезновении хэваского диалекта (в [Лаанест 1993: 62] и [Крючкова 2003: 167] отмечается существование нескольких

ижорским языком существовали (и отчасти существуют) два близкородственных языка: водский и финский (точнее, финский диалект Курголовского полуострова, который мы в дальнейшем будем именовать как «курголовский финский»³).

Рассмотрим последовательно различные критерии, на основе которых могут проводиться границы языков, и проанализируем, насколько эти критерии могут быть применимы в ситуации мультязыковой среды для выделения ижорского как отдельного языка среди родственных идиомов. Поскольку единого стандарта критериев для определения границ языка не существует, в данной работе мы самостоятельно сформировали такой набор критериев (естественно, опираясь на опыт предшествующих исследователей⁴). Далее будут рассматриваться следующие идиомы: сойкинский диалект ижорского языка, нижнелужский диалект ижорского языка, водский язык (представленный в настоящее время двумя говорами – кракольским и песоцко-лужицким)⁵ и курголовский финский. Следует подчеркнуть, что данное исследование проводится только на макроуровне, то есть без детального анализа специфики каждого говора и без учета переходных и смешанных говоров (например, говора деревни Куровицы). Этого вполне достаточно для аргументации выдвигаемых утверждений. Более подробный анализ, учитывающий особенности каждого говора, мог бы сделать аргументацию еще более наглядной, однако в работе данного объема он невозможен. В качестве материала мы будем использовать, в первую очередь, результаты собственной полевой работы, проводимой в Ингерманландии с 2001 года. Заметим, что сопоставление указанных идиомов на основе собственного материала ранее не проводилось (единственным исключением является работа [Муслимов 2005], нацеленная, впрочем, на другие задачи)⁶.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

1. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛНОЦЕННОСТЬ

Ни один из анализируемых идиомов в настоящее время нельзя считать функционально полноценным. Подавляющее большинство носителей как ижорского, так и водского и курголовского финского является людьми очень преклонного возраста; практически все они владеют русским языком и используют русский как основной

десятков носителей), однако по информации, полученной от М.З. Муслимова (устное сообщение), в начале 2000-х годов уже отсутствовали полноценные носители хэваского диалекта, способные быть информантами.

³ В рассматриваемом нижнелужском ареале носители финского или смешанного финско-ижорского языка также встречаются в некоторых деревнях юго-западной части ареала (Калливере, Федоровка и др.). В данной работе эти говоры не рассматриваются, хотя следует подчеркнуть, что привлечение этого материала могло бы лишь подтвердить полученные результаты, но никак не противоречить им. Существуют и другие группы ингерманландских финнов, однако в настоящее время они не имеют контактов с ижорой, поскольку проживают в других районах Ленинградской области.

⁴ Современные представления о системе критериев отражены в работах [Коряков, Майсак 2001; Беликов, Крысин 2001; Коряков 2004], которые учитывались в процессе данного исследования.

⁵ Кроме двух указанных водских говоров в настоящее время еще сохранились носители так называемого куровицкого диалекта водского языка. Этот идиом представляет собой смешанный язык с субстратной водской грамматикой и ижорской лексикой и фонетикой, что вызывает естественные сомнения в традиционной классификации, рассматривающей его как водский диалект (см., например [Ernits 2005: 77]). Подробный анализ говора деревни Куровицы представлен в работах [Suhonen 1985; Маркус, Рожанский 2007].

⁶ Те немногие работы, которые рассматривали ижорский, водский и ингерманландский финский не независимо, а в ситуации единой языковой общности (например [Лаанест 1966]), обычно опирались на собственный материал в отношении одного идиома, для анализа же других идиомов использовались публикации, не всегда в достаточной степени учитывающие диалектное разнообразие указанных языков и обеспечивающие должный уровень сопоставимости материала.

язык повседневного общения. Родной язык либо вообще не используется, либо изредка применяется в разговорах с родственниками или соседями, иногда выполняя функцию «секретного языка».

Что касается письменного языка, то (см. [Муслимов 2005]):

– водский никогда не имел своей письменности;
– для ижорского в начале 30-х годов XX века была разработана письменность и велось преподавание на ижорском языке в местных школах (которые также посещала и водь), однако в 1937 году учителя ижорского были репрессированы и преподавание ижорского прекратилось. Поэтому на данный момент ижорский язык следует считать бесписьменным;

– для курголовского финского специальной письменности не разрабатывалось, а в 30-х годах XX века в школах Курголовского полуострова велось преподавание на литературном финском языке.

Таким образом, все рассматриваемые в данной работе идиомы являются нестандартными, бесписьменными и используемыми лишь в ограниченном наборе ситуаций. Соответственно критерий функциональной полноценности не может применяться при определении границ ижорского языка.

2. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Во многих случаях самоидентификация (этническая и/или языковая) оказывается определяющим фактором для выделения некоторого идиома как отдельного языка. В нашем случае наблюдается довольно запутанная ситуация⁷. За последние годы мы проводили социолингвистическое анкетирование, которое позволило сделать ряд наблюдений и выводов:

– назвать свою национальность этнические ижоры могут, как правило, только на русском языке. Они называют себя «ижора», «ижор», «ижорка», и при этом в их сознании противопоставляется национальность «по паспорту» и «по рождению» (в паспорте у большинства ижор проставлена национальность «русский / русская»). Поэтому одним из наиболее частых ответов о национальности оказывается: «ижор / ижорка, по паспорту русский / русская»;

– своим родным языком ижора считает либо ижорский, либо сразу два языка: ижорский и русский;

– на вопрос о наименовании своей национальности на ижорском языке большинство опрошенных информантов ответить затруднилось. Прочие либо предлагали тот же вариант, что и для русского языка (иногда прямо по-русски: «ижора», «ижоры», «ижор», «ижорка», а иногда в виде ижоризированного варианта «ižorid», который, по всей видимости, является калькой с русского этнонима), либо приводили наименования по местности: «ingerläin» (т.е. «ингерманландец», что, заметим, совпадает с наименованием ингерманландских финнов), «šoikkola(i)št» («сойкинцы» – для тех, кто живет на сойкинском полуострове). Иногда этноним просто подменялся топонимом: указывалось название конкретной деревни. Несколько носителей с известной долей юмора охарактеризовали себя как «чухна» (что является пренебрежительным названием прибалтийско-финских народов у русского населения). Лишь один носитель ижорского языка предложил более архаичное название *mejjen väki* ‘наш народ’, которое, впрочем, имеет точный аналог и у воды (*mejje vätši*);

– ту же национальную принадлежность (то есть «ижора») указывают и современные представители воды, которые говорят, что они «ижоры» (впрочем, в последние годы некоторые стали применять по отношению к себе слово «водь», что является, в большой степени, результатом общения с эстонскими и российскими лингвистами).

⁷ Подробный анализ лингвонимов и этнонимов, существующих у народов нижнелужского ареала, представлен в [Муслимов 2005].

Аналогично обстоит дело и с наименованием языка: считая себя ижорой, водь называет свой язык ижорским⁸ (вероятно, что такая ситуация развилась в результате преподавания ижорского в местных школах, которые, как уже было сказано выше, посещала водь). Это касается в первую очередь русского этнонима, что же касается самоназвания на родном языке, то некоторые представители воды помнят свое самоназвание (*vad'd'a*, *vad'd'alain*), другие же (как и многие ижоры) уже не помнят этого этнонима или не относят его к себе⁹;

– противопоставление ингерманландских финнов воды и ижоре проводится по религиозной принадлежности (если первые лютеране, то вторые и третьи православные). Например, одна из жительниц Курголовского полуострова сказала: «Я ижорка, но говорю на языке своей матери (то есть на ингерманландском финском)».

Таким образом, используя данный критерий, мы не находим достаточно четкой дефиниции ижоры (или ижорского языка).

Единственным достаточно четким признаком, который действительно различает все три народа и который используется для идентификации самими местными жителями, оказался глагол «говорить», отличающийся во всех трех языках (подробнее см ниже)¹⁰.

3. ВЗАИМОПОНЯТНОСТЬ ИДИОМОВ

Такой простой, на первый взгляд, критерий, как взаимопонятность, не всегда позволяет четко определить близость идиомов, поскольку взаимопонятность зависит не только от этой близости, но и от языкового опыта конкретных носителей. Так, например, известно, что русский человек, имеющий даже небольшой опыт нахождения в украинской языковой среде, оценивает украинский язык как более или менее понятный, в то время как при отсутствии такого опыта украинский язык воспринимается как непонятный. В случае с ижорским языком ситуация представляется еще более интересной. Так, в районе нижней Луги водское население считает ижорский язык (точнее его нижнелужский диалект) вполне понятным, тогда как ижора понимает водский язык значительно хуже¹¹. Возможно, что именно этот фактор приводил к ситуации, описанной в работе [Tsvetkov 1925: 43], когда с появлением в водской семье молодой ижорской жены вся семья (в том числе и старшее поколение) начинала разговаривать на ижорском языке.

Следует также отметить, что взаимопонимаемость сойкинской и нижнелужской ижоры далека от идеала и, по нашим наблюдениям, хуже, чем взаимопонимаемость нижнелужской ижоры и курголовских финнов. При этом и в том, и в другом случае определяющим оказывается наличие или отсутствие субъективного опыта общения с представителями соседствующего идиома.

Обратим внимание, что мы не включили в число рассматриваемых экстралингвистических критериев политический фактор. Поскольку ни один из рассматриваемых народов не имеет политической самостоятельности, равно как и административно-территориального образования, то политические критерии тут неприменимы¹².

⁸ См., например [Savijärvi, Savijärvi 1999: 26].

⁹ Впрочем, в последние годы идентичность воды укрепляется (в частности, из-за проведения в деревне Лужицы водских праздников, организованных Т.В. Ефимовой).

¹⁰ Детальный анализ этого критерия представлен в работе [Муслимов 2005].

¹¹ Такого рода нарушение симметрии не является уникальным. Например, похожую ситуацию автору статьи описывали носители марийского языка, отмечая асимметрию во взаимопонятности лугового и горного марийского.

¹² Созданная в 2005 году ижорская община не способствует автономизации ижоры. В эту общину попадают люди самых разных национальностей, а многие этнически чистые ижоры не состоят в ней в силу разных причин (в том числе из-за национальной разнородности членов общины, вызывающей у них недоверие). В целом, ижорская община используется как инструмент (к сожалению, не всегда достаточно эффективный) для отстаивания интересов всего местного населения, а не собственно людей ижорской национальности.

Итак, ни один из экстралингвистических критериев не дает достаточно четкой картины, позволяющей характеризовать ижорский как единый язык, отличный от соседствующих идиомов.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

В основе лингвистических критериев лежат свойства языка, которые условно можно разделить на три группы: лексические, фонетические и грамматические. Соответственно, мы будем говорить о лексических, фонетических и грамматических критериях.

1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Лексические критерии наиболее часто используются в диалектологических исследованиях. На их основе составляются диалектные атласы, позволяющие проводить границы между идиомами. Также лексические критерии положены в основу глоттохронологии – одного из основных методов, используемых для определения степени родства языков. Рассмотрим, насколько лексические критерии применимы к ситуации с ижорским языком.

Совпадения по стословному списку Сводеша водского и ижорского языков составляют 99%. Единственным словом, отличающимся в списке, оказывается глагол «говорить», который в обоих диалектах ижорского языка выглядит как *lātā*, а в водском как *pajatta*. Он же отличает ижорский от курголовского финского, где используется лексема *hāstā*, а также курголовский финский от литературного (лексема *puhua*) и некоторых других ингерманландских говоров (лексеммы *luatī*, *lātī* и др.)¹³. Совпадение стословных списков на 99% традиционно считается свойственным для близких диалектов, но не для различных языков. Таким образом, стословный список Сводеша оказывается не слишком показательным критерием для выделения ижорского языка из окружающих родственных идиомов.

Что касается лексики, выходящей за пределы самой базовой, то тут мы наблюдаем крайне запутанную картину, поскольку распределение лексем по говорам рассматриваемых языков не дает четкой корреляции с языковыми границами. Конечно, не следует исключать, что аккуратный статистический анализ на основе детального диалектологического атласа мог бы дать определенные результаты. Однако, во-первых, такой атлас пока отсутствует, во-вторых, в настоящее время распределение лексем по говорам оказывается в большой степени смазанным (в частности, из-за того, что многие носители современного ижорского и особенно курголовского финского имели опыт изучения литературного финского), в-третьих, многие слова вытесняются русскими заимствованиями или просто забываются.

Приведем примеры распределения нескольких почти произвольно выбранных лексем по рассматриваемым идиомам.

Как видно из Таблицы 1, мы можем наблюдать самые различные варианты распределения лексем:

– в первом примере сойкинский ижорский и водский, с одной стороны, противопоставляются нижнелужскому ижорскому и курголовскому финскому, с другой стороны;

– во втором примере сойкинский ижорский отличается от остальных идиомов;

– в третьем примере водский отличается от ижорских диалектов и курголовского финского;

– в четвертом примере, сойкинский ижорский отличается от остальных идиомов, а в курголовском финском наблюдается альтернативный вариант лексеммы, не представленный в водском и нижнелужском ижорском;

¹³ Впрочем, *hāstā* встречается и в некоторых ингерманландских говорах за пределами Курголовского полуострова (устное сообщение М.З. Муслимова).

Лексические различия¹⁴

N	Лексема	ING-S	ING-L	FIN	VOD	Комментарий
1	бревно	herš	palkki	palkki	irsi ¹⁵	(ING-S = VOD) ≠ (ING-L = FIN)
2	ведро	uhlu	paŋki	paŋki	paŋki	ING-S ≠ (ING-L = VOD = FIN)
3	молоко	maito	maito	maito	pīm'	(ING = FIN) ≠ VOD
4	красивее	käbiemp	lusti(m)p	lustimpi ~ kaunempi ¹⁶	lustipi	ING-S ≠ (ING-L = VOD) ≈ FIN
5	стол	kanš	laut(ə)	pöütä	laut(ə)	FIN ≠ ING-S ≠ (ING-L = VOD)
6	мешок	šäkki	säkki ~ kotikko ¹⁷	säkki	säkki ~ kotti	(ING-S = FIN) ≈ (ING-L ≈ VOD)

– в пятом примере нижнелужский ижорский и водский совпадают, а в сойкином ижорском и курголовском финском наблюдаются другие лексемы;

– в шестом примере одна и та же лексема существует во всех идиомах, но в водском и нижнелужском ижорском есть альтернативные лексемы.

Даже немногие приведенные примеры наглядно демонстрируют, что в сфере лексики отсутствует последовательное противопоставление обоих ижорских диалектов водскому и курголовскому финскому. Таким образом, лексический критерий не может являться определяющим для квалификации ижорского как единого языка, отличающегося от соседних родственных языков.

2. ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Детальный анализ фонологии рассматриваемых идиомов затруднен, поскольку для них никогда не разрабатывались полноценные фонологические описания, обеспечивающие сопоставимость языков и диалектов (хотя в последнее время сделаны некоторые шаги в этом направлении: см. [Кузнецова 2009] об ижорской фонологии и [Маркус, Рожанский (в печати)] о водской фонологии). Ниже будут рассмотрены лишь наиболее яркие фонетико-фонологические свойства.

2.1. Фонология взрывных

В анализируемых идиомах наблюдаются две принципиально разные фонологические системы. В одном случае признаками для противопоставления взрывных становятся «глухой–звонкий» и «одиначный–геминированный». Так, в нижнелужском ижорском существуют минимальные пары следующего типа: *sata* 'сто:НОМ' – *satta* ~ *sattà* ~ 'сто:PART' – *sada* 'сад:НОМ' – *sadda* ~ *saddà* 'сад:PART'. Похожая ситуация наблюдается и в водских говорах нижнелужского ареала (*ripu* 'висеть:IMP2SG' – *rippu* 'висеть:IMPF3SG' – *griba* 'гриб:НОМ' – *gribba* 'гриб:PART'), хотя полную четверную оп-

¹⁴ Список используемых обозначений приведен в конце статьи.

¹⁵ *irsi* и *herš* являются водским и ижорским вариантами одного и того же слова, получившимися в результате действия различных фонетических процессов.

¹⁶ Это слово появилось в курголовском финском в результате влияния литературного финского. Поскольку большинство из опрошенных нами носителей языка предлагало именно это слово, мы рассматриваем его как своего рода междиалектное заимствование.

¹⁷ Эта лексема наблюдается в южных говорах нижнелужского ижорского и является суффиксальным образованием от *kotti*.

позицию мы наблюдали только у лабиальных взрывных. По всей видимости, похожим образом была устроена фонология центральноводских говоров (хотя в грамматиках [Ahlqvist 1856] и [Ariste 1968] отсутствуют примеры на противопоставление одиночных и геминированных звонких, в [Ahlqvist 1856: 13–14] отмечается существование [d] и [dd]). Курголовский финский демонстрирует переходную систему: в нем есть противопоставление одиночных и геминированных глухих, одиночные же звонкие наблюдаются только в заимствованиях, но уже обладают фонематическим статусом (см. [Leppik 1975: 28]). Поэтому даже при отсутствии геминированных звонких в фонологической системе будут представлены те же самые два признака (поскольку одиночный глухой противопоставляется и геминированному глухому, и одиночному звонкому). Подчеркнем, что здесь мы рассматриваем только сами фонологические системы, а не использование фонем и их оппозиций в системе консонантных чередований (про них речь пойдет ниже).

Совсем по-другому устроена фонология сойкинско-ижорского. В сойкинско-ижорском противопоставление взрывных определяется не описанными двумя признаками, а оппозицией сильных и слабых фонем (см. [Кузнецова 2009]). Сильная фонема на фонетическом уровне реализуется как геминированный глухой согласный или же как одиночный глухой согласный (либо как полудолгий согласный). Слабая фонема реализуется как одиночный глухой или одиночный звонкий (либо как промежуточный полувзвонкий вариант)¹⁸. Тем самым, в сойкинско-ижорском мы наблюдаем противопоставление взрывных не по двум признакам: «глухой–звонкий» и «одиночный–геминированный», а по одному: «сильный–слабый». Ср., например, в сойкинско-ижорском /aida/ ‘забор: NOM’ : [aida]/[aida]/[aita] и /aittā/ ‘забор: PART’ : [aittā~]/[aittā]/[aittā].

2.2. Свистящие и шипящие звуки

В водском, нижнелужском ижорском и курголовском финском существуют фрикативные свистящие [s] и [z]. В водском и нижнелужском ижорском также представлены шипящие [š] и [ž], однако они встречаются лишь в небольшом числе слов, например, *šiška* ‘тряпка’, *šišgaD* ‘тряпка: PL. NOM’, *karjušši* ‘пастух’ VOD (здесь мы, естественно, не рассматриваем новые заимствования из русского, где могут встречаться любые русские фонемы). Свистящим в указанных идиомах соответствуют шипящие в сойкинско-ижорском, например, ‘пилить: IMPF. 1SG’: *šahhàžin* ING-S, *sahasin* ING-L, FIN, *sahazin* VOD; ‘большой’: *šūr* ING-S, *sūr* ING-L, VOD, FIN. Появление шипящих в сойкинско-ижорском, по-видимому, относительно новое явление. В грамматике [Porokka 1885] примеры из сойкинско-ижорского записываются со свистящими, хотя для верхнелужских говоров (ореджский диалект) отмечается существование шипящих¹⁹. Тем не менее в настоящее время наличие шипящих является достаточно ярким дистинктивным признаком сойкинско-ижорского, противопоставляющим его остальным окружающим идиомам, что, заметим, осознается и местными жителями (например, нижнелужская ижора проводит различие идиомов следующим образом: «Мы говорим на s, сойкинские говорят на š, а есть такие, которые говорят на tš²⁰»).

¹⁸ Заметим, что у сильных и слабых фонем, произнесенных как одиночный глухой, фонетическая реализация может пересекаться, хотя чаще длительность смычки у сильных фонем оказывается несколько больше, чем у слабых фонем.

¹⁹ В некоторых идиолектах нижнелужского ижорского и курголовского финского наблюдались свистящие, произносимые с некоторым шепелявым призвуком. Однако они были достаточно далеки от обычных шипящих, представленных в современном сойкинско-ижорском. Заметим, что в других говорах ингерманландского финского встречаются разные варианты реализации фрикативных, в частности, шипящие [š] и [ž] и шепелявые [ś] и [ž].

²⁰ В последнем случае имеется в виду водь. Заметим, что в данном случае отмечается именно частота соответствующего звука, а не фонетическое соответствие, поскольку водское [tš] соответствует ижорскому [k], а не [s] ~ [š] (см. ниже про палатализацию).

2.3. Палатализация заднеязычного смычного

Одним из основных признаков, противопоставляющих водский соседствующим языкам (курголовскому финскому и ижорскому), является палатализация заднеязычного [k] перед гласными переднего ряда [e], [i], [ä], [ü], [ö], приведшая к переходу [k] в [tš]. Например, 'деревня': *külä* *ING, FIN* и *tšülä* *VOD*; 'кто': *ken* *ING, FIN* и *tšen* *VOD*. В некоторых идиолектах нижнелужского ижорского наблюдалось смягчение [k] в указанной позиции, однако не столь сильное, чтобы произошел переход в полноценную аффрикату. Например, [t^siugas] 'печка' вместо [kiugas], [t^siivi] 'камень' вместо [kivi].

2.4. Долгие гласные

Судьба исконных долгих гласных первого слога среднего подъема ([ō], [õ], [ē]) в рассматриваемых идиомах различна. В финском (как курголовском, так и литературном) они превратились в дифтонги [uo], [üö], [ie] соответственно. В водском [ō] и [õ] перешли в [ū] и [ü], а [ē] сохранился. В сойкинском ижорском произошло поднятие соответствующих гласных, что в некоторых идиолектах привело к полному совпадению с гласными верхнего подъема (например, *šū* 'рот' и *šū* 'болото'), в других же идиолектах различие все-таки сохранилось: *šū* 'рот' и *šõ* 'болото' (см. [Кузнецова 2009]). В нижнелужском ижорском для говоров восточного берега Луги характерно сохранение исконных гласных ([ō], [õ], [ē]), а в говорах западного берега наблюдается переход в дифтонги, как и в финском (хотя в некоторых идиолектах возможно отклонение от указанного распределения). Например, 'работа': *tõ* или *tū* *ING-S*, *tüö* или *tõ* *ING-L*, *tū* *VOD*, *tüö* *FIN*; 'дорога': *tī* или *tē* *ING-S*, *tie* или *tē* *ING-L*, *tē* *VOD*, *tie* *FIN*.

2.5. Гласный среднего ряда средне-верхнего подъема

В водском языке существует фонема /e/, представляющая собой гласный среднего ряда средне-верхнего подъема, который в аффиксах выступает как сингармонический заднерядный коррелят гласного /e/. В сойкинском ижорском и курголовском финском такая фонема отсутствует. В нижнелужском ижорском в большинстве случаев на месте водского /e/ обнаруживается другой гласный, (ср., 'очень, крепко': *kovašt* *ING-S*, *kovast* *ING-L* и *kevassi* *VOD*; 'быть:INF': *олла* *ING, FIN* и *елла* *VOD*), хотя в этом диалекте звук [e] часто встречается в неначальных слогах. При этом он находится в процессе фонологизации, то есть, если в некоторых идиолектах [e] при четком произнесении проясняется в другой гласный, то в других идиолектах такого прояснения не наблюдается, и можно постулировать существование в них фонемы /e/, например, 'сосед': *nāpur* ~ *nāper* *ING-L*, *nāpuri* *ING-S, FIN*, *nāpuri* ~ *nāperi* *VOD* (первый вариант представлен в песоцко-лужицком, а второй в кракольском говоре водского).

Таким образом, фонетические и фонологические критерии, различающие рассматриваемые идиомы, дают довольно пеструю картину, которую можно представить в следующей таблице.

Таблица 2

Фонетико-фонологические различия

Фонология взрывных	$ING-S \neq (ING-L = VOD \approx FIN)$
Свистящие и шипящие	$ING-S \neq (ING-L = VOD \approx FIN)$
Палатализация заднеязычного смычного	$(ING-S = ING-L = FIN) \neq VOD$
Долгие гласные	$ING-S \neq FIN \approx / \neq ING-L \neq VOD$
Гласный среднего ряда верхне-среднего подъема	$(FIN = ING-S) \neq (ING-L \approx VOD)$

Как несложно заметить, ни один из критериев не противопоставляет оба ижорских диалекта соседствующим языкам: либо один диалект отличается от другого и соседствующих языков, либо ижорские диалекты совпадают как друг с другом, так и с другим соседствующим языком, либо каждый из рассматриваемых идиомов имеет свою специфику.

3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Рассмотрим критерии, которые относятся к разряду грамматических. В их число входят:

- различия в наборе значений грамматических категорий;
- различия в системе грамматических показателей;
- различия в системе чередования консонантных кластеров в основе;
- различия в использовании грамматических форм;
- различия в синтаксисе.

Следует подчеркнуть, что в данной работе мы рассматриваем указанные критерии независимо друг от друга, поскольку, с нашей точки зрения, они выявляют системные различия в грамматике языков. Хотя иногда сочетание различных признаков (например, грамматического показателя и консонантного кластера в основе) создает специфичную для данного идиома форму, различия такого рода мы относим к частным, то есть противопоставляющим говоры одного идиома не реже, чем диалекты и языки.

3.1. Грамматические категории

У имен в прибалтийско-финских языках в максимальном варианте существуют три грамматические категории: число, падеж и притяжательность.

Категория числа имеет два значения: единственное и множественное. С этой точки зрения все рассматриваемые идиомы идентичны.

У категории падежа существуют следующие значения: номинатив, генитив, партитив, иллатив, инессив, элатив, аллатив, адессив, аблатив, транслатив и эссив, причем последний во всех указанных идиомах образуется от ограниченного числа имен. Кроме того, супин²¹ может оформляться показателем абессива, в именах же этот падеж был вытеснен предложной конструкцией. Единственным падежом, который представлен не во всех идиомах, оказывается комитатив: если в курголовском финском, водском и нижнелужском ижорском он существует как отдельный падеж²², то в сойкинском ижорском он отсутствует, а соответствующие функции распределяются между аллативом (инструмент) и конструкцией с послелогом *kerä* (совместность). Из более мелких различий следует отметить слияние адессива и аллатива в единый падеж, которое наблюдается в одном говоре водского языка и в ряде идиомов нижнелужского ижорского (подробнее см. ниже)²³.

Что касается притяжательности, то на данный момент она потеряна во всех рассматриваемых идиомах (хотя еще недавно она была вполне живой категорией, например, в ижорском: см. тексты, опубликованные в [Pogkka 1885]²⁴).

Глагол прибалтийско-финских языков обладает категориями времени, наклонения, полярности, лица и числа, а некоторые нефинитные формы могут изменяться по

²¹ Термин «супин» представляется нам не идеальным для обозначения глагольных форм на *-ta*, однако он уже прижился в научной литературе (см., например [Маркус 2006]) и, похоже, альтернативного наименования этих форм, которое было бы более удачным, не существует.

²² Комитатив не является полноценным падежом (анализ комитатива представлен в [Маркус 2007]), однако в данной работе мы не будем вдаваться в детали проблем, связанных с комитативом, так как для темы предлагаемого в статье исследования это не принципиально.

²³ В других диалектах ингерманландского финского тоже нередко наблюдается совпадение аллатива с адессивом, см., например [Kokko 2000].

²⁴ В ряде других диалектов ингерманландского финского притяжательность сохранилась.

падежам и числам. Также, следуя традиции, мы выделяем категорию залога, которая противопоставляет имперсональные формы другим глагольным формам и различает активные и пассивные причастия.

Набор времен в рассматриваемых идиомах одинаков: из времен используются презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект²⁵; из наклонений – индикатив, кондиционалис и императив. Ранее в водском, ижорском и курголовском финском существовал потенциалис, однако в наше время это наклонение полностью вымерло (во всех рассматриваемых идиомах сохранились формы потенциалиса бытийного глагола, которые сейчас полностью лексикализировались и используются в бытийных конструкциях с семантикой будущего времени: *līn- ~ lēn- ING-S*, *lien- ~ lēn- ING-L*, *lē- VOD*, *lien- FIN*, например, водское *ōmen miä lēn linneZ* ‘Завтра я буду в городе’). Детальное сравнение всех элементов глагольной парадигмы в рассматриваемых идиомах представляется затруднительным, поскольку некоторые элементы (например, кондиционалис перфекта) находятся в состоянии вымирания, и мы можем говорить лишь о существовании соответствующих форм в конкретном идиолекте, но не в языке в целом. Из более четких различий следует назвать:

– формы императива 3 лица, которые отсутствуют в современном сойкинском ижорском (их вытеснили аналитические конструкции), но сохранились в водском (например, *teh-ko* ‘делать-IMP:3SG’, *teh-koD* ‘делать-IMP:3PL’, *vette-go* ‘брат-IMP:3SG’, *vette-goD* ‘брат-IMP:3PL’), а также в ряде идиолектов нижнелужского ижорского и курголовского финского;

– категорию числа в аналитических глагольных формах с активными причастиями (например, в отрицательном имперфекте): в ижорском и курголовском финском эти формы различаются по числу, а в водском такое различие отсутствует.

3.2. Грамматические показатели

Далее будет произведено сравнение грамматических показателей в анализируемых языках. Следует подчеркнуть, что поскольку каждый из идиомов (водский, курголовский финский, сойкинский ижорский, нижнелужский ижорский) имеет свои особенности в устройстве как фонетики, так и фонологической системы, мы не будем считать существенными различия, не выходящие за пределы очевидного варьирования алломорфов (прежде всего, имеются в виду различия, касающиеся ослабления конечных гласных и варьирования одиночных / геминированных, глухих / звонких согласных). Например, показатель аллатива в водском имеет варианты *lɛ/llɛ*, *le/le*, обусловленные фонологическим противопоставлением латеральных аппроксимантов (/л/ и /л/ приобрели в водском статус отдельных фонем), а также различием в говорах (в песочколужицком говоре наблюдается геминированный согласный с редуцированным гласным /ə/, а в кракольском – одиночный согласный с полным гласным /e/ или /e/). В ижорском языке отсутствует фонологическое противопоставление латеральных аппроксимантов *l* и *l*, но в показателе аллатива допускается варьирование одиночного и геминированного согласного, а также варьирует степень редукции, в результате чего мы наблюдаем варианты *l*, *ll*, *le*, *lle*, *lə*, *llə* в нижнелужском ижорском и варианты *le*, *lle* в сойкинском ижорском. Все различия такого рода (часто зависящие не только от языка и диалекта, но и от говора и даже от идиолекта) мы не квалифицируем как грамматические, считая, что в данном случае мы имеем дело с одним и тем же показателем. Что же касается

²⁵ Подчеркнем, что мы не рассматриваем в качестве времени конструкцию с презенсом глагола «стать» и супином (например, водское *tāmā nejzeB itkema* ‘Он будет плакать’), которая в ряде грамматик считается аналитическим будущим временем (например, в [Tsvetkov 2008] эта конструкция называется «будущее сложное время»). Включение ее в число глагольных времен однозначно требует признания временем целого ряда других конструкций (в частности, более частотной конструкции с имперфектом того же глагола, например, *tāmā nejsi itkema* ‘Он стал плакать (= заплакал)’), что приведет к непомерному и необоснованному разрастанию глагольной парадигмы.

различий, которые являются результатом давних системных изменений, приведших к различному облику показателей в разных идиомах, то они рассматриваются как существенные (например, водский показатель транслатива из-за ассимиляции стал выглядеть как *ssi*, тогда как в ижорском языке сохранился более архаичный вариант *kš/ks*).

3.2.1. Имена

Таблица 3

Показатели числа

	ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
Ед. число	∅	∅	∅	∅	ING = FIN = VOD
Мн. число в номинативе	t (d)	d	d	t	ING = FIN = VOD
Мн. число в косвенных падежах	i, loi/löi	i	j ²⁶	i	ING-S ≠ (ING-L = FIN = VOD)

Показатель единственного числа во всех рассматриваемых идиомах нулевой. Во множественном числе показатели различаются в номинативе (-t/-d) и в косвенных падежах. В последнем случае везде наблюдается показатель -i/-j, но в сойкином ижорском ряд слов использует показатель -loi/-löi (например, *kodi* 'дом' – *kodi-loi-n* 'дом-PL-GEN'), что отличает этот идиом от прочих.

Как видно из Таблицы 4, различия между указанными идиомами наблюдаются в показателях следующих падежей:

1. Генитив. Здесь водский отличается от остальных идиомов отсутствием показателя -n (ср., 'волк:GEN': *sue* VOD и *sue-n* ING-L, FIN, *šue-n* ING-S).

2. Аллатив-адессив. Ослабление конечного гласного в показателях и относительная нестойкость геминации привели к тому, что в некоторых говорах произошло слияние адессива и аллатива. Это имеет место в песоцко-лужицком говоре водского, где показателем аллатива-адессива стал -llə/-llə, хотя в соседнем кракольском говоре такого не произошло: показатель аллатива сохранился в виде -le/-le, а показатель адессива – в виде -ll/-ll. Сойкинский ижорский и курголовский финский сохранили различие этих двух падежей, что же касается нижнелужского ижорского, то там наблюдается еще незавершенная тенденция к их слиянию: в одних идиолектах противопоставление сохраняется, в других оно уже потеряно. По нашим наблюдениям, потеря этого противопоставления более характерна для южных нижнелужских говоров.

3. Элатив и транслатив. Показатели элатива -ss(ə) и транслатива -ssi отличают водский язык от окружающих идиомов, поскольку в ижорском и финском используются показатели -st(ə)/-št и -ks/-kš соответственно. Например, 'дерево-ELAT': *pū-št* ING-S, *pū-st(ə)* ING-L, FIN, *pū-ss(ə)* VOD; 'учитель-TRANS': *obettaja-kš* ING-S, *opettaja-ks* ING-L, FIN, *utšitel' a-ssi* ~ *epettaja-ssi* VOD.

4. Комитатив. В сойкином ижорском отсутствует комитатив как отдельный падеж (как отмечалось выше, его функции распределяются между адессивом и послеложной конструкцией). В остальных идиомах комитатив существует и имеет показатель -(ŋ)ka/-(ŋ)kä в нижнелужском ижорском и курголовском финском²⁷, либо -ka (без сингармонических вариантов) в водском. Считается, что в нижнелужском ижорском

²⁶ Показатель множественного числа -i образует дифтонг с конечным гласным основы. В водском языке (в отличие от ижорского, финского, эстонского) второй компонент таких дифтонгов не отличается от консонанта [j], поэтому мы обозначаем его соответствующим образом. Это различие не грамматического плана.

²⁷ Начальный носовой является окончанием генитива -n, к которому присоединился комитативный маркер -ka/-kä. В ряде нижнелужских говоров комитатив может образовываться и без носового согласного.

Падежные показатели

	<i>ING-S</i>	<i>ING-L</i>	<i>VOD</i>	<i>FIN</i>	Комментарий
Номинатив	∅	∅	∅	∅	ING = FIN = VOD
Генитив	n	n	∅	n	(ING = FIN) ≠ VOD (в водском нулевой показатель)
Партитив	a/ä, t (d) ²⁷ , (t)tǎ/(t)tǎ (dǎ/dǎ)	a/ä, t, tǎ/tǎ	a/ä, t	a/ä, t, tǎ/tǎ	ING = FIN = VOD
Иллатив	∅, (š)še	∅, ss(ə)	∅, se/se	∅, sse	ING = VOD = FIN
Инессив	š (ž)	s, ss(ə), z	z	s	ING = FIN = VOD
Элатив	št	st(ə)	ss(ə)	st	ING = FIN ≠ VOD
Аллатив	(l)le	l(l), l(l)e, l(l)ə	le/le, llə/llə	l(l)e	ING-S = FIN ≈ VOD ≈ ING-L (см. ниже про совпадение аллатива и адессива)
Адессив	(l)l	l(l)	ll/ll, llə/llə	l(ə), ll	ING-S = FIN ≈ VOD ≈ ING-L (см. ниже про совпадение аллатива и адессива)
Аблатив	lt	lt(ə)	lt(ə)/lt(ə)	lt	ING = FIN = VOD
Транслатив	kš	ks	ssi	ks	(ING = FIN) ≠ VOD
Комитатив	<i>отсутствует</i>	(ŋ)ka/(ŋ)kǎ	ka	ŋka/ŋkǎ	ING-S ≠ (ING-L = FIN ≈ VOD) (в водском показатель несингармоничный)
Эссив	n	n, nǎ/nǎ	n, nn	n	ING = FIN = VOD

комитатив был заимствован из водского или курголовского финского (см. [Лаанест 1966: 106])²⁹. Ср. ‘пилой’: *saha(ŋ)ka* *ING-L*, *sahaŋka* *FIN*, *sahaka* *VOD* и *šahal* *ING-S*; ‘с кем’: *kene(ŋ)kǎ* *ING-L*, *keneŋkǎ* *FIN*, *tšeneka* *VOD* и *kenen kera* *ING-S*.

3.2.2. Глагол

Таблица 5

Личные показатели

	<i>ING-S</i>	<i>ING-L</i>	<i>VOD</i>	<i>FIN</i>	Комментарий
1SG	n	n	n	n	ING = FIN = VOD
2SG	t (d)	d	d	t	ING = FIN = VOD
3SG:PRS	p (b), ∅, jǎ/jǎ	b, ∅, jǎ/jǎ	b	p, ∅, jǎ/ jǎ	(ING = FIN) ≠ VOD (в водском нет показателей jǎ/jǎ и ∅)
3SG:IMPF, COND	∅	∅	∅	∅	ING = FIN = VOD

²⁸ Здесь и далее в скобках мы приводим второстепенные варианты показателей, обусловленные различием говоров, выбранной системой транскрипции и т.п.

²⁹ Впрочем, существование форм без носового консонанта заставляет нас все-таки считать источником нижнелужского комитатива именно водский язык.

	<i>ING-S</i>	<i>ING-L</i>	<i>VOD</i>	<i>FIN</i>	Комментарий
1PL	(m)ma/(m)mä	mm, mmä/mmǎ	mm(ə)	mm, mmǎ/ mmǎ	ING = FIN = VOD
2PL	(t)ta/(t)tä	tt, ttǎ/ttǎ	tt(ə)	tt, ttǎ/ttǎ	ING = FIN = VOD
3PL:PRS	vat/vät(vad/väd), t(d), jat/jät (jad/jäd)	vad/väd, d, jad/jäd или имперсональные формы	имперсональные формы	vat/vät, t, jät/ jät	(ING-S = ING-L = FIN) ≠ VOD или (ING-S = FIN) ≠ (ING-L = VOD)
3PL:IMPF, COND	vat/vät (vad/ väd), t (d)	vad/väd или имперсональные формы	имперсональные формы	vat/vät	ING-S ≠ (ING-L = FIN) ≠ VOD или ING-S ≠ (ING-L = VOD) ≠ FIN

Различия в личных показателях у рассматриваемых идиомов оказываются незначительными. Водский язык отличается от остальных отсутствием показателя *-jà/-jǎ* и нулевого показателя, характерных для формы презенса 3 лица у ряда ижорских и финских глаголов.

Наиболее существенными оказываются различия в формах 3 лица множественного числа, поскольку в водском и частично в нижнелужском ижорском исходные личные формы были вытеснены имперсональными. В 3 лице множественного числа имперфекта и кондиционалиса в сойкинском ижорском существует показатель *-t/-d*, не представленный в других идиомах.

Таблица 6

Показатели времени и наклонения

	<i>ING-S</i>	<i>ING-L</i>	<i>VOD</i>	<i>FIN</i>	Комментарий
PRS	∅	∅	∅	∅	ING = FIN = VOD
IMPF	i, j, iži ³⁰	i, j, si ³¹	i, j, zi	i, j, si	ING-S ≠ (ING-L = FIN = VOD)
COND	iži, išiži, jaiži/jäiži, jaišiži/ jäišiži	isi, isisi, jaisi/jäisi	izi, jsizi ³² , jajsi/jäjsi, jajsizi/ jäjsizi	isi, jsisi, jaisi/jäisi	(ING-S = VOD) ≠ (FIN = ING-L)
IMP2SG	∅	∅	∅	∅	ING = FIN = VOD
IMP2PL	(k)ka/(k)kǎ (ga/gǎ)	(k)ka/ (k)kǎ	ka	(k)kǎ/(k)kǎ	ING = FIN ≈ VOD
IMP3SG	<i>отсутствует</i>	<i>отсутствует</i> или ko/kö	ko, go	<i>отсутствует</i> или kò/kö	ING-S ≠ (FIN = ING-L ≈ VOD) или (ING-S = FIN = ING-L) ≠ VOD

³⁰ Во всех рассматриваемых идиомах в 3 лице единственного числа имперфекта и кондиционалиса конечный *-i* имеет свойство отпадать. В данную таблицу мы не включаем варианты показателей с отпавшим конечным гласным.

³¹ В липовском говоре нижнелужского ижорского также может использоваться показатель *-is*, близкий к показателю *-iži* сойкинского ижорского.

³² В кракольском говоре водского языка форматив *-jsizi* принимает вид *-jsejzi*.

		ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
IMP3PL		отсутст- вует	отсутст- вует или kod/köd	kod, god	отсутст- вует или kòt/kòt	ING-S \neq (FIN = ING-L \approx VOD) ИЛИ (ING-S = FIN = ING-L) \neq VOD)
IMPRS	PRS IMPF COND	(t)tà/(t)tä (dà/dä) (t)ti (di) (t)taiž/(t)täiž	tà/tä (t)ti (t)tais/ (t)täis	ta/tä (t)ti (t)tajz/(t)täjz	tà/tä (t)ti (t)tais/ (t)täis	ING = FIN = VOD

Как видно из таблицы, различие показателей времени и наклонения наблюдается в следующем:

1. В сойкинском ижорском существует специфический показатель имперфекта *-iži*, хотя остальные показатели имперфекта имеют аналоги в других идиомах;
2. В показателях кондиционалиса набор форматов одинаковый во всех идиомах, хотя комбинация из формата *-ja/-jä* и двойного формата *-jsizi VOD*, *-išiži ING-S* не была зафиксирована в нижнелужском ижорском и курголовском финском;
3. Показатели императива 2 лица множественного числа и 3 лица обоих чисел в водском не имеют сингармонических вариантов.
4. Показатели императива 3 лица отсутствуют в сойкинском ижорском, существуют в водском и ряде идиолектов нижнелужского ижорского и курголовского финского.

Таблица 7

Показатели нефинитных форм

		ING-S	ING-L	VOD	FIN	Комментарий
INF		a/ä, ta/tä (da/dä), vva/vvä ³³	a/ä, tä/tä, vvä/vvä	a/ä, t/t, vv	a/ä, ta/tä, vva/vvä, hha/hhä	ING = VOD \neq FIN
SUP		ma/mä	ma/mä	ma/mä	mà/mä	ING = FIN = VOD
PRTACT:SG		nt (nd) , nut/nüt (nud/nüd), t (d)	(n)nu(d)/ (n)nü(d), d	(n)nu(d)/ (n)nü(d)	(n)nu(t)/ (n)nü(t), nt, t	(FIN = ING-S) \neq ING-L \neq VOD
PRTACT:PL		net (ned), neht (nehd), nent (nend)	nèd	<i>совнадаем</i> <i>c SG</i>	nèt	ING-S \approx (ING-L = FIN) \neq VOD
PRTPASS		ttu/ttü, du/dü	(t)tu/t(t)ü	(t)tu/(t)tü	(t)tu/t(t)ü	ING = FIN = VOD

В нефинитных формах разнообразие демонстрируют показатели активного причастия, которые могут различаться наличием или отсутствием гласного, конечного взрывного и носового. Кроме того, в водском языке они не имеют противопоставления по числу.

В курголовском финском существует вариант показателя инфинитива *-hha/-hhä*, отсутствующий в других сравниваемых идиомах.

³³ Показатель *-jj(a/ä)*, представленный в единичных примерах (*VOD vējj*, *ING-S vējjä* 'нести, везти:INF' и т.п.), мы в таблицу не включаем.

4. ЧЕРЕДОВАНИЯ КОНСОНАНТНЫХ КЛАСТЕРОВ

Чередования консонантных кластеров в основе являются важным морфологическим механизмом во всех рассматриваемых идиомах: существует немало примеров, когда чередования оказываются единственным способом различения грамматических форм, ср. например, следующие пары форм в водском языке: *lejpä* 'хлеб:PART' – *lejä* 'хлеб:GEN', *aĵa* 'гнать:IMP' – *aĵja* 'гнать:INF', *tšülä* 'деревня:НОМ' – *tšüllä* 'деревня:ILL'.

Детального анализа и сопоставления систем чередования в разных говорах и диалектах рассматриваемых языков не проводилось. То есть мы не имеем возможности сделать какие-либо окончательные выводы по поводу того, насколько систему чередований можно использовать для проведения границ рассматриваемых идиомов. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют сформулировать ряд утверждений:

Различия консонантных кластеров в конкретных формах конкретных лексем очень часто различают даже близкие говоры одного и того же диалекта. Ср., например, следующие пары, где первая форма относится к кракольскому говору водского языка, а вторая – к песоцко-лужицкому: *suvan* – *suvvan* 'любить:PRS:1SG', *raha* – *rahha* 'деньги:PART', *ilata* – *ilata* 'убирать:SUP'.

То есть, такого рода частные различия между консонантными кластерами в отдельных формах некоторых лексем демонстрируют особенности говоров (а иногда даже идиолектов) и не могут в полной мере применяться для проведения границ между языками. Что же касается системных отличий, характеризующих систему чередований в целом, то нам известно лишь одно отличие, действительно соответствующее границам языков. Оно связано с консонантным кластером [tk], который в ингерманландском финском (в том числе в курголовском) не имеет слабоступенного коррелята (см. [Галахова 2000: 123]), в ижорском второй согласный этого кластера чередуется с Ø: *itkõmä* 'плакать:SUP' – *iden* 'плакать:PRS:1SG' ING-S³⁴, а в водском наблюдается чередование со звонким кластером [dg]: *itkema* 'плакать:SUP' – *idgen* 'плакать:PRS:1SG'.

В остальном же различия в системах чередований не дают столь четких результатов.

Такое достаточно важное свойство, как развитие вторичной геминации, наблюдается во всех рассматриваемых идиомах при том, что в центральноводских говорах вторичная геминация отсутствовала.

Подчеркнем, что система чередований в нижнелужском ижорском по ряду признаков ближе к водской, чем к наблюдаемой в сойкином ижорском. Например, если в водском и нижнелужском ижорском чередованию подвергается (за редчайшим исключением) последний консонант или кластер гласной основы, то в сойкином это не так. Ср., например, *ommēna* 'яблоко:НОМ' – *omenā* 'яблоко:PART' ING-S, *omena* ~ *omen(ə)* 'яблоко:НОМ' – *omena* ~ *omenā* 'яблоко:PART' ING-L, *omen* 'яблоко:НОМ' – *omena* 'яблоко:PART' VOD или *kelttain* 'желтый:НОМ' – *kellaišt* 'желтый:PART' ING-S, *keltain* 'желтый:НОМ' – *keltaist* 'желтый:PART' ING-L³⁵, *keltejn* 'желтый:НОМ' – *keltejss* 'желтый:PART' VOD.

Следует подчеркнуть, что вообще в ситуации конвергенции языков (что касается в первую очередь нижнелужского диалекта ижорского) чередования оказываются не слишком надежным критерием для проведения языковых границ, поскольку часть заимствованных лексем может включаться в уже существующую в языке-реципиенте систему чередований, а другая часть заимствоваться в виде полного набора грамматических форм, содержащих исходные чередования языка-донора. Эту проблему наиболее ярко демонстрирует материал куровицкого диалекта, являющегося смешанным водско-ижорским языком. С. Сухонен, проанализировав систему чередований куровицкого диалекта (см. [Suhonen 1985: 147]), приходит к выводу, что система чередований этого идиома наполовину принадлежит ижорскому, а наполовину водскому языку. В действительности куровицкий диалект представляет собой сочетание субстратной водской грамматики с заимствованной ижорской лексикой (см. [Маркус, Рожанский

³⁴ Для нижнелужского диалекта в [Лаанест 1966: 42] мы находим форму *itèn* 'плакать:PRS:1SG'.

³⁵ Эти ижорские примеры предоставлены Н.В. Кузнецовой.

2007]), но из-за двух указанных способов заимствования именно система чередований оказывается в куровицком смешанной ижорско-водской.

Указанное выше различие языков в отношении чередующегося кластера [tk], с этой точки зрения, оказывается применимым критерием, скорее, по случайности: в [Лаанест 1966: 42] для уже вымершего хэваского диалекта приводятся дублетные формы: *iden/idēn* ~ *itken*, возникшие под влиянием финского языка. Это подтверждает наш тезис о слабой устойчивости системы чередований в условиях интенсивных языковых контактов близкородственных языков³⁶.

Таким образом, предварительный анализ системы чередований не позволяет надеяться на выявление достаточно ярких критериев, позволяющих противопоставить ижорские диалекты соседствующим языкам.

5. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И СИНТАКСИС

Отсутствие грамматических описаний, где детально исследовались бы синтаксис и грамматическая семантика рассматриваемых идиомов, не позволяет в настоящее время обеспечить межъязыковое сопоставление. Несомненно, в этих сферах можно найти отдельные случаи, когда та или иная конструкция оказывается специфичной не для всех идиомов. Например, в ижорских диалектах и в курголовском финском часто встречается генитивная форма местоимения при модальном глаголе долженствования (*siun pittā* 'ты должен'), в то время как в водском языке всегда используются формы аллатива или адессива (*silä piäv*)³⁷. Однако различий такого рода немного (в этой области все рассматриваемые идиомы довольно близки), и все известные нам различия опять-таки не оказываются специфичными для ижорских диалектов.

Анализ приведенного материала показывает, что и среди грамматических критериев мы не находим таких, которые продемонстрировали бы достаточно яркие черты, характерные для обоих ижорских диалектов и отсутствующие в соседствующих идиомах. Практически единственным исключением оказывается способ чередования кластера [tk]. Однако мы находим целый ряд свойств, выделяющих среди рассматриваемых идиомов сойкинский диалект ижорского языка: показатель множественного числа *-loi/-löi*, отсутствие комитатива, показатель имперфекта *-iži* и др.

6. ПРИМЕРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Перед тем как перейти к формулировке обобщений и выводов нашего исследования, приведем в качестве примера несколько предложений из рассматриваемых идиомов. Эти примеры являются наглядной демонстрацией того, что существующие различия в этих идиомах носят, скорее, частный, а не системный характер и не отличаются принципиально от различий между говорами одного и того же диалекта или даже между отдельными идиолектами. После каждого примера указано место, в котором он был записан.

1. 'У моей сестры никогда не было денег'

ING-S: *miun šiarèl konškà ei olt rahhà* (Репино)

ING-L: *miun sisol konsajt ei ollu rahha* (Краколье)

miun sisoll konsaki ei old rahha (Краколье)

miun sisol konsa ei old rahha (Дальняя Поляна)

VOD: *minu sizollä kensa eB еллу rahha* (Лужицы)

FIN: *miun sisarel konsà ei olt rahhà* (Конново)

miun sisol konskà ei olt rahhà (Выбье)

³⁶ См. также [Леппик 1975: 27], где отмечается появление в курголовском финском чередований ижорского происхождения.

³⁷ Точнее: в кракольском говоре используется форма адессива (*silä*) или реже аллатива (*sil(л)е*), в песоцко-лужицком – форма аллатива-адессива (*silä*).

2. 'Налей воды в эту бутылку'
 ING-S: vala vettä tähä pudeli (Репино)
 ING-L: vala vett tähä puteli (Ропша)
 VOD: vala vett sihe putelise (Краколье)
 vala vettə sihe puteli (Лужицы)
 FIN: vala vettə tähä puteli (Конново)

3. 'Я все сделал и теперь могу отдохнуть'
 ING-S: miä kaik tein, nüttä šän hūvada (Вистино)
 miä kaik tein, nūd šän hōgada (Вистино)
 ING-L: miä kaik tein i nütt sän huovet (Б. Куземкино)
 VOD: miä kejG tejn i nütt sän hōget (Краколье)
 FIN: miä kaik tein i nütt sän levätä (Выбье)

ОБОБЩЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд утверждений.

1. Ижорский язык в настоящее время представляет два условно объединенных диалекта. Один из них (сойкинский) обладает целым рядом черт, отличающим его как от соседствующих языков, так и от другого ижорского диалекта (нижнелужского). Последний представляет собой конвергентный тип, поскольку по многим параметрам сближается с курголовским финским и водским языком.

Что касается ижорского языка в целом, то ни один из рассмотренных выше критериев не выявляет серьезных системных отличий обоих ижорских диалектов от соседствующих языков (водского и курголовского финского). Имеющиеся отличия в подавляющем большинстве либо наблюдаются только в одном из диалектов ижорского языка, либо противопоставляют оба ижорских диалекта лишь одному из соседствующих языков.

Анализ более мелких черт (таких как использование отдельных лексем, форм и т.п.) способен лишь усложнить описанную картину, поскольку в нижнелужском ареале количество мелких различий между говорами очень велико, а некоторые из них являются результатом смешения разных языков, что дает в высшей степени смазанную диалектную картину.

Заметим, что в настоящее время такого рода детальный анализ, ставящий целью выявление специфических черт каждого говора, вообще становится почти неразрешимой задачей, поскольку количество носителей языка очень мало, а их языковые биографии характеризуются высокой вариативностью.

В результате, вопрос о том, что следует считать современным ижорским языком, оказывается в высшей степени проблематичным. По всей видимости, если бы определение границ языков проводилось в наше время без оглядки на существующую традицию, его результатом стало бы деление на языки, отличное от принятого³⁸.

2. Описанная ситуация характеризует прежде всего современное состояние ижорского языка, которое сложилось за последние десятилетия. Судя по работам предшествующих исследователей, еще в середине XX века можно было наблюдать несколько отличную ситуацию.

Так, П. Аристе, в отличие от большинства предшественников рассматривавший ижорский не как диалект финского, а как независимый язык, отмечает целый ряд специфических черт ижорской морфологии [Ariste 1956]³⁹:

³⁸ Обратим внимание, что последнее время происходит пересмотр состава прибалтийско-финских языков. Например, если еще недавно говорили об одном карельском и одном эстонском языках, то в современной классификации карельский язык считается не одним языком, а тремя: собственно карельским, ливиковским и людиковским, а эстонский язык представлен двумя языками: собственно эстонским и южноэстонским.

³⁹ Насколько обоснованно эти черты можно считать спецификой ижорского языка – вопрос неочевидный, поскольку некоторые из перечисленных ниже явлений мы наблюдаем в отдельных говорах соседствующих языков.

1. Использование эксцессива (падежа с показателем *nD*), типа *trepGilöinD* 'из батраков', *oBettajanD* 'учитель по профессии', *raimeninD* 'из пастухов';
2. Специфическая система посессивных суффиксов;
3. Специфический показатель потенциалиса: *tullenen* 'я, может быть, приду', *tullonotta* 'вы, может быть, придете';
4. Особое окончание императива 3 лица множественного числа: *luGeGasse* 'пусть они читают', *anDaGasse* 'дадут', *sāGassek* 'получат';
5. Показатель активных причастий обычно выглядит как *nd-* или *t*;
6. Специфическое окончание 3 лица множественного числа глагольных форм: *hō kirjuttāD* 'они пишут', *künDāD* 'пашут', *tullōD* 'приходят', *lukkōD* 'читают'.

Однако в современном ижорском языке полностью отсутствуют формы эксцессива, не используются притяжательные суффиксы, нет указанных форм императива 3 лица множественного числа, исчез потенциалис. Показатель активных причастий в ряде ижорских говоров *(n)nut* ~ *(n)nüt*, а показатели *nt-* или *t* наблюдаются и в курголовском финском. Аналогично, в курголовском финском существуют такие же (в пределах варьирования, обусловленного особенностями фонетики-фонологии идиома), как и в ижорском, окончания 3 лица множественного числа презенса (например, *tekkōöt* 'делают', *antaat* 'дают' [Леппик 1975: 25]).

Подчеркнем, что, хотя не все из перечисленных свойств наблюдались в каждом ижорском диалекте, подход П. Аристе представлялся абсолютно оправданным, поскольку опирался на принципиально отличную от нашего времени языковую ситуацию. В середине XX века (то есть когда существовали четыре, а не два ижорских диалекта), можно было говорить об основном ижорском языке (представленном сойкинским, оредежским и хэваским диалектами) и отбившемся от него конвергентным нижнелужским диалектом. В настоящее время единственным аргументом, который позволял бы считать сойкинский диалект «главным», а нижнелужский – «испорченным контактами», оказывается архаичность первого из них. Однако архаичность одного из диалектов в принципе не может считаться сколько-либо серьезным аргументом, так же, как было бы странно считать, что язык русских эмигрантов, покинувших Россию в первой половине XX века, является более чистым русским языком, чем современный русский, обогатившийся многочисленными заимствованиями и претерпевший целый ряд изменений на всех языковых уровнях.

Таким образом, и трансформация самого языка, и изменение всей языковой картины позволяют констатировать, что за полвека проблема существования и единства ижорского языка приобрела совсем новый вид.

3. Отмеченная проблема не является чисто терминологической или экстралингвистической. Приняв положение о том, что ижорский является одним языком, исследователь, решивший написать грамматику ижорского языка, оказывается перед следующей дилеммой. Либо он вынужден описывать оба ижорских диалекта независимо друг от друга и тем самым отказаться от понятия наддиалектной грамматики ижорского языка в том смысле, в котором существуют, например, грамматики английского или русского языков. Либо он должен нарушить базовый принцип однозначности, подразумевающий, что читателю грамматики не приходится видеть сразу несколько фонологических инвентарей, различные падежные системы, различные транскрипции и т.п. Ижорский язык, до сих пор не имеющий своей синхронной грамматики⁴⁰, является яркой иллюстрацией того, как нетривиальность понятия «язык» отражается на проблемах, которые возникают у лингвиста, задумавшего создать грамматику языка.

⁴⁰ Работы [Porikka 1885; Лаанест 1966; 1978; Laanest 1986] носят характер диалектологических или исторических описаний и не могут считаться в полной мере грамматиками ижорского языка. Заметим также, что предпринятая в 30-х годах XX века попытка создания литературного ижорского языка потребовала разработки компромиссного междиалектного варианта (см. [Junus 1936; Муслимов 2005]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликов, Крысин 2001 – *В.И. Беликов, Л.П. Крысин*. Социоллингвистика. М., 2001.
- Галахова 2000 – *Л.Я. Галахова*. Чередование ступеней согласных в основе слова в финских говорах Ленинградской области // Кафедра финно-угорской филологии: Избранные труды к 75-летию кафедры. СПб., 2000.
- Крючкова 2003 – *Т.Б. Крючкова*. Ижорский язык // Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Кн. 2. М., 2003.
- Коряков 2004 – *Ю.Б. Коряков*. Систематика языков // <http://lingvarium.org/systematics.shtml>, 2004.
- Коряков 2001 – *Ю.Б. Коряков, Т.А. Майсак*. Систематика языков мира и базы данных в интернете // Труды Междунар. семинара «Диалог '2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. М.; Аксаково, 2001.
- Кузнецова 2009 – *Н.В. Кузнецова*. Фонологические системы ижорских диалектов: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
- Лаанест 1966 – *А. Лаанест*. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.
- Лаанест 1993 – *А. Лаанест*. Ижорский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- Лаанест 1978 – *А. Лаанест*. Историческая фонетика и морфология ижорского языка: Дис. ... докт. филол. наук. Таллин, 1978.
- Леппик 1975 – *М.-М.П. Леппик*. История фонологической системы курголовского финского диалекта в Ингерманландии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1975.
- Маркус 2006 – *Е.Б. Маркус*. Типология морфемного варьирования (на материале морфонологических систем говоров водского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Маркус 2007 – *Е.Б. Маркус*. О статусе комитатива и терминатива в водском языке // Конф. по уральским языкам, посвящ. 100-летию К.Е. Майтинской. Москва, 12–16 ноября 2007 г. Тезисы. М., 2007.
- Маркус, Рожанский 2007 – *Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский*. Феномен куровицкого идиома // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф. 12–17 марта 2007 г. Санкт-Петербург. Вып. 9. Уралистика. Филол. факультет СПбГУ. СПб., 2007.
- Маркус, Рожанский (в печати) – *Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский*. Современный водский язык (тексты и грамматический очерк). В печати.
- Муслимов 2005 – *М.З. Муслимов*. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
- Ahlqvist 1856 – *А. Ahlqvist*. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors – Acta societatis scientiarum Fennicae. V. I. Helsingforsiae, 1856.
- Ariste 1956 – *P. Ariste*. Isuri keelest // Emakeele seltsi aastaraamat. II. Tallinn, 1956.
- Ariste 1968 – *P. Ariste*. A grammar of the Votic language. Bloomington; The Hague, 1968.
- Ernits 2004 – *E. Ernits*. Vadja keele varasemast murdeliigendusest ja hilisemast hääbumisest // Piirikultuuriq ja -keeleq. Toim. Karl Pajusalu ja Jan Rahman. Konvõrents Kurgjärvel, 21.–23. rehekuu 2004. Võro, 2005.
- Junus 1936 – *V.I. Junus*. Ižoran keelen grammatikka. Morfologia. Opettaja vart. Moskova; Leningrad, 1936.
- Kokko 2000 – *O. Kokko*. The variation of local cases of present-day Ingrian Finnish // Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum. 7.–13.8.2000 Tartu. Pars II. Tartu, 2000.
- Laanest 1986 – *A. Laanest*. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn, 1986.
- Leppik 1975 – *M. Leppik*. Ingerisooime Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine. Tallinn, 1975.
- Porkka 1885 – *V. Porkka*. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.

- Savijärvi, Savijärvi 1999 – *I. Savijärvi, M. Savijärvi. Language contacts in Ingrian-Finnish // M. Teinonen, T.J. Virtanen (eds.). Ingrians and neighbours. Focus on the eastern Baltic Sea region. Helsinki, 1999.*
- Suhonen 1985 – *S. Suhonen. Wotisch oder Ingrisch? // Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.–7. September 1984 in Hamburg. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 20) Wiesbaden, 1985.*
- Tsvetkov 1925 – *D. Tsvetkov. Vadjalased // Eesti Keel 4, 1–2. 1925.*
- Tsvetkov 2008 – *D. Tsvetkov. Vadja keele grammatika (Эсимейн' ваддя чээле грамаатикк. Первая грамматика водьского языка, 1922). Koostanud ja toimetanud Jüri Viikberg. Tallinn, 2008.*

СПИСОК ОБОЗНАЧЕНИЙ

Идиомы

- FIN – нижнелужский финский
 ING – ижорский (в целом, т.е. нижнелужский и сойкинский)
 ING-L – нижнелужский ижорский
 ING-S – сойкинский ижорский
 VOD – нижнелужский водский

Соотношение идиомов (с точки зрения заданного параметра)

- = – идиомы совпадают
 ≈ – идиомы частично совпадают
 ≈/≠ – идиомы совпадают лишь в некоторых говорах, в других же различаются
 ≠ – идиомы не совпадают

Глоссы

COND	кондиционалис
ELAT	элатив
GEN	генитив
IMP	императив
IMPF	имперфект
INF	инфинитив
NOM	номинатив
PART	партитив
PL	множественное число
PRS	презенс
PRTACT	активное причастие прошедшего времени
PRTPASS	пассивное причастие настоящего времени
SG	единственное число
SUP	супин
TRANS	транслатив

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2010 г. В. Д. СОЛОВЬЕВ

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ***

В статье дается обзор выполненных в последние годы зарубежных работ в области применения типологических баз данных. Основное внимание уделяется наиболее интересным содержательным результатам, используемый математический аппарат и программный инструментарий не описываются подробно. Показано, что типологические базы данных обеспечивают новые возможности для решения проблем классификации языков. Классификация языков рассматривается в различных аспектах: генеалогическом, ареальном, эволюционном.

1. ВВЕДЕНИЕ

Одним из новых и многообещающих применений компьютерных технологий в лингвистике являются типологические базы данных (далее, сокращенно ТБД). ТБД содержат описания в формализованном виде грамматических свойств языков и сопровождаются инструментальными средствами интерфейса и статистических расчетов. Развитие этого направления начиналось с небольших баз данных, посвященных весьма ограниченному кругу свойств и содержащих описания небольшого числа языков. Примеры баз данных и общий обзор проблематики применения ТБД можно найти в [Everaert, Musgrave 2009].

Новый этап развития ТБД начался с появления World atlas of language structures (WALS) [Haspelmath et al. 2005] и базы данных «Языки мира». Последняя создана в Институте языкознания РАН на основе одноименной серии монографий. Описание базы данных «Языки мира» можно найти в [Поляков, Соловьев 2006; Виноградов и др. 2003], она доступна в Интернете по адресу <http://dblang2008.narod.ru/>.

WALS и «Языки мира» можно назвать большими типологическими базами данных, каждая из них содержит более 1 млн бит информации. В WALS описывается более 2500 языков по 142 свойствам (из них 128 грамматических), каждое из которых принимает одно из нескольких значений – от 2 до 9. «Языки мира» содержат описания 315 языков по 3821 свойству. В обеих базах данных свойства охватывают все разделы грамматики.

ТБД исходно создавались как справочники с удобным пользовательским интерфейсом, позволяющим быстро находить интересующую информацию. Однако быстро выяснилось, что ТБД предоставляют принципиально новые возможности изучения грамматик языков с применением математических (в том числе, статистических) и компьютерных методов. Многие явления, которые до сих пор рассматривались лишь на качественном уровне и на основе отдельных примеров, теперь могут изучаться ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФАО РФ, проект № 2.2.1.1/6944 «Развитие Российского научно-образовательного центра по лингвистике им. И.А. Бодуэна де Куртенэ».

личественными методами с использованием огромных массивов информации. Важным аспектом подобных исследований является их объективный характер, основанный на применении строгих математических методов. Вот несколько примеров вопросов, на которые появилась возможность дать ответ с помощью ТБД.

1. Насколько однородным является тот или иной языковой ареал? Можно ли считать его языковым союзом? ТБД позволяют применить количественные методы в ареальной лингвистике для оценки степени близости языков.

2. Как происходило распределение языковых признаков в связи с распространением человечества и собственно языковой эволюцией? Пионерские исследования Дж. Николс [Nichols 1992] в этом направлении проводились на очень ограниченной выборке данных. Современные ТБД могут помочь уточнить многие аспекты расселения человечества.

3. Установление (дальнего) языкового родства. Как принято считать, сравнительно-исторический метод позволяет реконструировать историю развития языков не более чем на 8–10 тысяч лет. Есть надежда, что тщательный анализ грамматических свойств (многие из которых, вероятно, более стабильны, чем лексические) позволит выявить сверхдальнее родство.

4. Языковая динамика: какие разделы грамматики языков меняются быстрее? С какой скоростью?

В данной статье дается обзор недавних (2005–2008 гг.) зарубежных работ в этой области. Изложение концентрируется на наиболее интересных содержательных результатах, используемый математический аппарат не описывается подробно. Изложение основных применяемых в этой области математических идей можно найти в [Semple, Steel 2003]. Все публикации условно разобьем на три группы: классификация языков, изучение пространства признаков, общие вопросы организации ТБД. В настоящей статье рассматривается лишь первая группа работ.

Исследования в этом направлении, в свою очередь, можно разбить по главной цели работы на следующие основные группы:

- ареально ориентированные исследования
- генеалогически ориентированные исследования
- исторически ориентированные исследования

2. АРЕАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследованиях этой группы рассматриваются языки определенного региона на предмет степени их близости (грамматической или, в другой терминологии, типологической). Общая идея изучения близости языков состоит в подсчете расстояния между ними по Хеммингу. Это число признаков, по которым данные языки принимают разные значения (т. е. в одном из языков признак присутствует, а другом отсутствует). Учет большого числа признаков позволяет нивелировать влияние случайностей. В дальнейшем под расстоянием между языками будет подразумеваться расстояние по Хеммингу (хотя существуют и другие способы определения расстояния).

Расстояние между языками характеризует степень, в которой грамматики языков похожи друг на друга. Если расстояние мало, значит грамматики языков схожи. В этом случае можно говорить о типологической близости языков.

Опишем цикл работ Б. Комри (с соавторами), выполненных на материале WALS. База данных WALS охватывает языки всех регионов и семей мира, что позволяет проводить интересные исследования, характеризующие степень языкового разнообразия/единообразия в различных регионах, сопоставить влияние на степень типологической близости языков генетической близости и языковых контактов. Три работы Б. Комри посвящены трем регионам с принципиально разной степенью близости языков. Это Новая Гвинея, Юго-Восточная Азия и Африка. Как известно, первый из этих регионов характеризуется крайним разнообразием языков, второй, наоборот, может претендовать на статус языкового союза, Африка же в этом аспекте занимает промежуточное положение.

2.1. Языки Новой Гвинеи

В работе [Comrie, Cysouw 2006] отмечается, что хотя давно известно, что в Новой Гвинее распространено огромное число языков и языковых семей, все же степень их типологического разнообразия никогда строго не исследовалась. В работе рассматриваются вопросы: имеют ли языки данного региона какие-то специфические особенности, которые отличают их от языков остального мира, какова степень их типологического разнообразия по сравнению с языками всего мира.

Выбрано 48 языков из 48 традиционно выделяемых языковых семей Новой Гвинеи. В каждой семье выделялся язык из числа наиболее полно описанных в WALS. Для сравнения их с языками всего мира случайным образом выделено 48 семей, и в каждой из них также выбрано по одному наиболее полно описанному языку. Затем к описаниям выбранных 96 языков применен алгоритм NeighborNet. Это очень популярный в настоящее время алгоритм, первоначально разработанный для нужд эволюционной биологии. Он применим как к видам живых организмов, так и к языкам и строит специфическую картинку – сеть, в которой близкие (согласно расстоянию по Хеммингу) объекты располагаются близко друг к другу. Результат приведен на рис. 1. Жирным шрифтом выделены языки Новой Гвинеи.

Хорошо видно, что языки Новой Гвинеи не образуют компактную группу, а распродоточены практически по всему языковому пространству. Языки Новой Гвинеи Maubrat, Abun, Arapesh близки к африканским языкам Hausa, Sango и Luvale соответственно, язык Wahgi – к языку американских индейцев Yaqui, язык Imonda – к языку

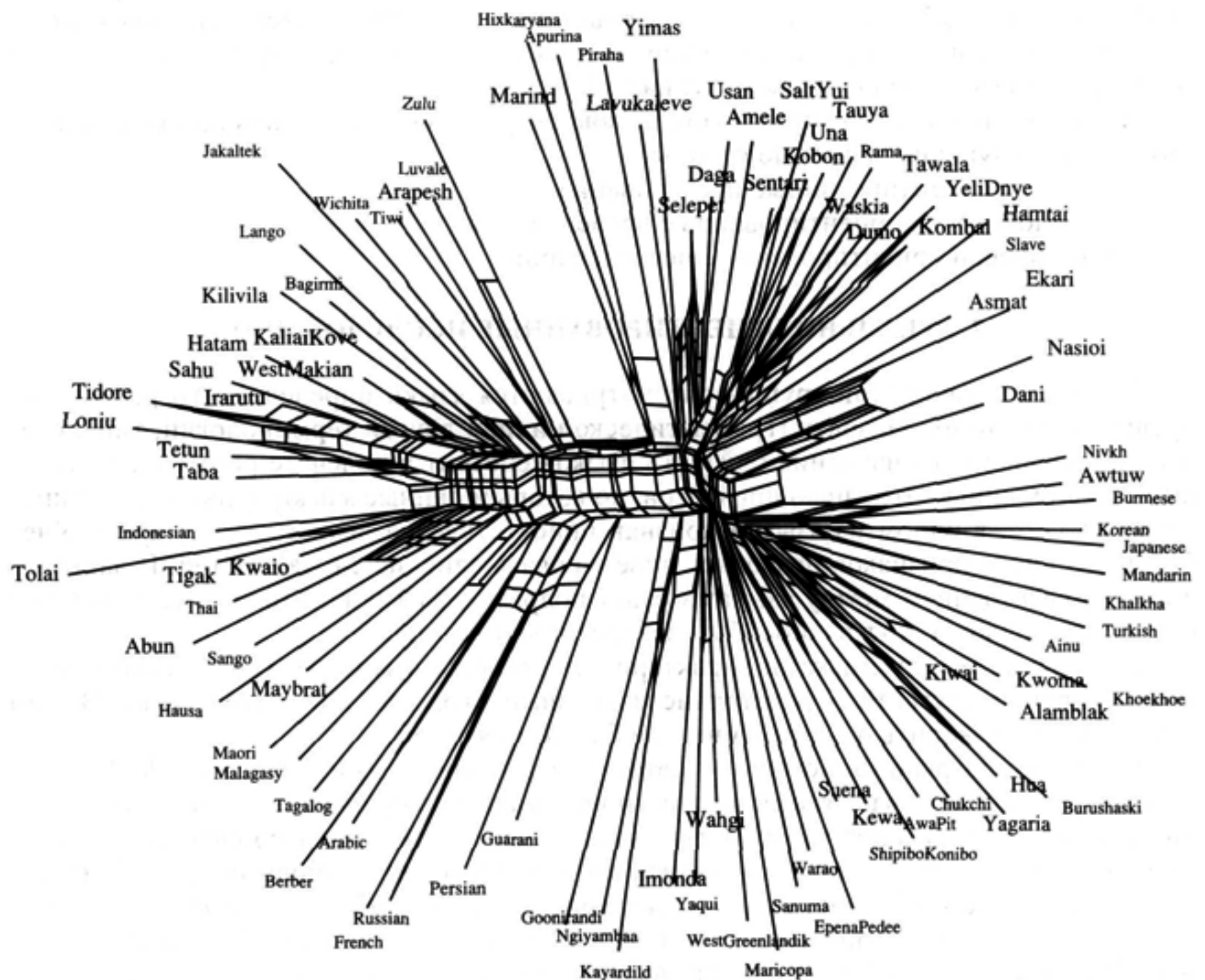

Рис. 1. Языки Новой Гвинеи vs. языки остального мира

австралийских аборигенов Kayardild, языки Hua, Awtuw – к азиатским языкам Burmese и Bugushaski соответственно и так далее. Другими словами, типологическое разнообразие языков Новой Гвинеи вполне сопоставимо с типологическим разнообразием языков всего мира. Не будет слишком большим преувеличением сказать, что какой бы язык мы ни выбрали, найдется язык Новой Гвинеи, имеющий схожую грамматику.

Следует отметить, что все расстояния между языками, разумеется, существуют и могут быть предъявлены в числовом виде. Графическая форма используется, скорее, для наглядности представления результатов.

Из других результатов статьи можно выделить следующий. Установлена внутренняя типологическая классификация ново-гвинейских языков на 2 группы: австронезийские и западно-папуасские языки против остальных папуасских языков.

2.2. Языки материковой части Юго-Восточной Азии

В противоположность Новой Гвинее, языки материковой части Юго-Восточной Азии демонстрируют удивительную похожесть, несмотря на то, что принадлежат к 6 разным семьям: австронезийской, сино-тибетской, австроазиатской, тай-кадайской и хмонг-мен.

В работе [Comrie 2007] для анализа выбраны те свойства, которые описаны для достаточно большого числа языков этого региона. В WALS таких оказалось 21. Для каждого из этих свойств воспроизводится соответствующая карта из WALS и рассматриваются значения этого свойства в языках региона. Пример свойства – ‘Порядок объекта и глагола’ приведен на рис. 2. Практически все языки рассматриваемого региона имеют порядок VO. Аналогичная ситуация и с остальными 20 свойствами.

Это строго поддерживает мнение, что материковая часть Юго-Восточной Азии действительно является внутренне однородной лингвистической областью (языковым союзом).

Из других результатов статьи наиболее интересны следующие. Естественным является вопрос: если сама рассматриваемая область лингвистически однородна, то что происходит на ее границах с остальным миром? Как, в общем-то, и следовало ожидать, выявилась переходная область с промежуточными свойствами. Причем, граница

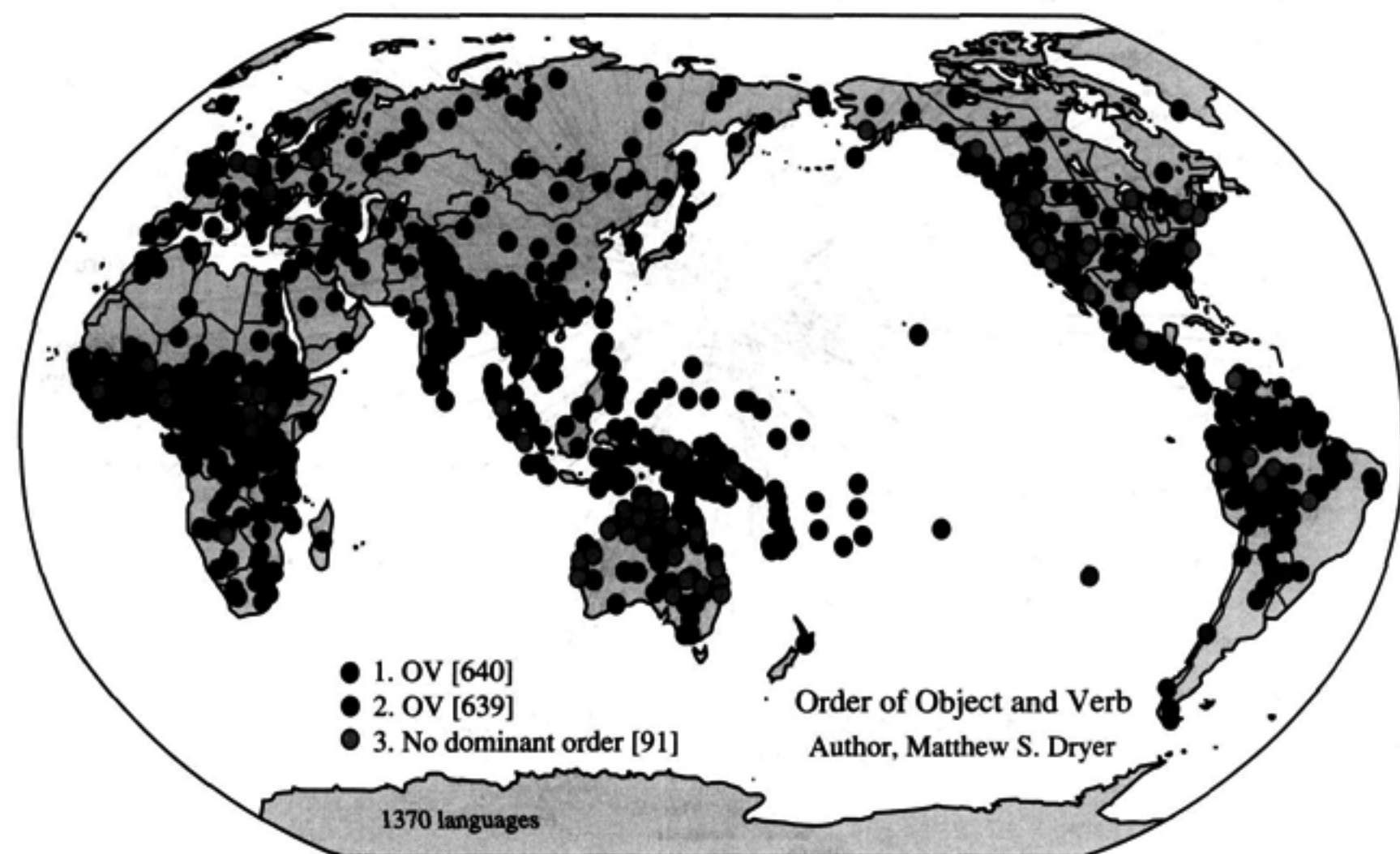

Рис. 2. Карта порядка объекта и глагола

материковой части Юго-Восточной Азии с остальной частью Азии весьма четкая, а с островами – менее четкая.

Еще одно интересное наблюдение: наиболее типичным языком этой области оказался тайский, и это несмотря на то, что тайский язык относительно недавно появился в этом регионе. Понятие «типичный» имеет в данном случае совершенно строгий смысл – тайский язык обладает 19 свойствами из 21 – наибольшим числом свойств из всех языков региона.

2.3. Африканские языки

Области, рассмотренные в предыдущих двух разделах, представляют собой крайние противоположности по степени типологического разнообразия языков. Африка занимает между ними промежуточное положение. В работе [Cysouw, Comrie 2009] рассматриваются следующие вопросы: Образуют ли африканские языки однородную группу, выделяющуюся из всех языков мира? Совпадает ли типологическая близость с генетической классификацией Гринберга?

Аналогично подходу, примененному при изучении языков Новой Гвинеи, выбраны представители всех языковых семей и представлены на схеме (рис. 3) с помощью алгоритма NeighborNet. Жирным шрифтом выделены африканские языки. Легко видеть, что они не образуют компактную группу, а перемежаются другими языками. Таким образом, ответ на первый вопрос отрицательный. Правда, по сравнению с языками Новой Гвинеи, африканские языки все же не так разнообразны и располагаются (кроме Khoekhoe) в одном секторе, в котором находятся еще только языки Юго-Восточной Азии.

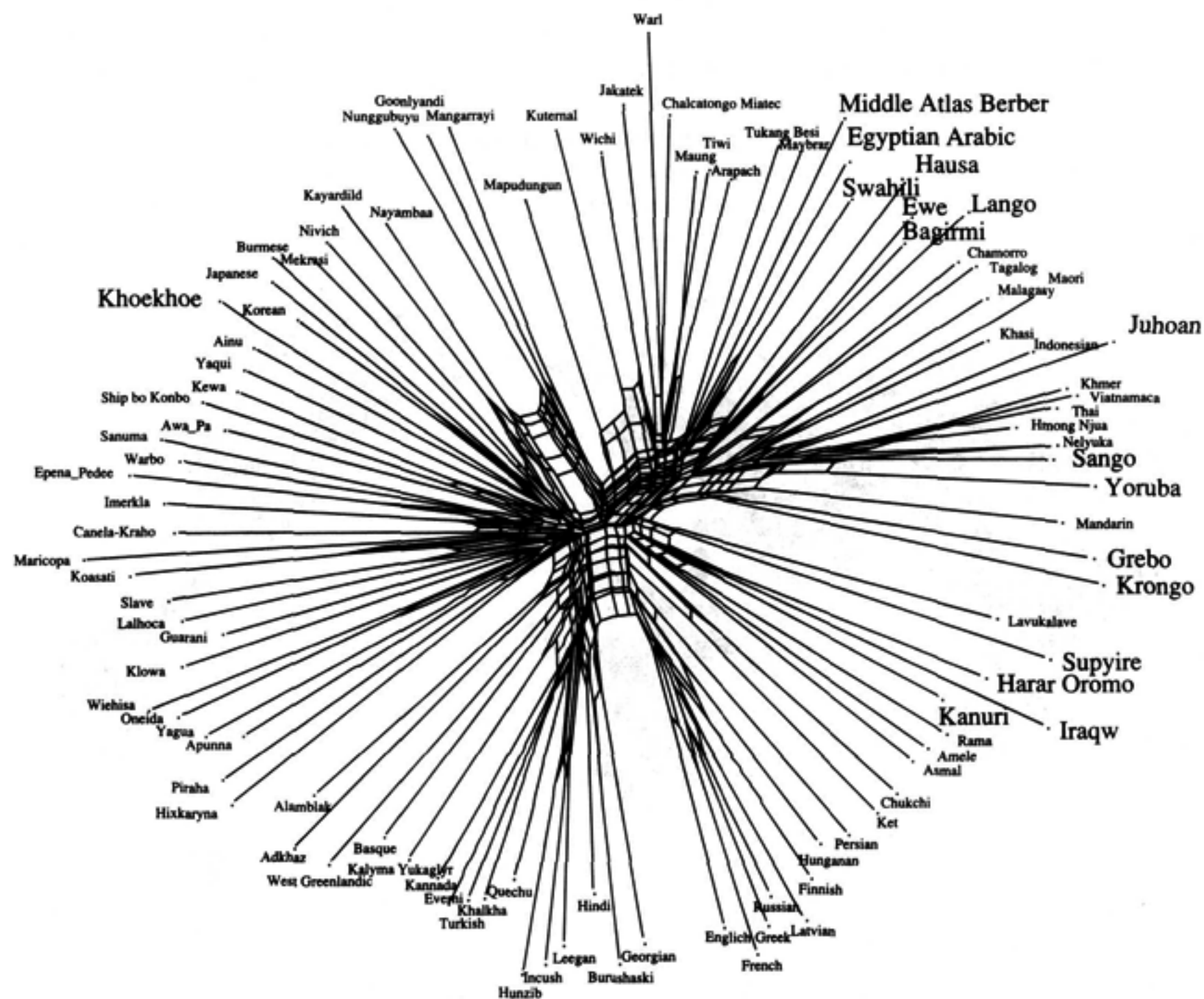

Рис. 3. Африканские языки vs. языки остального мира

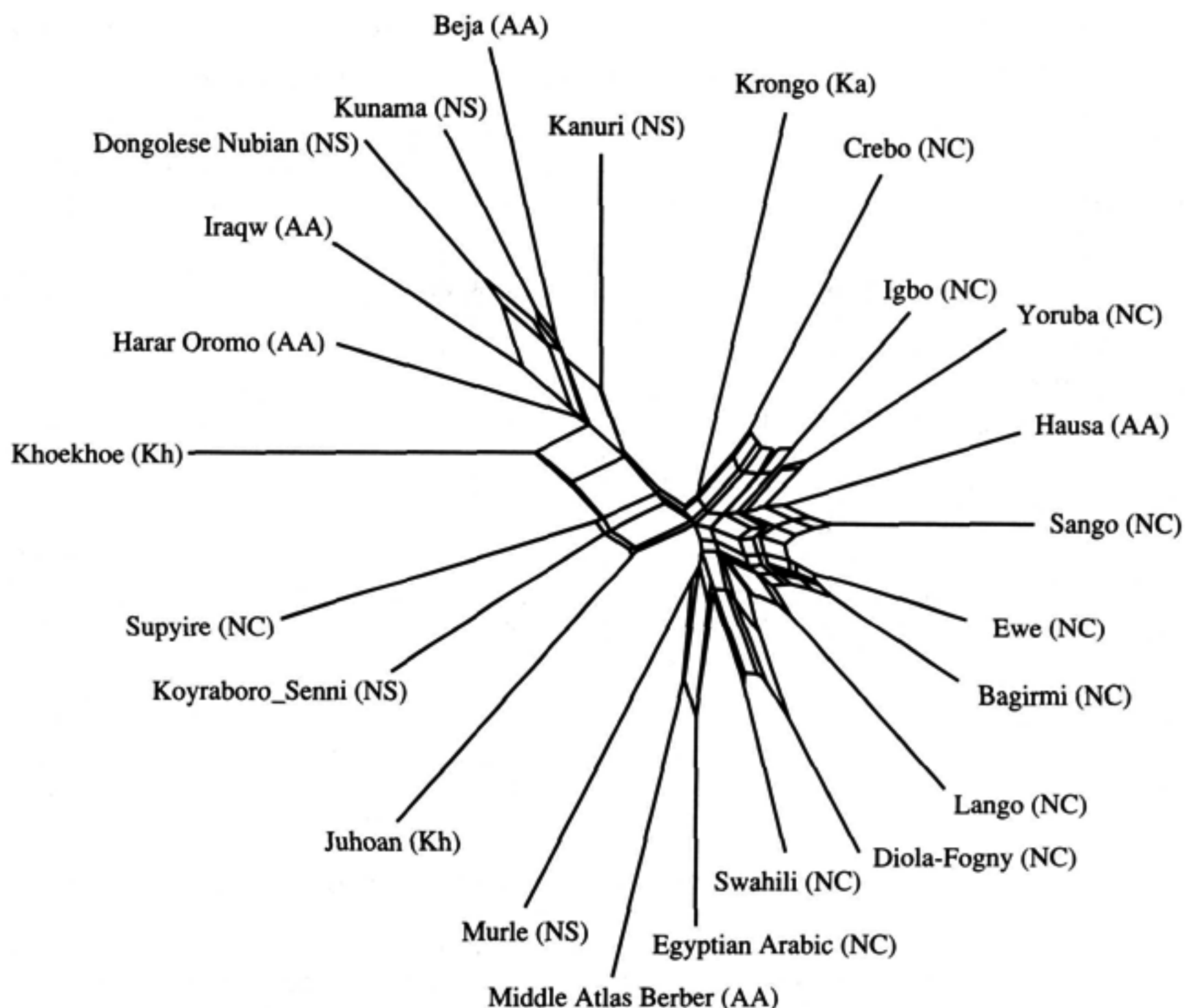

Рис. 4. Типологическая близость африканских языков

На рис. 4. представлена типологическая близость африканских языков. В скобках около языка указана его генетическая принадлежность по Гринбергу: AA означает афразийскую семью, NS – нило-сахарскую, NC – нигеро-конголезскую, Kh – койсанскую, Ka – кадугли. Здесь тоже легко видеть, что типологически близкими оказываются языки из разных семей, и, наоборот, языки из одной семьи могут располагаться далеко друг от друга, т. е. значительно типологически отличаться. Ответ на второй вопрос также оказывается отрицательным.

Автор специально подчеркивает, что отсюда нельзя сделать вывод о неверности классификации Гринберга. Языки из разных семей могут оказаться типологически близкими благодаря заимствованиям. Таким образом, схожесть грамматик может иметь разную природу – либо свидетельствовать о родстве языков, либо являться следствием заимствований. На данном этапе исследований четко различить эти две причины довольно сложно и приходится говорить только о типологической (грамматической) близости языков.

2.4. Мальтийский язык

В контексте сопоставления влияния на близость языков двух факторов – родства и заимствований – интересной представляется работа по мальтийскому языку [Comrie 2009], генетически афразийскому, но находившемуся длительное время в контакте с романскими языками. Для сравнения с мальтийским языком (ниже в таблице 1 обозначен буквой M) выбраны египетский (E) и испанский (S).

Сравнение мальтийского языка с египетским и испанским

Разделы WALS	S = M = E	S = M ≠ E	S ≠ M = E	S = E ≠ M	S ≠ M ≠ E	Всего
Все категории	60	14	36	6	4	120
Фонология	101	3	4	1	1	19
Морфология	2	3	3	0	0	8
Категории существительных	11	0	11	2	0	24
Синтаксис существительных	3	0	1	1	1	6
Глагольные категории	10	0	3	2	0	15
Порядок слов	8	3	2	0	1	14
Простые предложения	8	4	9	0	1	22
Сложные предложения	1	0	2	0	0	3
Лексикон	7	1	1	0	0	9

Из 120 рассматривавшихся признаков (исключены признаки трех категорий: не описанные для данных языков, не грамматические, а также логически выводимые из других, т. е. не являющиеся независимыми) большая часть – 60 – совпадает для всех трех языков. Для 36 признаков их значения в мальтийском и египетском совпадают, но отличаются от испанского. Для 14 признаков, наоборот, их значения совпадают в мальтийском и испанском языках, но отличаются в египетском. Таким образом, генетическое родство оказывает заметно большее влияние, чем заимствования.

Соответствующие данные получены также и по различным разделам грамматики. Оказалось, что (в данном случае) разные разделы грамматики ведут себя совершенно по-разному. Так, свойства существительных совершенно не заимствовались, в то время как, например, порядок слов в мальтийском языке ближе к испанскому, чем к египетскому. Представляется интересным провести аналогичный анализ для других контактных ситуаций.

2.5. Баскский язык

Баскский язык считается изолятом, его генетические корни не установлены. Высказывалось много гипотез о его родственных связях, из которых наиболее часто упоминаемой является гипотеза о родстве с кавказскими языками. В то же время баскский язык давно находится в контакте с испанским и французским языками, что могло оказать влияние на его грамматический строй. Интересные данные по типологической близости баскского языка получены в [Comrie 2008].

На таблице 2 приведены выбранные для сравнения языки из различных семей. Воспроизведены названия и сокращения, принятые в WALS. В таблице 3 – расстояния между баскским и выбранными языками.

Расстояния между баскским и испанским и между баскским и французским языками весьма велики, т. е. заимствования из этих языков не оказали существенного влияния на грамматический строй баскского языка. Ближе всего баскский к турецкому и хинди. Этот результат совершенно неожиданный и труднообъяснимый. Требуются до-

Языки, сравниваемые с баскским

Язык	Сокращение	Ветвь семьи/семья
Баскский	bsq	Баскский/Баскский
Французский	fre	Италийские/Индоевропейские
Испанский	spr	Италийские/Индоевропейские
Ирландский	iri	Кельтские/Индоевропейские
Русский	rus	Славянские/Индоевропейские
Хинди	hin	Индийские/Индоевропейские
Финский	fin	Финские/Уральские
Турецкий	tur	Тюркские/Алтайские
Абхазский	abk	Северо-западные кавказские/ Северо-западные кавказские
Грузинский	geo	Картвельские/картвельские
Лезгинский	lez	Лезгинские/Нахско-дагестанские
Арабский (египетский)	aeg	Семитские/Афразийские
Берберский (Малый Атлас)	bma	Берберские/Афразийские
Бурушаски	bur	Бурушаски/Бурушаски
Чукотский	chk	Чукотско-камчатские/ Чукотско-камчатские
Западногренландский	grw	Эскимосско-алеутские/ Эскимосско-алеутские
Навахо	naw	Атабасканские/На-дене

полнительные исследования, в том числе с применением других ТБД. Следующие по степени близости к баскскому языку – грузинский, абхазский, лезгинский, бурушаски и язык гренландских эскимосов. Широкое представительство здесь кавказских языков ожидаемо и в какой-то мере подтверждает гипотезу об их родстве с баскским.

Из других расстояний, приведенных в таблице, можно отметить, что наиболее близкими оказались французский и испанский, что и следовало ожидать, учитывая, что это единственные два языка в выборке из одной ветви семьи. Таким образом, полученные по данным WALs расстояния частично ожидаемые, частично неожиданные.

3. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К этой категории отнесены работы, целью которых является установление родства языков. Рассмотрим несколько наиболее характерных работ.

В статье [Dunn et al. 2005] рассмотрен вопрос о родстве папуасских языков. Различные папуасские языки содержат очень мало слов, для которых может быть установлено их общее происхождение традиционным сравнительно-историческим методом. В результате приходится постулировать существование около полусотни генетически несвязанных семей, часть из которых содержат всего по 1–2 языка. Складывается впечатление, что достичь существенного прогресса в понимании эволюции папуасских языков традиционными методами не удастся. Нужно привлекать новые данные и новые методы.

Расстояния между баскским и другими языками

	bsq	fre	spa	iri	rus	hin	fin	tur	abk	geo	lez	aeg	bma	bur	chk	grw	nav
bsq	0	54	50	57	50	43	52	42	45	44	45	55	60	44	48	44	50
fre	54	0	26	43	31	45	44	52	62	57	61	46	59	60	68	70	63
spa	50	26	0	44	35	48	47	56	58	53	62	46	52	56	59	62	62
iri	57	43	44	0	45	54	47	65	67	69	70	44	45	66	64	67	73
rus	50	31	35	45	0	40	36	48	61	48	56	48	52	55	58	66	65
hin	43	45	48	54	40	0	43	42	54	40	42	49	60	39	49	60	57
fin	52	44	47	47	36	43	0	43	62	55	54	56	59	60	55	54	67
tur	42	52	56	65	48	42	43	0	52	48	43	60	65	47	55	54	62
abk	45	62	58	67	61	54	62	52	0	55	47	55	57	48	62	55	50
geo	44	57	53	69	48	40	55	48	55	0	46	60	64	40	46	56	61
lez	45	61	62	70	56	42	54	43	47	46	0	69	69	41	49	51	66
aeg	55	46	46	44	48	49	56	60	55	60	69	0	36	56	62	64	66
bma	60	59	52	45	52	60	59	65	57	64	69	36	0	68	62	60	63
bur	44	60	56	66	55	39	60	47	48	40	41	56	68	0	51	53	58
chk	48	68	59	64	58	49	55	55	62	46	49	62	62	51	0	48	60
grw	44	70	62	67	66	60	54	54	55	56	51	64	60	53	48	0	45
nav	50	63	62	73	65	57	67	62	50	61	66	66	63	58	60	45	0

Для продвижения в этом направлении в [Dunn et al. 2005] используется грамматика папуасских языков, представленная в форме базы данных. Анализ осуществляется с помощью алгоритма Maximum parsimony. Этот алгоритм первоначально был разработан для нужд эволюционной биологии. Он позволяет восстановить дерево эволюции (как видов живых организмов, так и языков) исходя из предположения экономности эволюции. Алгоритм строит такое дерево эволюции, в котором число мутаций (изменений значений признаков от предка к потомку) будет минимально. Результат представлен на рисунке 5.

Примененная версия алгоритма строит некорневое дерево. Она дает информацию (как графическую, так и с некоторыми числовыми параметрами, поясненными в статье [Dunn et al. 2005]) о порядке отщепления языков и ветвей, т. е. о родстве папуасских языков.

Авторы статьи обсуждают вопрос – в какой мере результаты, полученные таким путем, являются достоверными?

Фактически здесь речь идет о совершенно новой методологии исследований в области исторической лингвистики. Достоверность результатов опирается на два основных момента: достоверность используемой базы данных и применимость для установления родства алгоритма Maximum parsimony.

Первый из них представляется не столь принципиальным. База данных по грамматике папуасских языков доступна через Интернет (www.sciencemag.org/cgi/content/full/309/5743/2072/DC1) и может быть тщательно протестирована. Ее корректность зависит от правильности описания грамматики папуасских языков. В случае обнаружения ошибок и корректировки базы данных результаты можно перепроверить, просто пересчитав заново.

Принципиально новой является идея установления родства с помощью специальных математических алгоритмов, типа Maximum parsimony. Эти алгоритмы имеют под собой серьезную теоретическую и эмпирическую основу. Теоретическая база, изложенная в монографиях [Semple, Steel 2003; Гасфилд 2003], к настоящему времени оформилась в самостоятельный раздел науки – математическую филогенетику. Ее результаты широко применяются в эволюционной биологии, а, с недавнего времени, и в лингвистике. Первые публикации появились около 10 лет назад [Warnow 1997], но особенно интенсивно стали применяться в последние годы [Nakhlen et al. 2005].

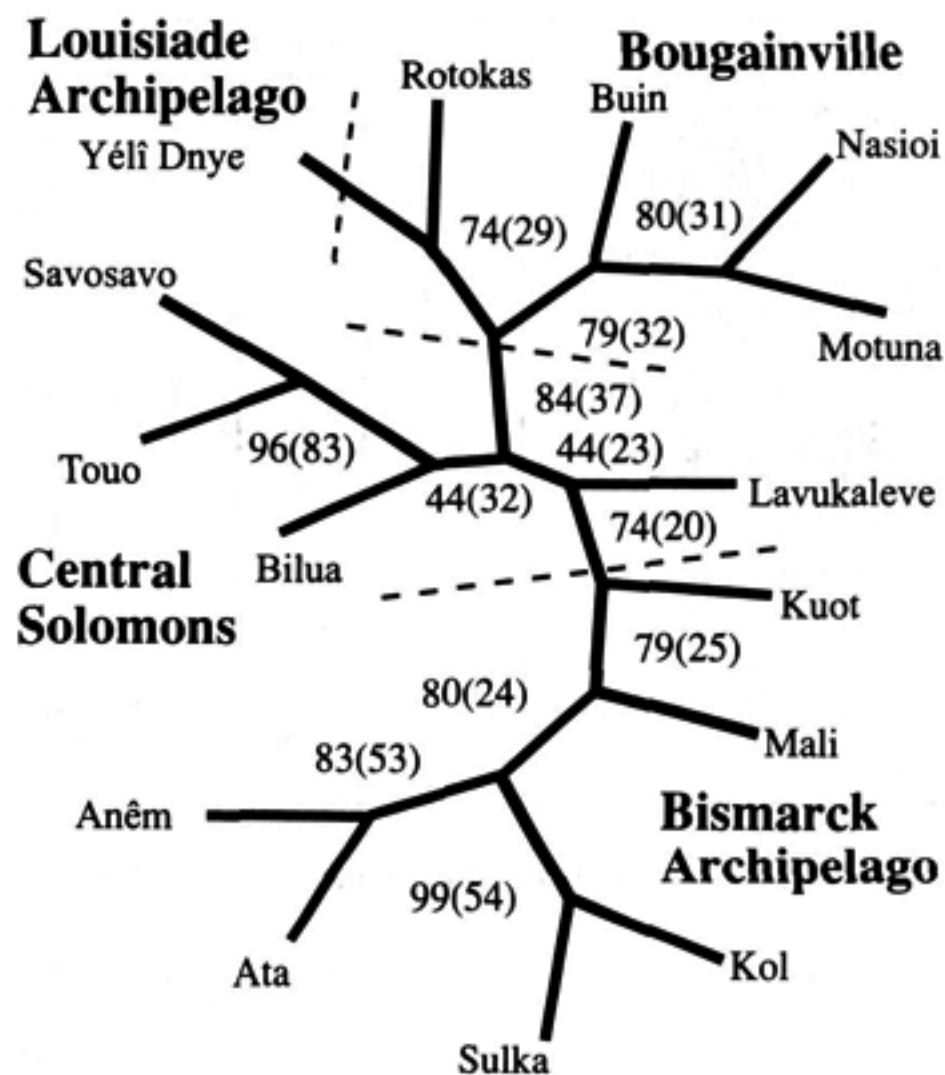

Рис. 5. Дерево эволюции папуасских языков Меланезийских островов (Science, № 309, 2005)

Авторы рассматриваемой работы для демонстрации корректности применения алгоритма *Maximum parsimony* приводят следующий пример. Они применяют его к некоторой группе австронезийских языков (для них также имеется типологическая база данных), классификация которых традиционным сравнительно-историческим методом уже установлена. Оказалось, что дерево, построенное алгоритмом по ТБД, очень близко к установленному классическими методами. Таким образом, есть основание полагать, что и в случае папуасских языков полученный результат, если и не является абсолютно точным, то, по меньшей мере, дает реалистичную картину их эволюции.

Maximum parsimony не является единственным алгоритмом, разработанным в математической филогенетике. Кроме того, существуют различные ТБД, а эти алгоритмы могут применять не только к грамматическим, но и к лексическим базам данных. Возникает закономерный вопрос – какие алгоритмы и применительно к каким базам данных дают лучшие результаты. В этой задаче есть и другие параметры, которые могут варьироваться – способ кодирования признаков (бинарный или не бинарный), мера близости языков и др. В начале развития любого научного направления методологические исследования особенно важны.

Поставленные вопросы исследовались в [Saunders 2005] на материале австронезийских языков и в [Wichmann, Saunders 2007] на материале языков американских индейцев.

В работе [Saunders 2005] показано, что лучшие результаты достигаются при совместном использовании лексических и грамматических (с бинарным кодированием) данных, и при применении алгоритма *Bayes*, основанного на статистическом методе Байеса.

Полученное алгоритмическим путем дерево приведено на рис. 6 справа. Можно отметить его близость к ‘известному’ дереву (рис. 6, слева). Однако есть одно важное отличие. В ‘известном’ дереве есть много ситуаций множественного ветвления, которые возникают в тех случаях, когда точную последовательность отщеплений в ходе эволюции различных ветвей традиционными методами установить не удастся. Математический же алгоритм всегда «доводит дело до конца», предлагая полную эволюционную картину в

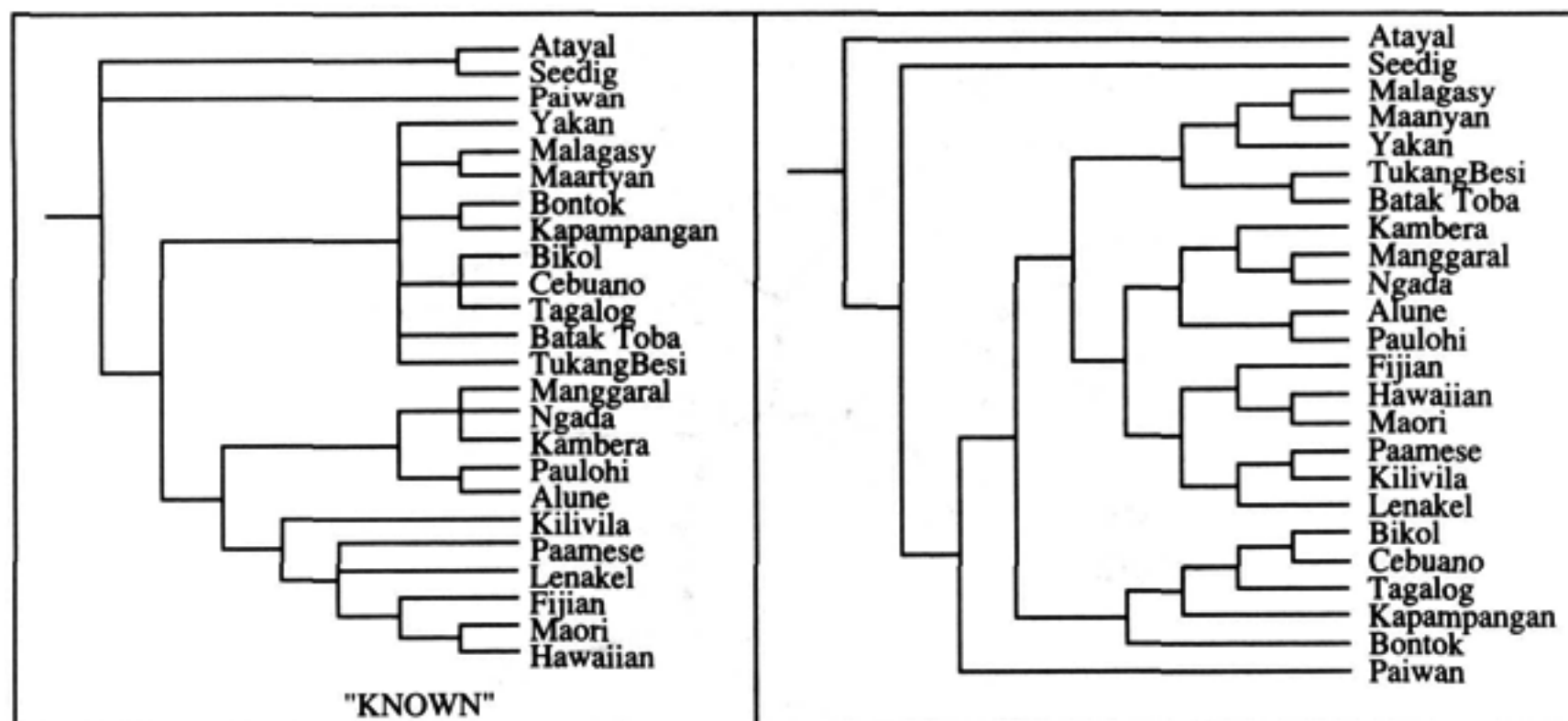

Рис. 6. Классификации австронезийских языков

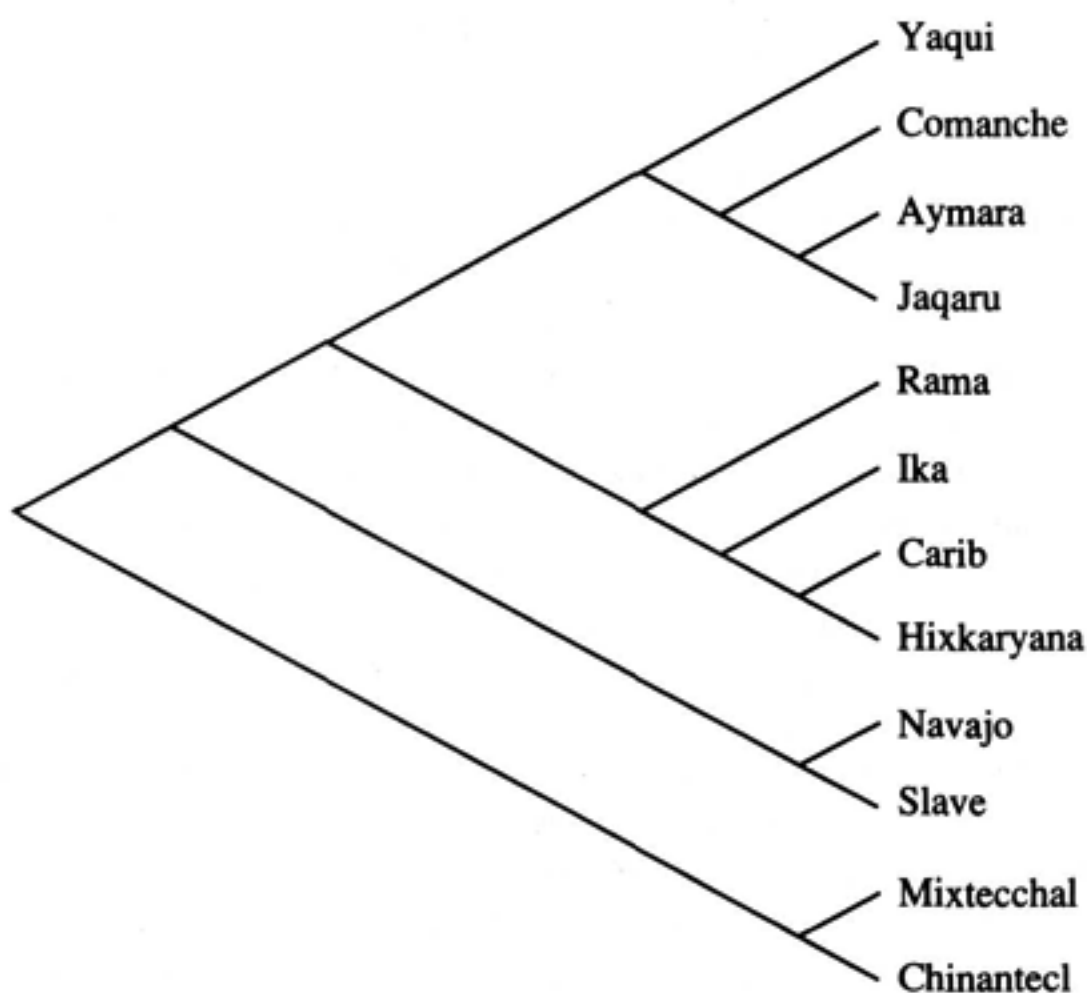

Рис. 7. Классификация индейских языков

виде дерева только с бинарным ветвлением. Можно считать, что таким образом выдвигаются некие гипотезы, которые затем могут проверяться традиционными методами.

В работе [Wichmann, Saunders 2007] рассмотрен следующий набор языков, состоящий из 6 пар языков различных семей. Athapaskan семья: Slave, Navajo; Chibchan семья: Rama, Ika; Aymaran семья: Jagaru, Aymara; Uto-Aztecан семья: Comanche, Yagui; Otomanguean семья: Chalcatongo Mixtec, Lealao; Chinantec Carib семья: Carib, Hixkaryana. Использована база данных WALS. Полученная в итоге картина представлена на рис. 7.

Только для 4 пар языков алгоритм верно определил их родство. Установлено, что лучшие результаты дают алгоритмы Bayes, Neighbor-joining, Neighbor Net. Вероятная причина ошибки алгоритма кроется в недостаточности данных по этим языкам в WALS. Впрочем, применение других математических алгоритмов может компенсировать недостаточность данных – в [Соловьев 2007] нами показано, что алгоритм UPGMA со спе-

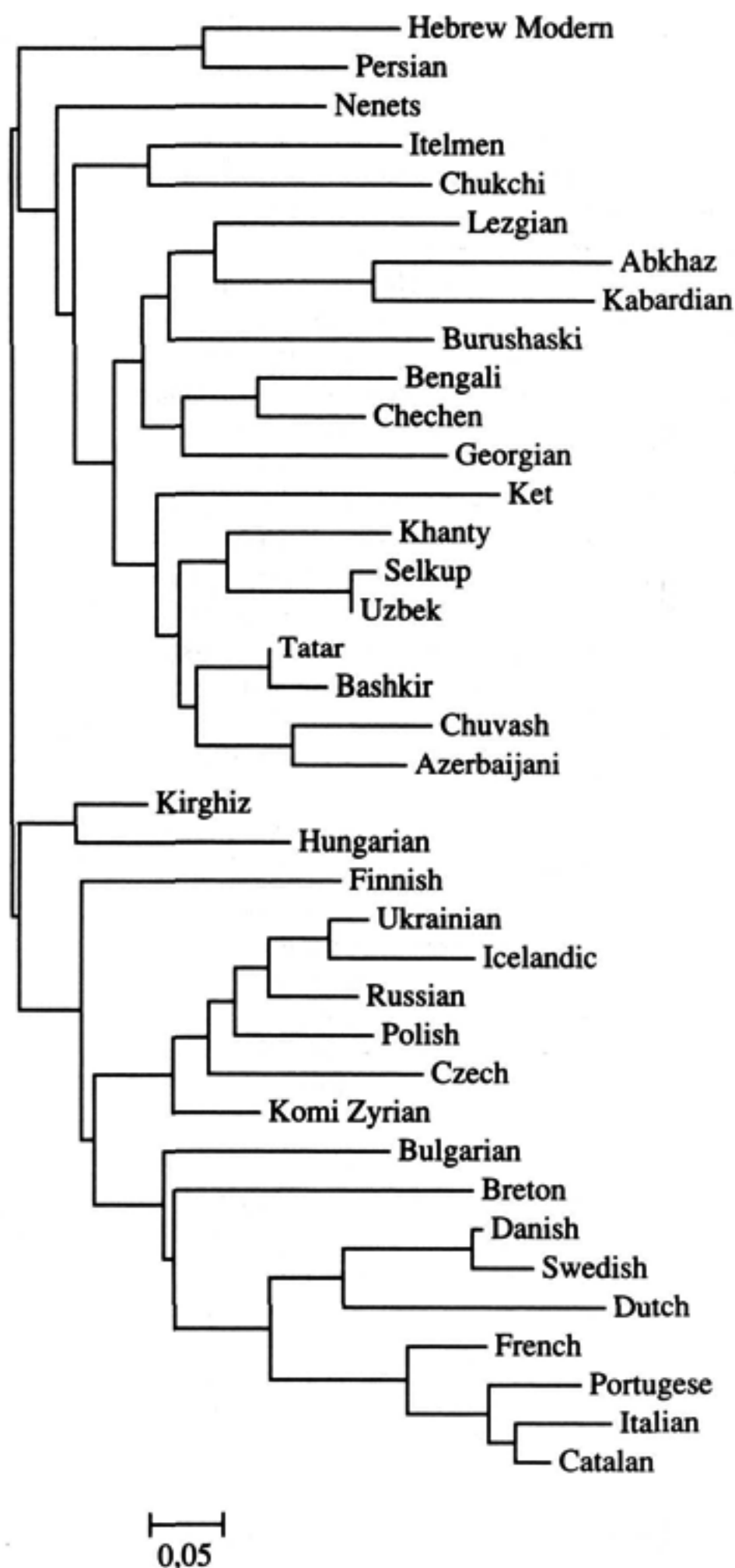

Рис. 8. Эволюционное дерево для 38 языков, построенное на основе WALS

циальной λ -метрикой дает разбиение выбранных 12 индейских языков на пары в точном соответствии с их родством.

В [Wichmann, Saunders 2007] поставлена важная проблема правильного выбора набора признаков. Получены первые результаты, указывающие на то, что выбор стабильных признаков способствует получению лучших результатов. Ситуация здесь в какой-то мере аналогична глоттохронологии, в которой сопоставляются не все слова языков, а только наиболее устойчивое ядро лексики – 200 или даже меньше слов [Бурлак, Старостин 2001].

Методологический характер носит и работа [Polyakov et al. 2009], в которой проведено сопоставление баз данных WALS и «Языки мира». Для сравнения выбраны

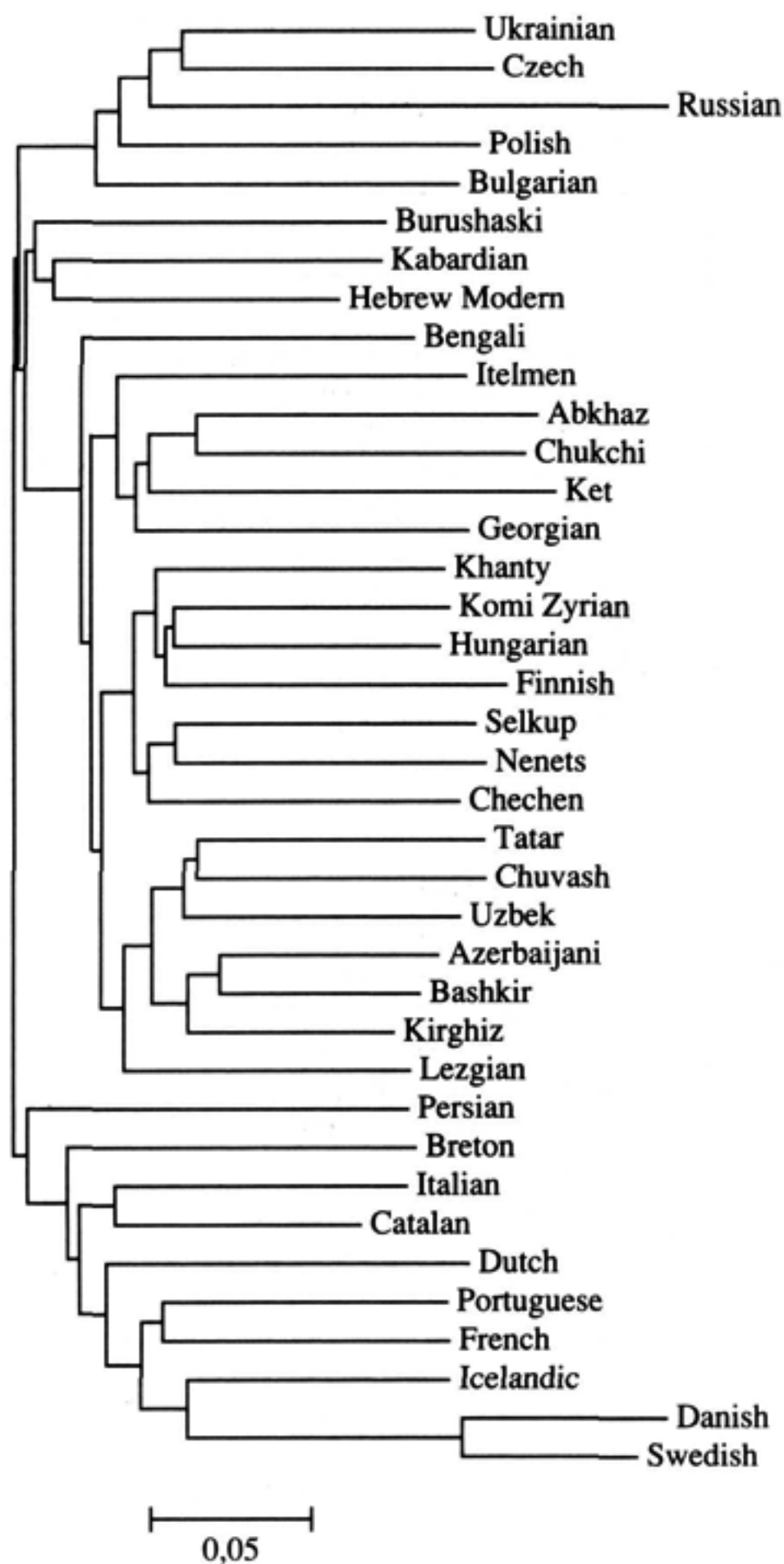

Рис. 9. Эволюционное дерево для 38 языков, построенное на основе БД «Языки мира»

38 языков, представленных в базе «Языки мира» и достаточно полно описанных WALS. С помощью алгоритма Neighbor-joining построены деревья, приведенные на рис. 8 и 9.

Дерево на основе WALS слишком сильно зашумлено и показывает результаты, далекие от реальной близости языков. Так, украинский оказывается наиболее близок к исландскому, венгерский к киргизскому и т. д. В дереве на основе БД «Языки мира» правильно выделено несколько групп языков (славянские, тюркские), результаты близки к действительным. В то же время в полученном дереве генетический сигнал смешивается с ареальным (перемешаны контактирующие группы германских и романских языков). Требуется дальнейшие кропотливые исследования, которые позволили бы разделить влияние родства и ареальных контактов.

4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К этой группе отнесены работы, целью которых являются исследования на основе лингвистических данных путей миграции при расселении человечества по планете.

В [Wichmann et al. 2009] изучается вопрос – сколько было заселений Америки? Единой общепризнанной точки зрения по этому вопросу нет. Существует несколько гипотез, число волн заселений Америки колеблется от 1 до 4 [Лимборская и др. 2002]. Последние данные генетических исследований как будто бы подтверждают версию с одним заселением.

Авторы [Wichmann et al. 2009] надеются ответить на этот вопрос, анализируя описания автохтонных языков Америки из WALS. Они применяют два метода, первый из которых оценивает степень типологического разнообразия языков, второй – степень стабильности характерных для этих языков признаков. Рассматриваются все автохтонные языки Америки, кроме эскимосских и на-дене, появившихся на американском континенте определенно позже.

В таблице 4 приведены 24 свойства, которые встречаются в Новом Свете значительно чаще, чем в Старом, причем распространены во всей Америке. После названия свойства указан номер соответствующего признака в WALS (f) и номер значения признака (v). Далее указан процент языков в обоих полушариях, в которых встречается это свойство.

Таблица 4

Характерные для языков Нового света типологические черты

Свойство WALS	Номер свойства/ значения	Частота в Старом Свете	Частота в Новом Свете
Интенсификаторы и рефлексивные местоимения различаются	47/2	16	81
Начальные вопросительные группы	93/1	9	64
Союзы и универсальные кванторы формально различаются	56/1	30	88
Отсутствие редукции при релятивизации субъектов	122/2	9	48
Эпистемическая возможность реализуется глагольными аффиксами	75/2	27	67
Отсутствие доминирующего порядка дополнения, обстоятельства и глагола	84/6	10	45
Реципрокная конструкция идентична рефлексивной	106/4	14	46
Порядок 'глагол-подлежащее'	82/2	3	29
Контраст между назализованными и неназализованными гласными	10/1	9	37
Глагольное кодирование предикативных прилагательных	118/1	28	59
Малое число качественно различных гласных	2/1	8	34

Таблица 4 (окончание)

Свойство WALS	Номер свойства/ значения	Частота в Старом Свете	Частота в Новом Свете
Маркирование ситуационной и эпистемической модальностей не перекрывается	76/3	43	72
Местоименные подлежащие выражаются аффиксами на глаголе	101/2	42	69
Глагол 'давать' допускает конструкцию со вторичным объектом	105/3	12	35
Отсутствие контраста в произношении взрывных и фрикативных	4/1	27	33
Множественное число существительных выражается аналитическими показателями	33/7	3	21
Падежи выражаются послеложными клитиками	51/6	6	25
Эвиденциальность кодируется отдельной частицей	78/4	5	23
Местоименные подлежащие выражаются субъектными клитиками с вариативным расположением	101/3	0	12
Отсутствие передних огубленных гласных	11/1	86	98
Да/нет-вопросы требуют особого вопросительного морфологического оформления глагола	116/2	15	36
Только инклюзивное 1 л. мн.ч. имеет особое маркирование в глагольной морфологии	40/4	0	10

Широкое распространение этих редких для остального мира свойств можно объяснить либо эффектом основателя (это будет означать одно заселение Америки), либо заимствованиями. В последнем случае о числе заселений ничего сказать нельзя, но при этом придется постулировать возможность заимствований на гигантских расстояниях американского континента.

Авторы используют эффект пространственной автокорреляции, описанный ранее в [Holman et al. 2007]. Суть его состоит в том, что чем ближе языки расположены друг к другу географически, тем они в целом ближе и типологически. Построенные на основе данных WALS эмпирические кривые автокорреляции демонстрируют значительно большую степень типологической близости родственных языков (из одной семьи), по сравнению с неродственными на всех географических расстояниях.

Если бы языки американских индейцев происходили из одного источника, то кривая автокорреляции показывала бы большую близость языков, чем кривая, построенная для языков Старого Света (разделившихся значительно раньше). Авторы [Wichmann et al. 2009] нашли, что это действительно так, но разница не столь значительна, чтобы иметь доказательный характер.

Другой подход состоит в анализе стабильности выделенных выше 24 характерных для языков Америки свойств. Если эти свойства сохранились от общего предка всех

американских автохтонных языков, то они должны быть чрезвычайно стабильными (заселение американского континента происходило никак не менее 12 тыс. лет назад, а по многим оценкам и 30–40 тыс. лет назад). В то же время из предпринятого ранее в [Wichmann, Kamholz 2008] анализа стабильности свойств из WALS следует, что доля стабильных свойств в табл. 4 примерно такая же, как в полном списке свойств WALS. Это можно рассматривать как некоторый аргумент в пользу нескольких волн миграции. В целом авторы [Wichmann et al. 2009] делают заключение, что данных WALS недостаточно, чтобы сделать определенный вывод о числе заселений Америки.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большие типологические базы данных, такие как WALS и «Языки мира», являются не просто справочниками, но и могут быть эффективно использованы в типологических, ареальных и компаративистских исследованиях. Хотя эта область является очень молодой и методология использования ТБД не до конца отработана, все же приведенные в статье результаты указывают на перспективность данного направления и возможность получения новых, неожиданных результатов. Появляются и новые вопросы, которые могут быть поставлены только в контексте ТБД.

Одним из возможных применений ТБД является решение спорных вопросов родства языков. Интересна позиция в этом вопросе Дж. Николс. Ее современные взгляды [Nichols 2007] кратко можно резюмировать следующим образом:

- ограничения сравнительно-исторического метода вряд ли удастся преодолеть;
- типология может помочь проникнуть значительно глубже в прошлое, чем сравнительно-исторический метод;
- для получения лучших результатов с помощью типологии требуется лучшее понимание таких аспектов, как стабильность, независимость признаков, скорость изменений.

На основе анализа результатов первого этапа исследований можно сделать следующие общие выводы по применению ТБД в генеалогических исследованиях:

1. Для математической обработки данных целесообразно применять филогенетические алгоритмы.
2. В получаемых эволюционных деревьях отражаются и генетическая, и ареальная близость.
3. Лучшие результаты получаются при комбинировании различных (грамматических, лексических) данных.
4. В целом вопрос о выборе баз данных, алгоритмов, мер близости, наборов признаков и т. д. остается открытым.

Перспективным является также применение ТБД в ареальных и исторических исследованиях. Резюмируя можно отметить, что:

- ТБД дают новую перспективу в изучении взаимосвязей между языками в синхронном и диахронном аспектах,
- применение филогенетических алгоритмов и других математических методов впервые позволяет дать строгие ответы на многие вопросы.

Исследования находятся в самом начале, и очень многое еще предстоит сделать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак, Старостин 2001 – С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.
- Виноградов и др. 2003 – В.А. Виноградов, А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева. База данных «Языки мира» как инструмент лингвистических исследований // ВЯ. 2003. № 3.
- Гасфилд 2003 – Д. Гасфилд. Строки, деревья и последовательности в алгоритмах. Информатика и вычислительная биология. СПб., 2003.

- Лимборская и др. 2002 – С.А. Лимборская, Э.К. Хуснутдинова, Е.В. Балановская. Этно-геномика и геногеография народов Восточной Европы. М., 2002.
- Поляков, Соловьев 2006 – В.Н. Поляков, В.Д. Соловьев. Компьютерные модели и методы в типологии и компаративистике. Казань, 2006.
- Соловьев 2007 – В.Д. Соловьев. Задачи и методы лингвистической филогенетики. Труды конф. «Знания. Онтологии. Теории». Новосибирск, 2007.
- Comrie 2007 – B. Comrie. Areal typology of mainland Southeast Asia: what we learn from the WALS maps // Pranee Kullavanijaya (ed.). Trends in Thai linguistics. Bangkok, 2007.
- Comrie 2008 – B. Comrie. Basque, Romance, and areal typology: What do we learn from the World atlas of language structures? // H.-J. Döhla, R. Montero Muñoz, F. Báez de Aguilar González (eds.). *Lenguas en diálogo: El iberromance y su diversidad lingüística y literaria*. Madrid; Frankfurt-am-Main, 2008.
- Comrie 2009 – B. Comrie. Maltese and the World atlas of language structures // B. Comrie et al. (eds.). *Introducing Maltese linguistics. Papers from the 1st International Conference on Maltese linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 2009.
- Comrie, Cysouw 2006 – B. Comrie, M. Cysouw. New Guinea through the eyes of WALS. Language and linguistics in Melanesia // <http://email.eva.mpg.de/~cysouw/publications.html>. 2006.
- Cysouw, Comrie 2009 – M. Cysouw, B. Comrie. How varied typologically are the languages of Africa? // R. Botha, Ch. Knight (eds.). *The cradle of language*. V. 2. Oxford, 2009.
- Dunn et al. 2005 – M. Dunn, A. Terrill, G. Reesink, R. Foley, S. Levinson. Structural phylogenetics and the reconstruction of ancient language history // *Science*. V. 309. № 5743. 2005.
- Everaert, Musgrave 2009 – M. Everaert, S. Musgrave (eds.). *The use of databases in cross-linguistic studies*. Berlin, 2009.
- Haspelmath et al. 2005 – M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The world atlas of language structures*. Oxford, 2005.
- Holman et al. 2007 – E. Holman, Ch. Schulze, D. Stauffer, S. Wichmann. On the relation between structural diversity and geographical distance among languages: observations and computer simulations // *Linguistic typology*. V. 11. № 2. 2007.
- Nakhlen et al. 2005 – L. Nakhlen, D. Ringe, T. Warnow. Perfect phylogenetic networks: a new methodology for reconstructing the evolutionary history of natural languages // *Language*. V. 81. 2005.
- Nichols 1992 – J. Nichols. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago; London, 1992.
- Nichols 2007 – J. Nichols. Typology in the service of classification. http://aalc07.psu.edu/papers/jn_typol_class3.pdf. Stanford, 2007.
- Polyakov et al. 2009 – V. Polyakov, D. Solovyev, S. Wichmann, O. Belyaev. Using WALS and Jazyki Mira // *Linguistic typology*. V. 13. № 1. 2009.
- Saunders 2005 – A. Saunders. *Linguistic phylogenetics of the Austronesian family*. B.A. Thesis. Swarthmore College, 2005.
- Semple, Steel 2003 – C. Semple, M. Steel. *Phylogenetics*. New York, 2003.
- Warnow 1997 – T. Warnow. Mathematical approaches to comparative linguistics // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 1997. V. 94.
- Wichmann, Saunders 2007 – S. Wichmann, A. Saunders. How to use typological database in historical linguistic research // *Diachronica*. V. 24. № 2. 2007.
- Wichmann et al. 2009 – S. Wichmann, E. Holman, D. Stauffer, C. Brown. Similarities among languages of the Americas: An exploration of the WALS evidence. <http://email.eva.mpg.de/~wichmann/SantaBarbWichmannRevSubmit.pdf>. 2009.
- Wichmann, Kamholz 2008 – S. Wichmann, D. Kamholz. A stability metric for typological features // *STUF. Language typology and universals*. V. 61. № 3. 2008.

© 2010 г. А.Д. ПАЛКИН

М.М. БАХТИН В РАБОТАХ ЯПОНСКИХ УЧЕНЫХ

В последние годы в Японии резко возрос интерес к идеям М.М. Бахтина, в особенности высказанным в так называемых «спорных работах» под авторством В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева. Японские ученые сравнительно недавно заговорили о необходимости переосмысления предложенных Бахтиным теорий. Особую популярность приобрела теория диалога, разработанная Бахтиным. В данной статье показано, как японские исследователи анализируют труды Бахтина, сопоставляя их с работами других авторов. Не претендуя на всеобъемлющее освещение проблемы, мы выбрали три, по нашему мнению, наиболее показательных мнения представителей японской гуманитарной науки, которые трактуют идеи Бахтина с позиций психолингвистики, общего языкознания и философии языка. Все приведенные в статье цитаты из работ Бахтина сверены с русским оригиналом, остальные цитаты переведены автором статьи с английского и японского языков.

В Японии представители различных гуманитарных наук уделяют большое внимание разработкам советских ученых. Предпринимаются попытки практического применения ряда популярных концепций, увидевших свет в советское время. Можно говорить, по меньшей мере, о стремлении японцев понять и изучить парадигмы, получившие развитие в период расцвета советской науки.

В наших предыдущих работах мы уже писали о том, какую известность снискал в японских научных кругах Л.С. Выготский и его культурно-историческая теория [Палкин 2006; 2009]. В данной статье мы остановимся на работах некоторых японских исследователей, которые обратились к творчеству другого выдающегося мыслителя советского периода – М.М. Бахтина. О неподдельном интересе японцев к личности Бахтина свидетельствует тот факт, что первое в мире собрание сочинений Бахтина появилось именно в Японии. В период с 1979 по 1988 гг. увидели свет восемь томов, содержащих работы Бахтина в переводе на японский язык. В России издание собрания сочинений Бахтина началось только в 1996 г. Однако японцы не остановились на достигнутом: в период с 1999 по 2007 гг. были опубликованы четыре тома из нового собрания сочинений Бахтина, причем активное участие в переводе с русского на японский принял известный японский бахтиновед Х. Сасаки.

Цель данной статьи – познакомить российских читателей с рядом работ последнего времени, которые не были переведены на русский язык. Мы не претендуем на сколько-нибудь полный обзор. Мы хотим показать, что в настоящее время в Японии к имени М.М. Бахтина проявляют интерес представители самых различных наук – от психологов до культурологов. Все рассмотренные ниже работы, по нашему убеждению, нуждаются в пристальном внимании и изучении в связи с тем, что в них прослеживается попытка не только провести некоторый авторитетный анализ работ Бахтина, но и увязать их с современными реалиями. Мы же хотим продемонстрировать, с каких разных позиций подходят японские ученые к работам Бахтина и как это отражается на их интерпретации лингвистических явлений.

Трудно однозначно сказать, к какой области науки относятся труды, вышедшие из-под пера М.М. Бахтина. Например, многие работы этого советского ученого посвящены вопросам, которые сейчас рассматриваются в рамках психолингвистики, однако

в первой половине XX века, когда выходили основные монографии и статьи психолингвистической направленности, такого термина еще не существовало, а во второй половине XX века Бахтина надолго «окрестили» литературоведом (что также соответствует действительности). Однако, когда стало известно, что Бахтин принимал участие (степень этого участия до сих пор остается предметом оживленных споров) в написании книги «Марксизм и философия языка», автором которой значится В.Н. Волошинов, М.М. Бахтин предстал научному миру как специалист в области общего языкознания и психолингвистики. Сам же ученый называл себя философом. Мы не будем вступать в дискуссию относительно того, кому принадлежит авторство «Марксизма и философии языка» и ряда других спорных работ. Вопрос этот требует отдельного рассмотрения. Взвешенную оценку различных позиций по данному вопросу можно найти в книге В.М. Алпатова [Алпатов 2005].

Далее об идеях Бахтина будут высказываться преимущественно японские ученые в нашем изложении. Мы оставляем за собой право на поясняющие комментарии.

Отдавая должное той популярности, которую М.М. Бахтин снискал в японских научных кругах, необходимо отметить, что интерес японских исследователей к Бахтину как был, так и остается существенным. Литература по данной проблематике достаточно обширна. Упомянем ряд наиболее показательных работ японских авторов [Игэта 2000; Ито 2003; Сасаки 2001; Abe 1997; Igeta 1992; Kaizawa 2008; Kuwano 1987; 2003; Nonaka 1997; Oe 1988; и др.]. Однако – повторимся – мы не ставили перед собой задачи осуществить всеобъемлющий обзор. Стремясь представить самые разные позиции, которых придерживаются исследователи Бахтина в Японии, мы обратим внимание на три научных направления – психолингвистику, общее языкознание и философию.

Начнем с психолингвистики. Состояние современной российской психолингвистики можно охарактеризовать как противостояние сторонников различных парадигм. Наиболее популярными являются когнитивная и деятельностная. Вместе с тем все громче заявляют о себе последователи М.М. Бахтина, предпочитающие вести дискуссию, пользуясь терминологией, разработанной советским ученым еще в первой половине XX века. В пике когнитивному и деятельностному подходам предлагается теория диалогизма. На фоне такого, условно говоря, «перетягивания каната» блекнут попытки сопоставить различные теории и вычленив из них наиболее ценное.

Японским ученым подобные проблемы чужды. Для них важнее разобраться в деталях, а не ниспровергать оппонентов, поэтому в одной и той же статье того или иного японского автора могут мирно соседствовать цитаты из Н. Хомского, Л.С. Выготского, Ж. Пиаже и М.М. Бахтина.

В связи с вышесказанным укажем на еще один принцип, по которому мы отбирали статьи для рассмотрения: хочется выделить те работы, в которых японские ученые проводят сравнение научных воззрений Бахтина со взглядами его не менее известных современников.

Обратимся к статье Юдзи Моро. Мы уже писали о нем как об исследователе, внесшем значительный вклад в изучение творчества Л.С. Выготского [Палкин 2006]. Кроме того, значительное место в своей статье «Концепция психологии диалогизма» [Моро 2002] он отводит сравнительному анализу позиций Л.С. Выготского и М.М. Бахтина. Моро приходит к выводу о том, что эти позиции во многом совпадают. Изучение работ обоих ученых приводит Ю. Моро к мысли о том, что каждый из них по-своему пытается продемонстрировать прямую зависимость человеческой психики от общественных отношений и знаковой структуры языка. Состояние современной им психологии оба ученых оценивали как критическое, но сферы их интересов несколько разошлись. Выготский сосредоточился на взаимодействии языка и мышления, мышления и чувственной деятельности; Бахтин обратился к анализу общения и знакового взаимодействия.

М.М. Бахтин подчеркивал, что наличие реципиента сообщения и конкретного контекста, в котором строится высказывание, является определяющим фактором для адекватного понимания высказывания. При этом понимание индивидуально и зависит от качественных акцентов, которые в свою очередь подчиняются идеологическим по-

зициям, занимаемым участниками речевого общения. Кроме того, под влиянием центростремительных и центробежных сил языка, обусловленных текущей социальной ситуацией общения, рождаются разнообразные речевые жанры, каждый из которых пропитан собственной идеологией. Бахтин считал, что индивидуальный языковой опыт, являясь процессом творческим, формируется под влиянием многочисленных собеседников, вступающих в общение с данным конкретным индивидом. Используемые при этом жанры часто варьируются. Речевой жанр определяется темой, структурой и стилем общения. Следовательно, и выбор конкретных слов производится человеком в зависимости от используемого в данный момент жанра. Жанр получает у Бахтина подчеркнута прагматическую направленность.

Ю. Моро проводит интересное сопоставление концепции М.М. Бахтина о фамильярных и интимных жанрах с теорией Л.С. Выготского о зоне ближайшего развития. Согласно Бахтину, в случае устранения ряда социальных ограничений между собеседниками устанавливается такая степень доверия, когда они могут обмениваться мыслями при помощи фамильярного или даже интимного жанров, предполагающих использование соответствующих лексических, грамматических и интонационных средств. В ситуации, когда становится возможной неформальная, относительно свободная оценка окружающих реалий, устанавливается фамильярный жанр общения. В ситуации же, когда собеседники испытывают по отношению друг к другу полное доверие, можно говорить об интимном жанре. В рамках этого последнего говорящий способен раскрыть в себе подавляемые в повседневных ситуациях общения качества, то есть благодаря созданию особой структуры высказывания стимулируется творческий процесс, способствующий личностному росту. По мнению Моро, эти рассуждения перекликаются с широко известной идеей Выготского о зоне ближайшего развития, из которой следует, что развитие ребенка ускоряется в случае целенаправленной поддержки со стороны взрослого. Эта поддержка, распространяющаяся на незрелые, но созревающие процессы психической деятельности ребенка, призвана помочь ему в раскрытии новых способностей и умений. В этом свете можно говорить о том, что теория речевых жанров Бахтина затрагивает и сферу возрастной психологии.

Психология диалогизма, по убеждению Ю. Моро, способна предложить новый подход к изучению речевого развития – на основе теории речевых жанров. Как правомерно утверждает Дж.Б. Глизон [Gleason 1997], несмотря на наличие огромного количества литературы и экспериментальных данных, посвященных проблеме становления речи в детском возрасте, до сих пор отсутствует четкое объяснение этого процесса. Возможность анализировать онтогенез речевой деятельности в терминах, предложенных М.М. Бахтиным, продемонстрировал, например, Дж. Дор [Dore 1995]. Он записывал на магнитофонную пленку свои разговоры с дочерью Эмили в период, когда ей было от 20 до 30 месяцев с момента рождения. Кроме того, исследователю удалось зафиксировать и эгоцентрическую речь ребенка. Выяснилось, что не обращенная к собеседнику речь Эмили изобиловала лексикой, встречавшейся ей в разговорах с отцом; нередко и тематика монологов девочки находилась в прямой зависимости от диалогов, имевших место незадолго до этого. Дор, рассматривая данное явление в рамках теории жанров, говорит о факте перебоя голосов, зафиксированном в эгоцентрической речи ребенка: девочка копировала не только словарь, но и стиль речевого взаимодействия, которого придерживался отец. Похожие процессы, как указывает Ю. Моро, можно наблюдать и в образовательной сфере. Исследователь приходит к выводу, что понятия многоголосия и разноречия, введенные М.М. Бахтиным, являются важным дополнением к теории речевого развития, предложенной Л.С. Выготским. В заключение Моро пишет: «Если считать Бахтина человеком, погруженным в дискурс, то Выготский – человек, погруженный в объекты и инструментарий. Бахтин, помимо прочего, упоминал о полифонии, порожденной объектами, но он остановился на уровне, который следует назвать уровнем предвидения» [Moro 2002: 146].

Анализ работы Ю. Моро показывает, что японцы предпочитают уклоняться от дискуссий относительно авторства «Марксизма и философии языка». Доля участия лично

М.М. Бахтина и лично В.Н. Волошинова в написании книги – для них второстепенный вопрос. Главное – те идеи, которые высказываются в тексте монографии. При этом японский автор стремится заочно «примирить» позиции М.М. Бахтина и Л.С. Выготского. В России школа Выготского и последователи Бахтина если и не стоят по разные стороны баррикад, то по меньшей мере настороженно относятся к терминологии, разработанной «не их» ученым. Ю. Моро продемонстрировал возможность гармоничного сочетания взглядов Бахтина и Выготского.

Ю. Моро анализирует работы М.М. Бахтина с позиции психолога (термин «психоллингвистика» в Японии не имеет широкого распространения). Такаси Кувано – другой японский исследователь – предпринимает попытку рассмотреть теорию Бахтина с чисто лингвистических позиций. В своей книге «Незаконченная полифония: Бахтин и русский авангард» [Kuвано 1990] он уделяет большое внимание творчеству Бахтина и современных ему ученых и деятелей искусства. Мы остановимся только на одном фрагменте этой книги, где Кувано сравнивает лингвистические воззрения, содержащиеся в работах М.М. Бахтина и И.В. Сталина. Речь идет о серии статей Сталина в газете «Правда», позднее изданных отдельной брошюрой под названием «Марксизм и вопросы языкознания» [Сталин 1951].

Вслед за Кувано мы не будем углубляться в дискуссию о том, какие причины подтолкнули Сталина к тому, чтобы авторитетно высказаться по вопросам языкознания. (Подробные рассуждения на этот счет см. у В.М. Алпатова [Алпатов 2004].) Достаточно того, что они были опубликованы и оказали революционное влияние на развитие советского языкознания, поставив крест на крайне сомнительной – но возводимой в разряд гениальных и обязательных к применению – яфетической теории Н.Я. Марра. Значение работ Сталина было действительно велико, так как обоснованная критика марризма, исходящая из уст «отца народов», автоматически низвергала эту одиозную теорию с пьедестала, занятого еще в 1920-х годах. Но что Сталин предлагал взамен? В этом и пытается разобраться Кувано.

Помимо критики марризма, И.В. Сталин рассуждал и об общих вопросах языкознания, каковые и подверглись японским автором тщательному рассмотрению, при этом Кувано сопоставляет предложенную Сталиным концепцию с теорией Бахтина.

Т. Кувано обращает внимание на рассуждения И.В. Сталина о том, правомерно ли считать язык надстройкой, находящейся в прямой зависимости от базиса. Сталин дает отрицательный ответ на этот вопрос. Общественно-политические, религиозные, философские и им подобные взгляды действительно являются надстройкой, изменяющейся в зависимости от изменений базиса, однако на язык это не распространяется. Достаточно привести простой пример: после Октябрьского переворота (именно так в тексте работы Сталина) лексика и грамматика русского языка не претерпели существенных изменений, несмотря на кардинальное изменение общественной формации. Следовательно, язык нельзя считать надстройкой. Данная позиция Сталина, как замечает Кувано, соответствует взглядам, бытующим в современной лингвистике.

Сталин, продолжая логический ход своих рассуждений, указывает на то, что за создание и развитие языка ответственен не какой-то один класс общества, а все общество в целом, многочисленные поколения этого общества. Язык, таким образом, в равной мере служит представителям как старой, так и новой надстройки, то есть его нельзя считать принадлежностью одного класса. И это мнение Сталина также не вызывает возражений с точки зрения современной науки.

Важно обратить внимание на мысль Сталина о том, что словарный состав, взятый сам по себе, еще не составляет языка, – он скорее является строительным материалом для языка. Величайшее значение словарный состав получает тогда, когда он поступает в распоряжение грамматики языка. Следовательно, именно благодаря грамматике язык предоставляет нам возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

В работе под фамилией В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка», напомним, основное внимание уделяется не вопросам лексики и грамматики, а – в отличие

от И.В. Сталина – высказыванию как главной единице лингвистического анализа. Как отмечает Т. Кувано, в своей критике индивидуалистического субъективизма и абстрактного объективизма Бахтин приходит к выводу, что эти направления неверно трактуют функции высказывания. Здесь его позиция принципиально расходится со взглядами Ф. де Соссюра и И.В. Сталина. Взамен анализу языковых явлений в их статике Бахтин предлагает анализ речевого взаимодействия, поэтому в качестве единицы анализа ему требуется «живое» высказывание. Т. Кувано приводит следующую цитату из упомянутой книги: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых норм и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический факт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов 1993: 104]. В этом утверждении мы легко можем узнать императив, которого придерживается современная психолингвистика и к которому все чаще обращается современное общее языкознание. Язык рассматривается не в оторванности от говорящей личности, а в рамках межличностного общения.

Что касается И.В. Сталина, который рассматривал язык как совокупность словарного состава и речевых правил, то нетрудно заметить, что в его подходе к языкознанию преобладали идеи, заимствованные у лингвистов конца XIX – начала XX века. «В данном вопросе», – пишет Кувано, – «Сталин также оставался на позициях “абстрактного объективизма”, одного из ведущих лингвистических направлений 20 века, и в этом смысле, пожалуй, можно говорить о том, что, хоть и в показной манере, ему в некоторой степени удалось соответствовать положениям лингвистической науки». «Однако, как было сказано выше, взгляды именно такого рода Бахтин неоднократно критиковал еще во второй половине 1920-х годов», – продолжает японский автор [Kuwano 1990: 45]. Не только в «Марксизме и философии языка», но и в ряде произведений Бахтина второй половины XX века подчеркивается необходимость изучать высказывание в процессе коммуникативного (диалогического) общения.

Кувано считает неверным мнение о том, что Бахтин, как и Сталин, считал, будто представителями разных классов используются одинаковые слова и выражения. Бахтин подчеркивал, что знаки, будучи проникнуты идеологическим содержанием, являются местом пересечения разнонаправленных акцентов, поэтому знак становится сценой классовой борьбы. Следовательно, в зависимости от идеологизированных качественных акцентов языковые знаки могут принимать разные формы и иметь разное содержание. Здесь мы снова видим противостояние динамизма теории Бахтина и статики, характерной для языковедческих работ Сталина. У Сталина слово характеризуется как надклассовое и одноакцентное, Бахтин же рассматривает внутреннюю борьбу и многоакцентность языковых знаков.

Таким образом, концепция М.М. Бахтина, рассматривающего язык-речь в рамках речевого общения, а также в связи с жизненной идеологией и индивидуальным восприятием реальности, принципиально отличалась от взглядов как Ф. де Соссюра и К. Фосслера, так и И.В. Сталина. Для Бахтина язык – это нечто большее, чем – как у Сталина – средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Это высказанное Сталиным положение, разумеется, вполне правомерно, но оно не учитывает тех экстралингвистических реалий, которые непосредственно влияют на функционирование языка в процессе речевого общения. Бахтин же еще в 1920-х годах фактически вплотную приблизился в своих рассуждениях к тому, что в современной лингвистике именуется популярным термином «дискурс», тем самым намного опередив лингвистов первой половины XX века по глубине научного анализа.

М.М. Бахтин развил, по убеждению Т. Кувано, уникальное для своего времени направление – «диалогическую философию». Если рассматривать взгляды современных Бахтину лингвистов с позиций теории диалога, то и абстрактный объективизм, представленный школой Ф. де Соссюра и принятый на вооружение И.В. Сталиным, и индивидуалистический субъективизм, представленный школой К. Фосслера, можно отнести

к направлениям, придерживающимся монологизма ввиду явной недооценки роли реципиента в процессе речевого общения. На их фоне теория диалога М.М. Бахтина – большой шаг вперед, к сожалению, по достоинству оцененный лишь десятилетия спустя. Кувано – не единственный японский ученый, обнаруживающий сходство идей Сталина и де Соссюра (которые – применительно к последнему – в «Марксизме и философии языка» именуется «абстрактным объективизмом»). Схожей позиции придерживается К. Танака [Tanaka 2000].

Т. Кувано показывает, что положения, содержащиеся в «Марксизме и вопросах языкознания», во многом не соответствуют взглядам современной лингвистики; кроме того, высказанные Сталиным мысли отставали и от современной ему науки, так как задолго до выхода в свет работ Сталина Бахтин критиковал те концепции, на которые опирался «великий вождь». В ходе анализа работ Сталина русскому исследователю сложно абстрагироваться от политической составляющей. Японскому ученому это сделать гораздо легче. В результате мы имеем непредвзятое сопоставление мнений Бахтина и Сталина, причем это сопоставление оказывается в пользу настоящего ученого, каковым Кувано признает Бахтина.

Коль скоро мы абзацем ранее затронули тему философии, закончим наш краткий экскурс рассуждениями о Бахтине-философе – опять же, глазами японского автора. Такаюки Ёкота-Мураками известен прежде всего как литературовед, но в ряде своих статей он обращается к сопоставлению позиций М.М. Бахтина и М. Фуко. Собственно говоря, чтобы ознакомиться с работами Ёкота-Мураками, совсем не обязательно знать японский язык, так как он достаточно хорошо владеет как английским, так и русским языками. В частности, очень интересна его статья на русском языке [Ёкота-Мураками 1995], где он развивает идею о том, что М.М. Бахтин предвосхитил появление постструктурализма, высказывая схожие идеи задолго до появления основных работ Ж. Лакана и М. Фуко.

Мы же обратимся к другой статье Т. Ёкота-Мураками, написанной на английском языке, где автор проводит параллели между теориями М.М. Бахтина и М. Фуко. Эта статья носит название «Бахтин, Фуко и феминизм: пересмотр диалогизма» [Yokota-Murakami 2007].

Несколько слов о феминизме. Японский автор обращает внимание на то, что сторонницы феминизма взяли на вооружение теорию М.М. Бахтина для пропаганды собственных идей, утверждая, что диалогизм Бахтина во многом феминистичен. В частности, японский автор ссылается на статью Д. Хёрндл [Herndl 1991], которая убеждена, что у Бахтина роман как диалогический жанр характеризуется женским языком в противовес мужскому. Кроме того, она видит сходство между Бахтиным и феминистками в том, что и тот, и другие боролись с деспотизмом (надо понимать, что Бахтин боролся с коммунистическим деспотизмом, а беззащитные женщины – с мужским деспотизмом). Наконец, Хёрндл подчеркивает, что феминистки, которые в своей неравной борьбе пользуются, разумеется, женским языком, женским дискурсом, прибегают к разноречию и полифоническому сопротивлению – методам, которые были впервые подробно описаны именно Бахтиным. Ёкота-Мураками указывает на то, что Хёрндл в разных частях своей статьи противоречит сама себе, с одной стороны, противопоставляя разноречие как свойство женского дискурса диалогу как свойству мужского дискурса, но с другой стороны, приравнивая эти два понятия. Так, она пишет о том, что роман способен противостоять иерархии и достигать карнавального смеха по причине своего «двухголосия», «диалогизма», что роман участвует в общении голосов. Далее же Хёрндл заявляет, что достигается подобный эффект самыми разными средствами, однако ввиду наличествующего в романе конфликта между голосами персонажей или между голосами автора и персонажей непременно возникает «разноречие», выражающее многообразие идеологий на различных уровнях языкового узуса. «Тем самым, – пишет Ёкота-Мураками, – получается сборная солянка из понятий “роман”, “диалогизм” и “разноречие”. И в действительности под этой сборной солянкой феминистки подразумевают вовсе не диалогизм, а разноречие» [Yokota-Murakami 2007: 79].

Однако японский автор не решается вступать в открытый конфликт с представительницами феминизма и тут же оговаривается, что и сам М.М. Бахтин иногда ставил в один ряд диалогизм и разноречие. В частности, Т. Ёкота-Мураками указывает на пассаж из «Слова в романе»: «Вне глубокого понимания разноречия, диалога языков данной эпохи, стилистический анализ романа не может быть продуктивным» [Бахтин 1975: 228]. Конечно, мало кому захочется вступать в конфронтацию с феминистками, но справедливости ради следует отметить, что Бахтин не противопоставлял диалог разноречию, а рассматривал их как составные элементы своей теории, поэтому употребление этих терминов в едином контексте не является противоречивым в рамках теории диалога. Да, у М.М. Бахтина при желании можно найти противоречия (см., например, работы К. Эмерсон [Emerson 1997] и М.Л. Гаспарова [Гаспаров 2004]), однако понятия диалога и разноречия могут не согласовываться друг с другом только в том случае, если рассматривать одно в противостоянии другому. Бахтин этого избегал. В процитированном отрывке не идет речи и об уподоблении. В своих многочисленных работах Бахтин разграничивал понятия разноречия и диалога. Данный отрывок действительно может быть истолкован двояко: в принципе его можно рассматривать как приравнение двух данных терминов, но, учитывая взгляды Бахтина, изложенные им в других работах, более предпочтительной выглядит другая трактовка этого отрывка: речь идет о необходимости понимания как разноречия, так и диалога языков соответствующей эпохи.

Вернемся, между тем, к статье Т. Ёкота-Мураками. Мысли о феминизме неожиданно приводят его к концепции М. Фуко. Он ни в коей мере не относит этого французского философа к борцам за светлые идеи феминизма, однако логика здесь такова: сторонники и сторонницы феминизма в своих разработках активно используют и концепцию М.М. Бахтина, и концепцию М. Фуко. Японский автор пытается выяснить, как соотносятся друг с другом эти две концепции. Чем они так вдохновили феминисток – вопрос отдельный, и в него мы углубляться не будем.

Т. Ёкота-Мураками указывает на то, что М. Фуко, отказавшись от традиционного бинарного толкования власти как взаимодействия правителя и его подчиненных, разработанного, прежде всего, Т. Гоббсом и К. Марксом, предложил взамен структуру власти в виде сцепления дискурсивных отношений. Для Фуко власть не сосредоточена в руках некоего человека, либо группировки, либо класса, а является всеохватывающей, зиждясь на бесконечном множестве фокальных точек. В понимании Фуко власть амбивалентна и изменчива: она присуща каждому – и в то же время каждому ее не хватает; каждый одновременно и управляет чем-либо, и выполняет чужие указания. Ёкота-Мураками находит много общего между подобным ходом рассуждений и пониманием разноречия М.М. Бахтиным. Разница, по мнению японского исследователя, прежде всего в том, что теория Фуко более статична, тогда как Бахтин уделяет больше внимания динамизму происходящих изменений. Этим, однако, различия отнюдь не ограничиваются.

Рассмотрев теоретические положения М.М. Бахтина, Т. Ёкота-Мураками приходит к выводу, что модель субъективности в работах советского ученого тяготеет к картезианской парадигме (субъект познания выводится за рамки познаваемого мира и, соответственно, познаваемых объектов). М. Фуко, напротив, предлагает дискурсивную модель, где субъект лишен полной независимости. Фуко понимает субъективность лишь как случайный фокальный пункт дискурсивного поля. В своей «Археологии знания» [Foucault 1972] он рассматривает дискурс как рассеяние субъекта. В подобной модели объект полностью растворяется в сцеплении дискурсивных отношений. В модели Фуко присутствуют многочисленные говорящие субъекты, среди которых возможно даже отсутствие слушающего субъекта в рамках диалогического общения, который необходимо присутствует в модели Бахтина.

Диалогизм предполагает наличие отправителя и получателя сообщения. Кроме того, диалогизм влечет за собой бинарные отношения между участниками речевого взаимодействия: это дихотомия говорящего и слушающего, коммуниканта и реципиента, внутренней мысли и озвученной мысли.

Углубившись в подобные рассуждения, Т. Ёкота-Мураками забывает о своем намерении соблюдать нейтралитет в отношении феминизма и указывает на очередную оплошность в статье Д. Хёрндл. В своем увлечении идеями М.М. Бахтина она определяет дискурс романа как характеризующийся женским языком и, отталкиваясь от дихотомии мужского и женского, противопоставляет романический дискурс патриархальному (то есть нероманическому) дискурсу. Такие рассуждения, однако, не согласуются с позицией самого Бахтина, который не рассматривал роман в терминах дихотомии. В частности, в своей статье «Эпос и роман» [Бахтин 1986] он не приравнивает текст романа к иному, женскому или чему-либо подобному, вступающему в диалог с доминирующим дискурсом либо мужским дискурсом. Роман для Бахтина – это сцена, на которой присутствуют все виды диалогического общения, создавая разнообразные модели взаимодействия. «Роман включает в себя всё. И эта модель романа сходна с понятиями дискурса и власти в понимании Фуко» [Yokota-Murakami 2007: 82]. В данном случае Ёкота-Мураками не находит никакого оправдания заблуждению Хёрндл. В оправдание японского автора хочется сказать, что он, конечно, не является убежденным противником феминизма, но как для настоящего ученого истина для него оказывается дороже. Между тем он вовсе не имеет в виду, что феминисты и феминистки эклектично подстраивают под свою теорию схемы авторов, никак с феминизмом не связанных, – он просто стремится упредить некоторых недалёковидных представительниц феминизма от неверной трактовки терминов, предложенных Бахтиным.

Т. Ёкота-Мураками пытается сохранять нейтралитет и в тех случаях, когда на разных чашах весов оказываются теории М.М. Бахтина и М. Фуко. Основным посланием становится утверждение о том, что Бахтин, несмотря на всю сложность и неоднозначность разработанной им теории диалога, придерживался картезианских позиций, если учитывать структуру субъект-объектных отношений в теории советского мыслителя. Фуко следовал иным взглядам, отводя субъекту второстепенную роль. В этом и кроется, по мнению японского автора, то принципиальное различие, которое в конечном итоге определяет расхождение взглядов двух ученых на проблемы речевого и межличностного взаимодействия. В то же время между строк обсуждаемой статьи читается протест против использования имен выдающихся мыслителей в околонучных целях, чем, по сути дела, и занимается такая представительница феминизма, как Д. Хёрндл. Т. Ёкота-Мураками нигде не пишет об этом открыто, однако проведенный им анализ наводит именно на подобные мысли.

Проведенное нами краткое рассмотрение работ японских ученых, посвященных творчеству М.М. Бахтина, ни в коем случае не является исчерпывающим. Скажем точнее: оно затрагивает лишь малую толику того обширного материала, который составили различные японские исследователи в связи с теорией советского ученого. Примечательно, что многие стремятся не просто дать описание, понять, проанализировать, но, как мы уже отмечали, ищут и пути практического применения выдвинутых М.М. Бахтиным идей. Например, К. Нисигути в коллективной монографии «Гуманистическое преподавание японского языка» рассматривает возможности использования теории речевых жанров Бахтина применительно к образовательному процессу [Nishiguchi 2003].

Оценивая в целом отношение японских ученых к М.М. Бахтину, можно охарактеризовать его как восторженно-удивленное. Сложности терминологии, обилие метафор и не всегда удачные варианты перевода заставляют японцев относиться к работам Бахтина как к чему-то поистине загадочному и таящему между строк россыпи ценнейших идей. Изучая Бахтина, японские исследователи невольно снова и снова задумываются о «загадочной русской душе». Между тем нельзя сказать, что в Японии оформилась некая школа последователей М.М. Бахтина. Теории советского ученого при всей их популярности рассматриваются в ряду целого ряда других. В данной статье мы как раз и попытались вкратце обрисовать то, каким образом в представлении японских авторов взгляды Бахтина как разностороннего ученого пересекаются с научными идеями других не менее известных его современников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 2004 – В.М. Алпатов. История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004.
- Алпатов 2005 – В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
- Бахтин 1975 – М.М. Бахтин. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин 1986 – М.М. Бахтин. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Волошинов 1993 – В.Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. М., 1993.
- Гаспаров 2004 – М.Л. Гаспаров. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Материалы Международной науч. конф. 10–11 ноября 2004 года: «Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения». М., 2004.
- Ёкота-Мураками 1995 – Т. Ёкота-Мураками. К деконструкции субъекта: перетолкование теории М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова с точки зрения японской классической литературы // Slavistika. 1995. № 11.
- Игэта 2000 – С. Игэта. Иванов – Пумпянский – Бахтин // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3–4.
- Ито 2003 – И. Ито. Две теории поэтического языка 20-х гг.: Якобсон и Бахтин // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2003. № 1–2.
- Палкин 2006 – А.Д. Палкин. Л.С. Выготский глазами японских исследователей // Вопросы психологии. 2006. № 5.
- Палкин 2009 – А.Д. Палкин. Л.С. Выготский: взгляд из Японии. М., 2009.
- Сасаки 2001 – Х. Сасаки. Основы понятия текста у М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 3.
- Сталин 1951 – И.В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951.
- Abe 1997 – G. Abe. Бафутин-о ёму. Токио, 1997. (на япон.)
- Dore 1995 – J. Dore. The emergence of language from dialogue // A. Mandelker (ed.). Bakhtin in context: Across the discipline. Evanston (Illinois), 1995.
- Emerson 1997 – C. Emerson. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton, 1997.
- Foucault 1972 – M. Foucault. The archeology of knowledge. New York, 1972.
- Gleason 1997 – J.B. Gleason. The development of language. Boston, 1997.
- Herndl 1991 – D.P. Herndl. The dilemmas of a feminine dialogic // M. Bauer, S.J. McKinstry (eds.). Feminism, Bakhtin, and the dialogic. Albany, 1991.
- Igeta 1992 – S. Igeta. Порифони сёсэцурон-но сэйрицу катэй // Косаку-суру гэнго. Токио, 1992. (на япон.)
- Kaizawa 2008 – H. Kaizawa. Хикисакарэта сюкусай. Бафутин, Набокофу, Росиа бунка. Токио, 2008. (на япон.)
- Kuwano 1987 – T. Kuwano. Бафутин – «тайва» соситэ «кайхо-но вараи». Токио, 1987. (на япон.)
- Kuwano 1990 – T. Kuwano. Микан-но порифони: Бафутин-то Росиа авангярудо. Токио, 1990. (на япон.)
- Kuwano 2003 – T. Kuwano. Бафутин-то дзэнтайсюги. Токио, 2003. (на япон.)
- Moro 2002 – Y. Moro. Диарогисуму синригаку-но косо // Сисо. № 8. Бафутин саико. Токио, 2002. (на япон.)
- Nishiguchi 2003 – K. Nishiguchi. Гэнго-то комюникэсэн-о сайко-суру: Бафутин-то Онгу-но гэнгорон-то дайнигэнго кёику-э-но сиса // Нингэнсюги-но нихонго кёику. Токио, 2003. (на япон.)
- Nonaka 1997 – S. Nonaka. Рэкиси-то тээцу: Каган-то Бафутин // Михаиру Бафутин-но дзику. Токио, 1997. (на япон.)
- Oe 1988 – K. Oe. Атарасий бунгаку-но тамэ-ни. Токио, 1988. (на япон.)
- Tanaka 2000 – K. Tanaka. «Сутаарин гэнгогаку» сэйдоку. Токио, 2000. (на япон.)
- Yokota-Murakami 2007 – T. Yokota-Murakami. Bakhtin, Foucault, and feminism: The dialogics reconsidered // Хёсё-то бунка. № 4. Осака, 2007.

РЕЦЕНЗИИ

Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского (Авторы: А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко; при участии М.М. Вознесенской и М.М. Коробовой). М.: Мир энциклопедий. Аванта +, 2007. 1135 с.

Теперь уже трудно представить, что относительно недавно бытовало мнение о фразеологии как о каком-то украшении языка. И ее изучение, соответственно, воспринималось как нечто второстепенное: полезно, конечно, полюбоваться богатством русской речи, но какая же тут может быть теория?

Перелом во взглядах на фразеологию связан с именем В.Н. Телии и деятельностью возглавлявшей ей фразеологической группы Машинного фонда русского языка, работавшей в конце восьмидесятых – начале девяностых годов. Наряду со сбором материала и осмыслением его в традициях В.В. Виноградова участники группы обратились к новейшим – на то время – достижениям лингвистики и обратили внимание на иллюстративную силу фразеологических единиц и другие прагматические характеристики, на метафорическую основу многих идиом, на их функцию в номинации. Не будем бросать камень в адрес многих славных исследователей фразеологии (большинство которых так или иначе сотрудничало с группой В.Н. Телии и продолжает вносить свой вклад в изучение фразеологических единиц разного типа), но следует признать, что предложенный подход, нашедший потом воплощение в «Большом фразеологическом словаре русского языка», позволил сделать принципиальный шаг вперед в изучении фразеологии. И выяснилось, что именно идиоматика несет в себе ключ к решению многих теоретических проблем, стоящих сегодня перед теоретической лингвистикой: это вопросы выбора средств номинации, роли коннотативного компонента в семантике языковых единиц, проблема соотношения узуса и системы и, конечно, вопросы воплощения метафоры, образа, сравнения в языке.

Сегодня эти задачи – как по отношению к русскому материалу, так и в общетеоретическом аспекте – решают фразеологи, возглавляе-

мые А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, в прошлом – молодыми участниками группы В.Н. Телии, а сегодня – известными специалистами в области теоретического языкознания. Причем решение предполагает активную работу с материалом. И важной вехой на этом пути является рецензируемый «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики».

В предисловии авторы отмечают следующие особенности, отличающие данный словарь от других появившихся недавно фразеологических словарей. Это обращение к реальному языковому материалу последних пятидесяти лет, в том числе и лежащему за пределами русского литературного языка, это семантический (тезаурусный, идеографический) способ организации и подачи словарного материала. Причем тезаурус строился (что особо подчеркивают авторы) не по установленной схеме, которую можно найти в семантических словарях русского и других языков, а «снизу», в соответствии с семантическим разбиением, задаваемым идиомами русского языка.

В результате «Словарь-тезаурус...» поставил перед исследователями, по меньшей мере, две проблемы, которые можно считать актуальными. Первая – это вопрос о функционально-стилистическом членении словарного запаса. Вторая – функции идиом в сфере «заполнения лакун», обеспечения средств для номинации действительности в речи. Осмысление этих проблем, данное и в «Послесловии» словаря, и в самих способах представления этих единиц, является серьезным вкладом в современную русистику.

Сначала – о второй проблеме, о соотношении средств выражения тех или иных фрагментов реальности, проявившемся в неравномерности количества идиом, приходящихся на разные семантические зоны. В принципе, эта неравномерность была известна и раньше. Многие авторы отмечали обильность фразеологических

средств для выражения значения пьянства, смерти, лени при очень скромно представленных многих других семантических полях, вполне широко отраженных в лексических тезаурусах. Но именно переход к идеографическому (тезаурусному) способу построения словаря идиом (особенно с учетом выбора полей «снизу», «от материала») показал масштабы этой неравномерности. Осмысление этого явления заставляет задуматься и об особенностях номинации в условиях обширных коннотаций, экспрессивной окраски – а именно это отличает значительный массив идиом от основной части лексики, и о культурных традициях, требующих табуирования, а следовательно, иносказательного называния, многих явлений. В любом случае можно говорить, что новый подход дал новые точки зрения на материал.

Еще интереснее попытка разработки системы стилистических помет именно для идиом. Попытка адекватного отражения реального узуса заставила учитывать такие характеристики, которые игнорируются во многих других словарях. В частности, авторами введено понятие «дискурсивных помет», отражающих особенности дискурса, в котором эта идиома допустима, например, «совидеол» (из советских идеологических штампов), «народное» (употребляется в народной речи). Фактически, перед нами попытка по-новому отразить маркированность единиц (в данном случае, идиом) относительно условий их употребления, при которой мы имеем не одну функционально-стилистическую шкалу, а больше. Эта попытка, как и многие конкретные ее воплощения, способна вызвать споры. Но последовательное использование инструментария – это уже довод в пользу этого инструмента, а вдобавок и материал для его критики и усовершенствования. Так что работу в этой области, отраженную в словаре, можно признать удачной.

А что таковым признавать не хочется? Как обычно, «недостатки – это продолжения достоинств». Исключительно интересным оказывается живой материал, далеко выходящий за репертуар девятнадцатого века, составляющий большую часть фразеологических словарей. Действительно, такие выражения, как *гуляй*, *Вася* или *родина слонов* входят в живой фразеологический запас русского языка и должны отражаться в словарях. И даже неприличная (табуированная) лексика должна учитываться скрупулезным исследователем – а эта лексика весьма обильно представлена и в составе идиом. Но... Табу – оно и есть табу, то есть запрет в рамках данной культуры. В словаре честно отражен факт запрета – пометой «неценз». Но многие идиомы типа *чудило с Нижнего*

Тагила (в подлиннике там не ч, но жанр авторитетного научного издания пока еще не допускает столь откровенного цитирования), действительно, яркие и выразительные, так и просятся на язык. Хорошо ли потворствовать соблазну?

С другой стороны, было радостно узнать, что в идиоме *с гулькин нос* речь идет вовсе не о носе голубя (который не так уж и мал). Без таких познаний представление об идиоматическом богатстве не только не полно, но и искажено. Так что рекомендовать авторам словарей? Может, вставлять в текст ссылку на сайт (с соответствующими ограничениями на доступ детей и, возможно, некоторых женщин), где и отразить богатство полностью? Увы, для печатного издания это пока не выход.

Если от неразрешимой проблемы этического характера перейти к сугубо лингвистическим вопросам, то можно отметить, что приведение сведений об управлении – это важный положительный момент. Однако авторы не предлагают различать обязательное и факультативное управление. А при описании этого показателя у единиц, состоящих более, чем из одного слова, могут быть выявлены интересные свойства (что мы постарались отразить в нашем словаре коллокаций, см. Е.Г. Борисова «Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов». М., 1995). Жаль, что эта возможность не была реализована авторами рецензируемой работы.

Восхищает многообразие текстов, обработанных при составлении словаря. Но на некоторые приведенные в нем идиомы не сразу находишь пример. Например, вторая часть процитированного уже сочетания о Нижнем Тагиле приведена с дополнением *и Вася с Магнитной Аномалии*. А пример приведен только для первой части предложения.

Нельзя сказать, что этим список замечаний исчерпывается: это было бы невероятно, если учесть объем работы, проделанной составителями и редакторами, а также специфику капризного и вариативного материала. Однако замечания носят очень частный характер и более уместны в письмах редактору, которые пишутся для совершенствования последующих изданий. Хочется надеяться, что переиздания, действительно, последуют – словарь очень нужен лингвистам-русистам, специалистам по теории языка, а также культурологам, историкам, переводчикам. И, главное, он служит основой для дальнейшего изучения идиоматики в рамках перспективной фразеологической школы.

Работа над рецензией была уже завершена, когда в продаже появился новый фра-

зеологический словарь, созданный этим же творческим коллективом: Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009. Таким образом, предсказанное

нами дальнейшее изучение идиоматики было продолжено – и шагнуло на новую ступень. Надеюсь, что и этот словарь станет предметом обстоятельного разбора и доброжелательного обсуждения.

Е.Г. Борисова

Е.Р. Сквайрс, Н.А. Ганина. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета: Каталог. Материалы и исследования. М.: МАКС-Пресс, 2008. 472 с. + 74 ил.

Книга представляет собой уникальный труд для современного филологического знания, который соединяет глубокие изыскания в области текстологии и источниковедения, германистики и медиевистики с подлинно научными открытиями и историко-филологическими находками высочайшего общекультурного уровня и значения. Авторы имели дело с довольно ограниченным набором средневековых текстов, которые стали поводом для научных изысканий по многим направлениям. В результате исследования материалов было получено новое глубинное знание о культурной традиции, в которой выполнялись те или иные тексты, а также о месте текста или его фрагмента в системе филологических описаний.

Книга является итогом трудоемкой и кропотливой исследовательской работы, начатой Е.Р. Сквайрс и Н.А. Ганиной в 1997 году в сотрудничестве с Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. Здесь с послевоенных времен хранилась коллекция, включавшая фрагменты средневековых западноевропейских рукописей на немецком, латинском и древнееврейском языках, россыпь пергаменных отрывков и другие документы, не поддававшиеся архивированию без предварительного исследования. Гипотеза Е.Р. Сквайрс о происхождении документов из Германии, а также об их принадлежности единой коллекции Г. Шмидта, находившейся до войны в Соборной гимназии города Гальберштадта, нашла подтверждение в результате изучения всех 102 единиц хранения, многие из которых требовали основательной реставрации. Книга состоит из двух разделов – каталога документов и исследовательских статей, выполненных по материалам фонда. Они содержат интересные находки и неожиданные открытия в области филологических, лингвистических, палеографических, культурно-исторических и других дисциплин.

Каталог представляет собой подробное описание коллекции средневековых рукописей на немецком, латинском и древнееврейском язы-

ках, датируемых от IX до XVI в., фрагментов инкунабул и старопечатных изданий немецких типографов, а также сопутствующих им материалов, относящихся к XIX в. Некоторые из рукописей, входящих в «Коллекцию документов Густава Шмидта», известны науке с конца XIX в. и признаны важными источниками для изучения истории, литературы и языка. В течение полувека они считались навсегда потерянными, однако, несмотря на это, ведущие специалисты в различных странах продолжали публиковать научные исследования на их материале, за неимением оригинала пользуясь для этого старыми изданиями.

Некоторые рукописи и печатные фрагменты коллекции оставались неизвестными науке до своего открытия, исследования и опубликования в МГУ. Среди уникальных находок фрагменты трактатов Беды Достопочтенного в рукописи IX в., неизвестная рукопись поэмы «Виллехальм» Вольфрама фон Эшенбаха, две рукописи «Авроры» Петра Риги XIII в., рукопись XIV–XV вв. «Doctrinale» Александра из Вильдэ, древнееврейская молитва в рукописи XIV–XV вв., несколько инкунабул первопечатников Лукаса Брандиса, его брата Морица Брандиса, Бартоломеуса Готана, Гюнтера Цайнера, неизвестные грамоты XIV–XVI вв. и многое другое.

Для систематизации разнородных документов разных типов (рукописей, грамот, писем, печатных изданий, конвертов и т. д.) авторами была разработана единая схема описания с учетом отечественных и международных стандартов и традиций. Схема включает 13 основных пунктов с подпунктами: порядковый номер в фонде, имя автора и заглавие, шифр предыдущего хранения, время и место создания, язык, внешнее описание, палеографическая характеристика, декор, содержание рукописи, *incipit* и *explicit*, лакуны в тексте, описание иллюстраций, последующие добавления, аннотация, библиография.

Каталог включает две описи: в первой описи представлены рукописи (всего 52 единицы хранения на латинском, немецком и древне-

еврейском языке) и во второй – грамоты, печатные материалы, письма, заметки, оттиски, конверты (всего 50 единиц хранения на немецком и латинском языках). Значительную часть книги составляют иллюстрации – фотографии отдельных единиц коллекции (59 фото), демонстрирующие общий вид и состояние фрагментов рукописей и печатных материалов, а также фотоматериалы из истории города Гальберштадта.

Второй раздел книги «Материалы и исследования» содержит результаты изучения коллекции отечественными специалистами: германистами, латинистами, медиэвистами и др. В статьях рассматриваются вопросы, которые встают в связи с изучением отдельных единиц коллекции. Часть статей посвящена филологическому анализу неизвестных рукописей. Так, в статье Н.А. Ганиной «Фрагмент поэмы “Виллехальм”: неизвестная рукопись» содержится описание фрагмента рукописи поэмы Вольфрама фон Эшенбаха «Виллехальм» – автора наиболее значительного куртуазного эпоса (XIII в.). Данная рукопись является единственной в библиотеке России, ранее она не была известна в германистике. Эта уникальная находка включена теперь в международный реестр рукописей «Виллехальма» под названием «Московский фрагмент». В статье дается полное архивное описание фрагмента, излагается сюжетная основа и характеризуются другие известные рукописи поэмы. Автор отмечает расхождения «Московского фрагмента» с наиболее известными рукописями, в частности на уровне диалектных черт. В статье высказываются версии и предположения относительно датировки и происхождения рукописи, судьбы памятника и его связей с другими рукописями. В статье приводится текст фрагмента в транслитерации с подстрочным переводом, который отражает структурные особенности оригинала.

Статья Е.Р. Сквайрс «Возвращение “Маккавеев”: прочтение немецкой поэмы XIII в. после реставрации» содержит текстологическое описание ранее уже известного фрагмента рукописи стихотворной поэмы о ветхозаветных мучениках братьях Маккавеев, входящего в «Коллекцию Г. Шмидта». В статье излагается история изучения рукописи, найденной Г. Шмидтом в конце XIX в. и не раз издававшейся как памятник старонемецкой религиозной поэзии; говорится также о судьбе рукописи и ее состоянии. Поскольку рукопись из-за повреждений пергамента изначально содержала множество лакун, то усилия филологов XIX в. были направлены на реконструкцию утраченных частей текста. Так возникло несколько версий прочтения рукописи. Проведенная в Научной библиотеке МГУ реставрация рукописи позволила автору

статье предложить новые прочтения трудных мест и оценить успехи и просчеты исследовательских методик немецких ученых – филологов XIX в., заложивших основы изучения литературных памятников Высокого Средневековья. На основании новых данных, полученных в результате работы с рукописью после ее реставрации, автор статьи проводит сравнение прежних реконструкций с подтверждением или опровержением их результатов, а также оценивает характер изменений, происшедших с рукописью за 110 лет в результате применения исследовательских методик, характерных для конца XIX в. В статье ставится вопрос о литературной традиции сюжета о Маккавеев, в частности, предпринимается попытка связать немецкую поэму с фрагментами латинского поэтического произведения Петра Риги «Аврора», входящего в «Коллекцию Г. Шмидта». Описание и анализ последней содержится в статье Е.Р. Сквайрс и М.Р. Ненароковой «Две неизвестные рукописи “Авроры” Петра Риги из фондов Научной библиотеки Московского университета».

В статье Н.А. Ганиной «Гальберштадтский “Плач Богородицы”» представлены описание, транслитерация и перевод фрагмента немецкого текста – рукописи духовного действия «Marienklage». Автор в своем исследовании вносит некоторые уточнения в имеющиеся описания рукописи, определяет ее место в традиции средневековой духовной драмы, а также характеризует диалектные особенности текста, в котором присутствуют черты смешения диалектов, типичные для восточнонемецких территорий.

В статьях Е.А. Антоненц («Фрагмент рукописи Присциана в “Коллекции документов Густава Шмидта”») и М.Р. Ненароковой («Риторические трактаты Досточтимого Беды в “Коллекции документов Густава Шмидта”») содержатся материалы, связанные с латинскими текстами: одна рукопись представляет собой фрагмент «Курса грамматики» Присциана, датируемой IX в.; другой текст является фрагментом одного из ранних произведений Беды «De Arte Metrica» (ок. 703 г.), предназначенного для учеников монастырских школ, уже владевших латынью. Фрагмент копии трактатов Беды относится к IX в., когда тексты этого автора были повсеместно распространены в Германии и в других странах. Текстологический анализ латинских текстов проводится также в статьях Е.В. Антоненц: «Фрагмент Дигест Юстиниана», «Фрагмент латинского перевода “Метеорологии” Аристотеля, выполненного Вильемом Мёрбеке», «Фрагменты рукописей Горация», «Фрагмент “Доктринале” Александра из Вильдэ».

В «Коллекции Г. Шмидта» содержатся тексты, связанные с комментированием Священного Писания в жанре лекционных и гомилий (статьи М.Р. Ненароковой «О Гальберштадтском лекционари» и «О гомилии»). Среди латинских рукописей «Коллекции Г. Шмидта» перечень клириков г. Гальберштадта и окрестностей (XI в.). Этот материал рассматривается в статье Н.А. Ганиной «К немецкой ономастической и культурной традиции: Гальберштадтский [Index clericorum] [Перечень клириков]». Интерпретация текста проводится с учетом таких экстралингвистических данных, как особенности организации текста, его предметная соотнесенность и прагматическая направленность. Приводимый словарь содержит около 90 имен с переводами на русский язык.

Статья Н.А. Бондарко «Проповеди Бертольда Регенсбургского» посвящена текстологическому анализу рукописного фрагмента рубежа XIV–XV вв., который содержит четыре текста, принадлежащие знаменитому немецкому францисканскому проповеднику Бертольду Регенсбургскому (ок. 1210–1272). Наряду с анализом рукописной традиции Бертольда Регенсбургского и текстовыми сопоставлениями имеющихся изданий в статье дается характеристика диалектных и орфографических особенностей текста. Автор обнаруживает расхождения между текстами на лексическом, синтаксическом и морфологическом уровнях. Два раздела статьи посвящены описанию историко-литературного контекста проповедей, их содержания и композиции. Автор утверждает, что проповеди, представленные в «Гальберштадтских фрагментах», восходят не к конспекту «живой речи» проповедника, а изначально задуманы как литературные произведения. Они создавались в разное время разными редакторами, были обращены к разным социальным группам и принадлежат к разным жанровым типам книжной проповеди.

Несколько статей посвящено описанию жанровых особенностей некоторых текстов из «Коллекции Г. Шмидта». М.Р. Ненарокова («Рукописные фрагменты “Золотой легенды” Иакова Ворагинского») рассматривает один из самых распространенных жанров средневековой литературы – жанр ариографии. В статье приводится фрагмент рукописи XIII в. и его перевод на русский язык. Е.Р. Сквайрс («Ганзейская навигацкая книга XV века: исследование по истории жанра») рассматривает гальберштадтскую рукопись – одну из трех сохранившихся рукописей Ганзейской навигацкой книги, выполненных на нижненемецком языке. До настоящего времени рукопись считалась утерянной и недоступной для изучения. В статье описывается фрагмент рукописи в сравнении с двумя другими, происходящими из г. Любек. Жанр навигацких книг

отличался высокой функциональностью, которая проявлялась, в частности, в единстве стиля рукописного исполнения текстов. Письменная форма фиксации профессиональных знаний была, по мнению исследователей, кратковременной, вызванной необходимостью защиты профессиональной монополии немецких и нидерландских шкиперов от английских конкурентов. Гальберштадтская рукопись хранит много свидетельств из истории ее существования и практического использования. Автор статьи дает графематический анализ рукописи и проводит языковое и текстологическое сравнение небольшого гальберштадтского фрагмента с параллельными текстами двух любекских рукописей. При описании языка навигацкой книги автор рассматривает комплекс вопросов, связанных с обоснованием диалектной основы текстов, с трактовкой источников и возможных текстуальных образцов навигацкой книги, происхождением каждого из списков и его писца, с причинами создания и конкретным применением текста.

Статья Е.Р. Сквайрс «Как спастись от чумы по-нижненемецки: рукопись заговора (молитвы) XV в.» содержит текст рукописи молитвы XV в., ее перевод на русский язык и научный комментарий к рукописи. П.В. Морозова в статье «Популяризация научных знаний в Германии позднего средневековья: медицинские компиляции» описывает Московский фрагмент текста средневековой медицинской литературы для повседневного пользования. Автор проводит идентификацию отдельных частей текста и определяет его место в истории немецкой медицинской литературы. Несколько статей посвящено исследованию печатных фрагментов «Коллекции Г. Шмидта». В статье Е.Р. Сквайрс «Латинское “Двоесловие жизни и смерти”»: неизвестное издание первопечатника Варфоломея Готана» рассматриваются два издания-листовки, представляющие собой полноценные тексты на латинском языке. До сих пор был известен только текст нижненемецкой листовки Готана на тему «Пляски смерти», которое послужило оригиналом для древнерусского перевода, выполненного в Великом Новгороде. Автор статьи ставит вопрос о связях трех «Двоесловий» – латинского, нижненемецкого издания Готана и древнерусского рукописного перевода. В статье описывается шрифт, колофон, гравюра листовки, приводится весь латинский текст и сравниваются латинская и нижненемецкая инкунабулы. Автор статьи считает московскую находку исключительно значительной, рассматривает вопрос о подлинности найденного в Москве издания латинского «Двоесловия», а также анализирует факты и свидетельства относительно датировки текста.

Первопечатным изданиям посвящена статья С.И. Дубинина «Судьбы книжных раритетов: фрагменты оттисков первопечатников Г. Цайнера (Аугсбург) и И. Борхарда (Гамбург)». Первопечатные тексты были обнаружены в переплетах как «макулатурная» находка. Автор уточняет атрибуцию двух отрывков – «Швабского зеркала» (1470-е годы) и фрагмента Лейпцигского прогностика (1493 г.). В статье содержится очерк развития протопечатного дела в Аугсбурге, приводится текст найденного фрагмента «Швабского зеркала» и описывается уникальная ситуация с печатным делом на севере Германии в период распространения первых типографий.

Материалы книги интересны не только своим научным содержанием, но и сведениями более частного характера, связанными, например, с историей г. Гальберштадта. Е.Р. Сквайрс в статье «Почтенные граждане Гальберштадта: средневековые грамоты – о жизни, делах и языке города» рассматривает 26 грамот «Коллекции Г. Шмидта» (18 на латинском языке и 6 на немецком), содержание которых дает представление о жителях г. Гальберштадта, о различных сословиях, топографии города. Языковые и текстологические характеристики грамот приводятся для группы нижненемецких текстов с указанием жанра (оброчные, ссудные, долговые обязательства, подтверждения личности), датировки, места и инстанции их создания.

Заключительные статьи исследовательской части книги посвящены описанию филологической деятельности Г. Шмидта – директора Соборной гимназии г. Гальберштадта. Его пример очень типичен для последних десятилетий XIX века, когда филологи сумели выйти на поразительные открытия, извлекая из переплетов пергамента с рукописными текстами [Сквайрс 2008: 32–35]. Сопроводительные материалы книги не менее интересны, чем исследования самих памятников письменности, поскольку из них можно узнать о роли школьной интеллигенции провинциальных городов в поиске «макулатурных» шедевров. В статье Н.А. Ганиной и Е.Р. Сквайрс «Корреспонденты Густава Шмидта: филологическая панорама» отражена переписка с ведущим немецким филологом XIX века Юлиусом Цахером, основателем классического научного журнала по германистике *Zeitschrift für deutsche Philologie* (1869 г.), приводятся тексты писем и их переводы на русский язык, которые являются яркими свидетельствами уникальной научной атмосферы, существовавшей в эпоху становления классической немецкой филологии.

Книгу завершает статья Е.Р. Сквайрс «О пользе латинской грамматики, или что общего у директора с гимназистом?», в которой на ос-

новании частных и весьма случайных материалов «Коллекции», относящихся к последнему десятилетию XIX века, реконструируются некоторые подробности из повседневной жизни гимназии и воссоздаются детали учебной и научной деятельности учителей. Здесь же говорится о судьбе латинской грамматики Элия Доната (*Ars minor*), следы которой обнаружены в «Коллекции Шмидта». Е.Р. Сквайрс предпринимает настоящее филологическое расследование, на которое ее натолкнули записи Г. Шмидта, сделанные им на синей обложке тетради одного из его учеников и относящиеся к тексту латинской грамматики Доната. Этот случайный лист тетради стал поводом для изучения корпуса текстов грамматики Доната, хранящихся в Научной библиотеке МГУ.

Несмотря на чрезвычайно разрозненные по своему составу и содержанию материалы «Коллекции», ее мозаичность, исследования, включенные в книгу, в совокупности создают весьма целостную картину. Это объясняется тем, что у всего авторского коллектива книги, располагавшего всего лишь разрозненными фрагментами, неполными и часто поврежденными текстами, была общая цель – путем глубокой филологической реконструкции извлечь из текстов максимально возможную информацию и встроить ее в культурно-исторический и научный контекст. При этом авторы использовали самые разнообразные методы реконструкции текстов и приемы их всестороннего описания, что делает книгу надежным сводом знаний о современном источниковедении для лингвистических целей.

В заключение необходимо отметить, что «Коллекция Г. Шмидта», вопреки всем коллизиям ее необычной судьбы, чрезвычайно повезло. В иных обстоятельствах, если бы не случилось перемещение «Коллекции» в военное время, едва ли можно было бы ожидать столь массивного, детального и глубокого исследования всех ее материалов как культурных феноменов, как источников разнообразной научной информации и повода для выдвижения смелых версий и догадок. Издание уникальной книги можно считать весьма обнадеживающим свидетельством того, что в отечественной филологии есть устойчивый интерес к текстологии и в ней формируется новая школа лингвоисторического источниковедения, для которой абсолютным приоритетом является достоверность языкового факта и возможность его документального подтверждения [Сквайрс 2006: 202–203].

Если можно говорить о существовании «филологической археологии», то данное издание является ее ярчайшим образцом и значительным событием в этой фундаментальной области знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сквейрс 2006 – *Е.Р. Сквейрс*. Средневековая грамота как источник изучения истории немецкого языка в отечественной германистике // *Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов*. Т. II. М., 2006.

R. Aranovich (ed.). Split auxiliary systems. Amsterdam: Benjamins (Typological studies in language, 69), 2007. vii, 277 p.

Формы с «выбором» вспомогательного глагола (*auxiliary choice*) или с «расщепленным вспомогательным глаголом» (*split auxiliary*) – это формы, образующиеся от части смысловых глаголов при помощи одного вспомогательного глагола (или, в некоторых языках, частицы-форманта), а от части – при помощи другого. Данное явление хорошо известно, например, во французском и немецком языках, где есть «глаголы, спрягающиеся с ‘иметь’» (*avoir, haben*) и «глаголы, спрягающиеся с ‘быть’» (*être, sein*), но представлено и во многих других языках Европы (романских, германских, баскском), а кроме того, имеет определенные параллели и за ее пределами. В последние 30 лет феномен выбора вспомогательного глагола получил большую известность при осмыслении языковых фактов в рамках самых разных языковых теорий; существуют и конкурируют друг с другом немало синтаксических и семантических трактовок этого явления. Имеется значительная по объему специальная литература на эту тему. Большую роль в дискуссии вокруг выбора вспомогательного глагола сыграло то обстоятельство, что этот выбор происходит в различных языках (даже близкородственных) неодинаковым образом.

Рецензируемая книга – сборник статей под редакцией американского лингвиста Рауля Арановича, основанный на материалах проведенного в 2003 году в Калифорнийском университете в Дэвисе круглого стола. Составитель занимает, на наш взгляд, удачную и на редкость взвешенную позицию в дискуссии вокруг выбора вспомогательного глагола. В книге есть и обсуждение аппарата порождающей грамматики, и статья, посвященная анализу явления с точки зрения теории оптимальности, однако подход, заданный во вступительной и многих других статьях, ориентирован, прежде всего, на как можно более подробное описание выбора вспомогательного глагола в конкретных идиомах, учитывающее все множество релевантных критериев, будь то семантические или синтаксические. Теоретические трактовки утверждаются не как истина в последней инстанции, а в полемике с другими и на базе конкретного материала. Привлекается не только европейский материал, но и схожие, демонст-

Сквейрс 2008 – *Е.Р. Сквейрс*. Учителя и ученики в германской филологии // *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика* (К дню рождения О.А. Смирницкой). М., 2008.

Н.С. Бабенко

рирующие типологическое сходство явления в китайском языке (использованный в другой статье корейский материал, к сожалению, с данной проблематикой не связан, см. ниже); а помимо изучения примеров из литературных языков используются данные диалектов и диахронической эволюции языка.

В открывающей сборник работе Р. Арановича «Расщепленный выбор вспомогательного глагола в типологической перспективе» содержится весьма содержательный обзор ранее предлагавшихся точек зрения на эту проблему. Ниже кратко представим их.

В 1978 году Д. Перлмуттер [Perlmutter 1978], тогда работавший в рамках так называемой «реляционной грамматики» (где, как и в грамматике Хомского, различается поверхностное и глубинное синтаксическое представление), предложил считать, что различие в выборе вспомогательных глаголов ‘иметь’ и ‘быть’ имеет глубинную синтаксическую природу. Согласно гипотезе Перлмуттера, непереходные полнозначные глаголы, выбирающие вспомогательный глагол ‘быть’ (например, итальянское *cadere* ‘падать’ – *è caduto* или *morire* ‘умирать’ – *è morto*) на глубинном уровне не имеют субъекта (подлежащего), но только объект (дополнение). В частности, выбирается глагол ‘быть’ при спряжении возвратных глаголов (например, во французском *il s’est lavé* ‘он умылся’; субъект является одновременно и глубинным объектом). Разумеется, для того, чтобы такая гипотеза имела смысл, необходим ряд других независимых тестов, доказывающих, что эти предложения синтаксически устроены именно так; и действительно, ряд таких «диагностик» был предложен и самим Перлмуттером, и его последователями. Такие предикативные группы (клаузы), не имеющие субъекта, и их вершинные глаголы Перлмуттер назвал неаккузативными (*unaccusative*); прочие же непереходные глаголы относятся по его терминологии к неэргативным (*unergative*). Соответственно, данная гипотеза получила название «гипотезы неаккузативности» (*unaccusative hypothesis*, или UAH). «Неаккузативность» стала (и до сих пор остается) популярным термином (хотя разные авторы вкладывают в него замет-

но разное содержание), понятие развивалось в таких работах, как [Buzzio 1986] (в рамках генеративной теории управления и связывания, посвящена итальянскому языку) и особенно [Levin, Rapoport Novav 1995].

Ныне о неаккузативности на русском языке имеются две работы-обзора – подробный раздел статьи [Аркадьев 2008] и небольшое, но содержательное «замечание» в книге [Плунгян, в печати], критичное по отношению к этому понятию. К этим работам мы и отсылаем читателя, излагая в дальнейшем лишь то, что связано с проблемой выбора вспомогательного глагола¹. Здесь же скажем, что наиболее обоснованная критика, с которой столкнулась гипотеза неаккузативности как таковая, – рассогласованность различных синтаксических диагностик². Фактически выделить пучок синтаксических критериев, дающих один и тот же результат на множестве всех глаголов одного языка (не говоря уже о том, чтобы нескольких), так и не удалось; кроме того, нередко один и тот же глагол ведет себя по-разному в зависимости от семантического контекста. Поэтому современные исследователи, использующие понятие «неаккузативности», апеллируют к тому или иному семантическому механизму, модифицирующему и/или определяющему действие механизма синтаксического; это заметно, впрочем, уже в работах Перлмуттера и особенно Левин и Раппапорт. «Нигилистическая» гипотеза, согласно которой «неаккузативная» синтаксическая структура носит совершенно произвольный характер и лишена семантической основы [Rosen 1984],

¹ Выбору вспомогательного глагола посвящена наша статья [Сичинава 2008], первоначальная версия которой была написана в 2005 г. К сожалению, к моменту выхода этой статьи из печати мы еще не имели возможности ознакомиться с рецензируемым сборником, и в частности, с работой К. Аарона Смита, где есть любопытные соображения по затронутой нами проблематике (см. ниже).

² Наиболее развернуто критика теории неаккузативности представлена в книге [Kuno, Takami 2004]. В рецензируемом сборнике эта книга ни разу не упоминается. Это отмечено и в другой известной нам рецензии на сборник под редакцией Арановича, автором которой является немецкий лингвист, известный, в частности, как кавказовед, Вольфганг Шульце (<http://www.cogling.org/Reviews/aranovich.shtml>). Конечно, это можно отчасти объяснить тем, что книга Куно и Таками основана на материале английского языка, в котором выбора вспомогательного глагола нет, но все же общие вопросы теории неаккузативности и другие ее диагностики разбираются в статьях сборника нередко.

сейчас уже не поддерживается (это отмечено и в обзоре П.М. Аркадьева), а факты, вызвавшие ее (разное поведение синонимичных глаголов в разных языках), теперь объясняются при помощи механизма семантических шкал (см. ниже).

Как реакция на гипотезу Перлмуттера в работах 1990-х годов развитие получила также тенденция поиска чисто семантических критериев выбора вспомогательного глагола. Так, Даути [Dowty 1991] предложил анализировать выбор не в синтаксических – «субъект» и «объект» – а в семантических – «агенс» и «пациенс» – терминах. Иными словами, глагол 'падать' не потому выбирает вспомогательный глагол 'иметь', что на глубинном уровне не имеет подлежащего, а потому, что единственный его актант семантически ближе к пациенсу, чем к агенсу. Даути же принадлежит идея о том, что у разных глаголов субъект может быть в разной степени ближе к «прототипическому агенсу» (когда выбирается глагол 'иметь') и к «прототипическому пациенсу» (когда предпочитается глагол 'быть').

К семантическому анализу не актантов, а предиката обращается целый ряд других исследователей, включая Либера и Баайена [Lieber, Baayen 1997] на материале нидерландского языка. С их точки зрения, ключевым признаком, определяющим выбор глагола *zijn* 'быть', является выводимость позиции или состояния (*inferable eventual position or state*), например, этот признак имеется у таких глаголов, как *komen* 'приходить' и *groeien* 'расти'. Чрезвычайно важно, что эти семантические параметры не задаются просто глагольной лексемой как таковой (как часто предполагается в «немодифицированных» синтаксических версиях гипотезы неаккузативности). Роль играет наличие в предложении обстоятельств, придающих предикату ту или иную семантическую интерпретацию. Например, было показано, что в том же нидерландском языке глагол 'бежать' (*Hij heeft gelopen* 'он побежал') сам по себе выбирает глагол 'иметь', но с соответствующим наречием становится глаголом предсказуемо направленного действия (предельным глаголом) и сочетается со вспомогательным 'быть' (*Hij is naar huis gelopen* 'он побежал домой') [Zaenen 1993].

Наиболее интересная область при анализе выбора вспомогательных глаголов – это разное поведение синонимичных глаголов в разных языках. При этом обнаруживается ряд явлений, труднообъяснимых в рамках представлений о некоем общем синтаксическом механизме, не модифицируемом семантикой и особенностями конкретных языков. Так, возвратные глаголы в немецком языке не выбирают глагола 'быть', несмотря на явно пассивный смысл: *Dieser Wagen hat sich gut verkauft* букв. 'Эта машина хоро-

шо продаться', а в датском и том же немецком глагол 'быть' выбирают некоторые переходные глаголы, что гипотезе Перлмуттера не отвечает вообще (неаккузативные глаголы, по крайней мере, в первоначальной версии данной терминологии – подкласс непереходных). Но, как ни парадоксально, сравнение подобных систем ставит трудные вопросы и перед сторонником семантического, а не синтаксического подхода к выбору вспомогательных глаголов. Ведь только немногие семантические классы предикатов ведут себя во всех европейских языках одинаково – это глаголы деятельности (например, 'работать'), при которых всегда используется вспомогательный глагол 'иметь', и глаголы направленного изменения местонахождения (например, 'приходить'), всегда требующие глагола 'быть'. Что касается остальных семантических классов, то, даже если взять четыре крупнейших литературных европейских языка с таким разграничением, обнаруживается следующее неоднозначное распределение:

	Итальянский	Немецкий
Направленное изменение положения	БЫТЬ	БЫТЬ
Направленное изменение состояния	БЫТЬ	БЫТЬ
Неопределенное изменение положения	ИМЕТЬ/ БЫТЬ	БЫТЬ
Неопределенное изменение состояния	БЫТЬ	БЫТЬ
Продолжение состояния	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Существование и появление	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Деятельность	ИМЕТЬ	ИМЕТЬ

	Нидерландский	Французский
Направленное изменение положения	БЫТЬ	БЫТЬ
Направленное изменение состояния	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Неопределенное изменение положения	ИМЕТЬ/БЫТЬ	ИМЕТЬ

Неопределенное изменение состояния	ИМЕТЬ/БЫТЬ	ИМЕТЬ
Продолжение состояния	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Существование и появление	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Деятельность	ИМЕТЬ	ИМЕТЬ

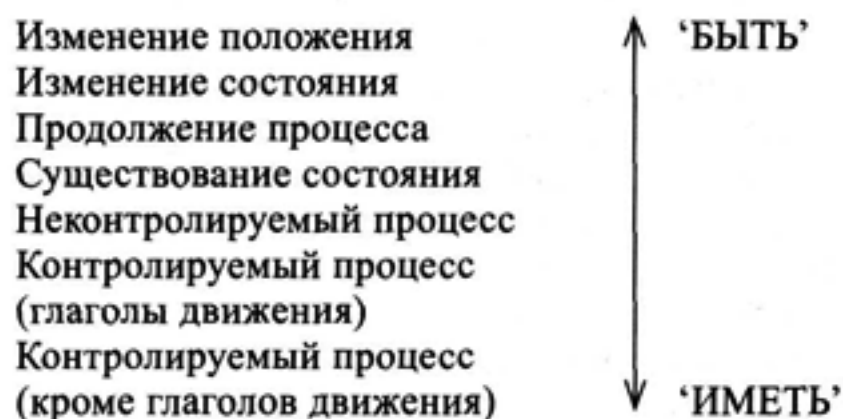
Помимо того, что в разных языках выбор делается по-разному, можно также заметить, что в ряде языков феномен выбора вспомогательного глагола представлен вообще шире, чем в других. Так, в литературном итальянском языке, на материале которого Перлмуттер и Бурцио прежде всего и строили свои синтаксические гипотезы, круг глаголов, допускающих вспомогательное 'быть', очень широк, в то время как в современном французском языке имеется всего 21 такой непроемный глагол [Abeillé, Godard 2002].

Надо отметить, что подобный сравнительный анализ поставил в тупик многих исследователей, выступавших за синтаксическую гипотезу неаккузативности. Так, мы уже упоминали, что предполагалось считать границы между неаккузативными и прочими глаголами в каждом языке совершенно произвольными и никак не связанными с семантикой [Rosen 1984]. Выдвигалась и прямо противоположная точка зрения, согласно которой языковое явление с такой пестрой картиной в разных языках вообще не связано с универсальной неаккузативностью, по крайней мере, в таком языке со «скупым» выбором вспомогательного глагола, как французский [Legendre 1989].

С нашей точки зрения, весьма эффективен обобщающий семантический подход, в последнее десятилетие активно реализуемый А. Сораче и ее сотрудниками, хотя, вероятно, он и нуждается в некоторой корректировке и развитии. Представить данную информацию можно при помощи так называемой семантической иерархии, а именно, выстроив семантические классы в такой последовательности, чтобы через любую ее точку могла проходить «граница» между преимущественным выбором 'иметь' и 'быть'. Иными словами, если некоторый семантический класс глаголов в некотором языке допускает выбор глагола 'быть', то его должны допускать в этом языке и все семантические классы, находящиеся между данным классом и соответствующим глаголу 'быть' краем шкалы. На краях шкалы должны, таким образом, находиться уже названные классы,

которые выбирают, соответственно, 'быть' и 'иметь' во всех языках.

В обобщающей работе по выбору вспомогательного глагола в европейских языках [Sorace 2000: 863] предложена следующая семантическая иерархия выбора вспомогательного глагола в языках Европы:

В основу данной иерархии положены различные критерии, собственно семантические (глаголы движения, контролируемость) и аспектуальные (процесс, состояние).

В целом статья Арановича удачно освещает нынешнее состояние проблемы и проницательно указывает на сильные и слабые места различных предлагавшихся подходов. Отметим неточность на с. 13, где как будто бы утверждается, что во французском языке глагол *être* 'быть' спрягается с самим этим глаголом в качестве вспомогательного; в литературном языке это не так (*j'ai été*, ср. обсуждение этого вопроса в статье Ж. Лежандр из рецензируемого сборника, с. 174); как говорит добрая старая «Грамматика Пор-Рояля», форму *je suis été* якобы употребляют лишь «валлоны, говорящие на плохом французском».

К. Арнетт рассматривает «Параметры переходности и выбор вспомогательного глагола у изучающих немецкий язык как иностранный». Оказывается, что в ходе изучения немецкого языка учащиеся по-разному усваивают распределение вспомогательных глаголов *haben* и *sein* в зависимости от того, какой аспектуальный параметр (которые автор относит к «transitivity parameters» по Хопперу и Томпсон) играет роль у тех или иных глаголов; распределение у предельных глаголов выучивается позже, чем у пунктивных. Эксперимент состоял в описании картинок с использованием Perfekt. При этом сами учащиеся таким аспектологическим аппаратом не владеют и дают совсем другие, крайне разнообразные объяснения мотивации выбора (в основном связанные с понятием глаголов движения). Нам представляется, что эксперимент можно было бы дополнить заполнением анкет с разнообразными глаголами, что дало бы более дифференцированные результаты и позволило бы использовать при их анализе больше параметров (даже не выходя за рамки используемых теоретических предпосылок).

Совместная статья румынской исследовательницы Л. Аврам и В. Хилл из Канады посвящена проблемам вспомогательных 'быть' и 'иметь' в румынском; работа в значительной степени опирается на генеративистский аппарат. Известно, что дако-романские говоры демонстрируют большую вариативность в выборе этих показателей, причем часто они связаны с распределением по грамматам времени и наклонения, а не по семантике глагола: так, в аналитическом плюсквамперфекте и в предбудущем, представленных в говорах, употребляется вспомогательный глагол 'быть', а в перфекте – 'иметь' [Marin 1985]. В литературном румынском, как показано в статье, неизменяемый показатель *fi* 'быть' выступает в значении ирреального наклонения (по структуре напоминающего³ славянское условное наклонение на *бы-*, где вспомогательный глагол в ряде языков разных ветвей, в том числе и в русском, превратился в модальную частицу), а кроме того, некоторые «неаккузативные» глаголы допускают в качестве варианта перфекта остаточную пассивообразную конструкцию с 'быть' и согласованием причастия, что напоминает английское *he is gone, the sun is set* и подобное. Авторы показывают на основании различной сочетаемости и синтаксических тестов, что мы имеем дело с двумя разными грамматикализациями *fi*, что, на наш взгляд, очевидно уже из морфологических различий и вряд ли нуждается в таком подробном доказательстве. Обсуждаются также возможные синтаксические структуры конструкций и интерпретация согласования в них, в духе последних хомскианских моделей. К сожалению, авторы не указывают, какие именно румынские глаголы допускают перфектную конструкцию с 'быть' и не анализируют семантики этих конструкций (не идет ли здесь речь о результате, а не о перфекте, как в некоторых других балканских языках, например, македонском?).

Статья М. Ченнамо и А. Сораче «Выбор вспомогательного глагола и расщепленная непереходность в падуанском диалекте: вариативность и лексико-аспектуальные ограничения» наглядно показывает, что для изучения нашей проблематики не очень осмысленно говорить, например, об «итальянском языке» вообще, как это делалось, например, во многих работах 1970–1980-х годов. Многочисленные итальянские диалекты, например, демонстрируют столь же разные модели разграничения между *essere* и *avere*, что и различные литературные языки; кроме того, во многих диалектах разграничения

³ Характерно, что *fi*, в отличие от *am* – энклитика, с которой не может начинаться предложение (как и русское *бы*).

нет, поскольку формы этих глаголов смешиваются фонетически [Tuttle 1986]. В результате проведенного авторами исключительно тщательного исследования выяснилось, что распространение 'быть' как вспомогательного глагола в падуанском диалекте устроено совершенно иначе по сравнению с литературным языком, но при этом соблюдается семантическая иерархия. Кроме того, в падуанском диалекте не наблюдается соответствия между выбором вспомогательного глагола и другими предполагаемыми синтаксическими характеристиками неаккузативности. В обширной и содержащей много ценных примеров статье есть несколько технических погрешностей, например, на с. 75 «мальчики» из подстрочной нотации превращаются в «я» в переводе; на с. 79 и в ряде других мест заметна непоследовательность в используемой авторами падуанской орфографии – например, [k] пишется то как *c*, то как *k*.

Статья Б. Дринки «Развитие перфекта с ИМЕТЬ: взаимовлияние греческого и латинского языков», к сожалению, представляет интерес только как образец парадоксальности мышления и эрудиции, но для лингвистики вряд ли что дает. Она мало соответствует теме сборника: проблема выбора между конструкциями с 'иметь' и 'быть' не обсуждается. На тему истории европейского перфекта профессор Дринка, как указано на ее домашней странице в Интернете (<http://colfa.utsa.edu/English/drinka.html>), готовит целую книгу (*Language contact in Europe: The perfect tense through history // Cambridge University press*); подождем ее, но представленные аргументы нас пока никак не убеждают. О концепции американской исследовательницы критически уже говорилось [Abraham 2004]; говоря коротко, она основывается на моногенезе перфекта с глаголом 'иметь' – такой перфект якобы возник только в греческом языке, а все остальные конструкции этого типа в Европе суть результат заимствования. Аналитический перфект, по Дринке, фактически повторяет путь европейской цивилизации: у греков его взяли, вместе со многим другим, «грубые победители» римляне, у тех его скопировали после крещения германские варвары (даром что еще тысячу с лишним лет не имевшие своей Библии), а утрата этой формой значения перфекта распространилась по всей Европе от северных, самых столичных и престижных, французов. Типологический опыт, однако, подсказывает, что перестройка грамматических категорий чрезвычайно редко происходит таким элитарным путем, а повторяемость ситуации вообще ставит всю конструкцию за пределы вероятного. В принципе, калькирование латинского перфекта в германские в свое время считал возможным Ж. Вандриес, но по-

сле работ Э. Бенвениста или Ю.С. Маслова по истории глагольных систем в Европе подобная культурная эстафета представляет собой явный научный анахронизм. Тот же В. Абрахам в своей работе хорошо показал, что развитие аналитического прошедшего носит заведомо независимый характер в трех германских языках, разделенных территориально (немецкий, восточные диалекты языка идиш и африкаанс). В данной статье, посвященной взаимовлиянию латыни и греческого, аргументы автора чисто умозрительны; при этом имен Вандриеса или Бенвениста в списке литературы нет, нет и ответа на критику Абрахама. На с. 102 утверждается, что латынь не могла построить перифрастический перфект «сама», потому что в ней, в отличие от греческого, отсутствовала «отдельная [от аориста] категория перфекта». Разве не тривиален тот факт, что глагольная категория может «вырасти» в системе на чистом месте, что глагольные системы могут качественно меняться, а не только обновлять материал в одних и тех же клетках? Далее говорится, что «греческий был первым языком Европы, где ИМЕТЬ стало вспомогательным глаголом»; много ли мы вообще знаем о других языках Европы того времени, в том числе соседях латинского, и особенно об их аналитических формах? Далее внезапно автор уже не решается настаивать на «внешнем объяснении» (с. 108), ссылаясь на определение кальки как «увеличения частоты структуры, уже существующей в языке» (отсюда как будто бы выходит, что повышенная частота *habere* в «эллинизированном» языке Витрувия или Цицерона ничего не говорит об истоках этой конструкции в народной латыни или романских языках); тем охотнее здесь мы с ней согласны.

Статья В. Ли-Шёнфельд «Агентивность vs. выбор вспомогательного глагола» носит полемический характер и в значительной части представляет собой обсуждение двух работ о другом критерии неаккузативности – прономинальном связывании в конструкциях типа *Accusativus cum infinitivo* с *lassen* (и некоторыми другими глаголами) в немецком языке. Автор, признающий понятие неаккузативности (которая, с ее точки зрения, непосредственно семантически обусловлена агентивностью глагола) и используя синтаксические критерии, при этом решительно утверждает, что выбор вспомогательного глагола не имеет к неаккузативности отношения. Это уже отмечалось на материале немецкого языка (отметим интересную работу [Diedrichsen 2002], не упомянутую в статье, где предлагается оригинальная семантическая иерархия выбора вспомогательного глагола).

Ж. Лежандр в своей статье «Оптимизация выбора вспомогательного глагола в романских

языках», одной из самых оригинальных и интересных в сборнике, предлагает построение иерархии принципов выбора вспомогательного глагола на основе теории оптимальности (недавно в ВЯ этой теории был посвящен содержательный обзор П.В. Иосада, № 4, 2008). Результаты Лежандр (под пером которой писатель Амброз Бирс почему-то превратился в Пирса, с. 149) представляют большой интерес с внетеоретической точки зрения как уточнение линейной семантической иерархии, предложенной А. Сораче (см. выше). С точки зрения Лежандр, поверхностные различия между французским и немецким или нидерландским или немецким языком объясняются переранжированием (*re-ranking*) тех или иных ограничений. Построенная ей модель проходит впоследствии проверку на материале германских и романских языков, а кроме того, рассматриваются диахронические сдвиги в иерархии правил (на примере испанского языка начиная с XIV в.). Лежандр полагает, что соответствующие ограничения сами по себе носят чисто семантический характер (включая даже выбор вспомогательного глагола для пассива с 'быть' в контекстах вроде франц. *ont été reconstruits* / итал. *sono stati ricostruiti*), но совместимы с синтаксическими тестами неаккузативности (так, она склоняется к точке зрения, согласно которой выбор вспомогательного глагола является показателем неаккузативности в итальянском, но не во французском). Отметим в ее работе указание на уникальный материал сардинского нуорского диалекта (с. 177), где по-разному ведут себя одинаково маркируемые *s'*- прямой и косвенный рефлексив (к сожалению, в приводимом примере на косвенный объект анализ ситуации затрудняется тем, что семантически это не рефлексив, а реципрок – 'писать письма друг другу').

Статья Лю Фэнси из Аризоны о выборе вспомогательного показателя в китайском языке касается распределения двух показателей *-le* и *-zhe* не в перфекте, а в специфической локативной конструкции с инверсией, которая скорее передает результативное значение (на английский или русский язык она переводится страдательным залогом). Оказывается, что их распределение достаточно близко соответствует иерархии Сораче, а ключевыми параметрами при этом оказываются предельность и динамичность ситуации. Характерно, что часто выбор показателя зависит от семантики актантов, например, с глаголами положения возможны оба показателя при одушевленном актанте, но лишь *-zhe* при неодушевленном (с. 190). Лю подробно сопоставляет, разбирая работы предшественников, синтаксический (в русле теории неаккузативности) и семан-

тический подходы к распределению этих показателей и высказывается в пользу второго, опираясь, в частности, на то, что китайские глаголы с пониженной валентностью («детранзитивированные»), точно так же, как и непереходные, демонстрируют семантический выбор показателей, а не ведут себя единообразно в соответствии со своим синтаксическим статусом. С ее точки зрения, нет убедительных аргументов в пользу того, что синтаксическая неаккузативность в китайском вообще существует.

Работа Дж. Рэндалл «Параметризованный выбор вспомогательного глагола» (в подготовке исследования участвовали также Х. Баайен и другие специалисты института психолингвистики в Неймегене) представляет собой «ответ» сторонников теории неаккузативности на критику со стороны сторонников семантического подхода. Автор одним из немногих в сборнике поддерживает тезис о том, что выбор вспомогательного глагола имеет отношение к неаккузативности / неэргативности, хотя и признает все сложности, на которые этот тезис наталкивается. Критикуя поход Сораче, автор строит собственный синтактико-семантический интерфейс – «параметризованные связи» (*parameterized linking*). Независимо от того, принимать или нет теоретические построения Рэндалл, некоторые ее критические замечания к иерархии Сораче кажутся важными и обоснованными – в частности, одномерность этой иерархии при наличии в ней нескольких параметров (с. 217); примерно эту же проблему пытается решить система правил, построенная Ж. Лежандр в соответствии с теорией оптимальности (см. выше).

Статья Ли Сонха «Выбор частиц при образовании вспомогательного показателя в корейском языке» представляет собой очень хороший очерк грамматикализации ряда корейских видо-временных форм, который, к нашему глубокому сожалению, в данном сборнике просто не на месте (ни противопоставления глаголов «иметь» и «быть», ни дополнительного распределения показателей в зависимости от свойств предиката в корейском языке нет). Речь идет о четырех показателях – результативе, прошедшем времени (редупликация претерита представляет собой плюсквамперфект), прогрессиве (приобретающем значение имперфектива) и будущем времени. Все они, что нечасто в истории грамматикализации, представляют собой потомков одного и того же полнозначного глагола – *iss-* 'существовать' в сочетании с различными «частицами», две из которых носят консекutive семантику, а третья означает образ действия (результатив *-eiss-* и претерит *-ess-* имеют одинаковую этимологию).

Именно взаимодействие семантики частиц и причины возникновения тех или иных путей грамматикализации и обсуждается в работе; в частности, грамматикализация консеквтивных частиц стала возможной благодаря развитию в корейском языке сериализованных глагольных конструкций. В статье активно привлечен диахронический материал, используются работы Дж. Байби, Э. Даля, П. Хоппера, Б. Хайне, С. Деланси и других типологов и специалистов по грамматикализации. Недоумение вызывает, особенно в устах типолога, тезис, согласно которому отсутствие в корейском языке до современного периода плюсквамперфекта с удвоением показателя претерита – *-ess-ess-* – следует считать свидетельством того, что корейский плюсквамперфект возник под пером переводчиков с иностранных языков, заполнявших «функциональную лауну» (с. 247). Крайние формы этого «диффузионизма», согласно которому грамматика с легкостью заимствуется со стороны культурным путем, а не в условиях массового двуязычия, мы уже критиковали, говоря о статье Б. Дринки. Напомним, что корейский плюсквамперфект – редчайший образец иконичного удвоения показателя прошедшего времени – имеет типологические параллели не в тех «иностранных языках», с которых что-то переводилось на корейский (там плюсквамперфект образуется из вспомогательного глагола в прошедшем времени и причастия), а в таких языках, как адыгейский или дьола в Сенегале. Что же касается позднего появления плюсквамперфекта в корейском языке, то достаточно указать на то, что и сам показатель прошедшего, послуживший основой для редупликации, появился, как отмечает сам исследователь, не прежде XVII века [ibid.].

К.А. Смит в работе «Использование языка и выбор вспомогательного глагола в перфекте» затрагивает чрезвычайно интересную для рецензента проблематику. Давно и хорошо известно, что с диахронической точки зрения языки «дрейфуют» по шкале выбора вспомогательного глагола. В частности, современные языки, где такого выбора нет, и представлен только глагол ‘иметь’ (английский, испанский, шведский), в прошлом использовали также и глагол ‘быть’, употребительность которого сужалась в соответствии со шкалой Сораче, пока не была пройдена конечная ее точка. Относительно староиспанского языка это хорошо показано в работе [Arapovich 2003] (диахронический испанский материал разбирается также в работе Ж. Лежандр), о корреляции формы с семантикой в английском см. [Lipson 1999]. Этот процесс вызывает, в частности, интерес и в связи с тем, каковы причины изменений, приводящих язык к утрате выбора вспомога-

ного глагола, и наоборот, почему ряд языков Европы решил этот выбор сохранить.

В нашей работе [Сичинава 2008] (как уже сказано, статья написана в 2005 г., но до ее выхода мы не имели возможности ознакомиться с рецензируемым сборником) выдвинута гипотеза, согласно которой сохранение двух различных форм перфекта (не обязательно с выбором вспомогательного глагола, но такой класс случаев самый большой) типологически обусловлено семантической утратой перфектной специфики. Так, и во французском, и в немецком, и в северных диалектах итальянского, и в нидерландском, и в датском перфект утрачивает значение достигнутого состояния или актуального результата и начинает употребляться в нарративе, как форма простого прошедшего. Напротив, в случае сохранения перфектом своей специфики происходит унификация формы – ровно это и случилось в языках севера и юга Европы (испанский, центр и юг Италии, английский, скандинавские, кроме датского; в исландском имело место особое развитие с появлением экспериенциального значения). В нашей работе мы предложили объяснение данного факта, связанное с семантической неустойчивостью перфекта и с потребностью его в формальном закреплении (в духе статьи [Lindstedt 2000]). Данный вывод в нашей статье подкреплен параллелями за пределами европейского ареала – в семитских, древних и новых индоевропейских, старояпонском языке.

В работе Смита та же проблематика ставится на материале контрастивного анализа английского и немецкого языков. К. Смит предполагает, что закрепление выбора вспомогательного глагола связано с тем, что аналитический перфект, приобретая функции общего прошедшего времени, становится более частотным в речи, тем самым более редкая конструкция с глаголом ‘быть’ конкурирует не с двумя временными формами (одна из которых – похожая на нее с глаголом ‘иметь’, а другая – непохожее общее прошедшее), а только с одной. Нам представляется, что это объяснение дополняет наше, и что оба этих фактора поддерживают друг друга. Вместе с тем отметим, что в системах с сохраняющимся перфектным значением формальное упрощение сопровождается системным усложнением и выработкой нового результата (как это происходит в некоторых скандинавских или иберо-романских идиомах), так что проблема исторического перераспределения вспомогательных глаголов еще ждет решения в общем виде.

Подводя итоги, отметим, что для любого исследователя отношений между синтаксисом и семантикой, лингвиста, занимающегося семан-

тической классификацией предикатов, типолога, изучающего аналитические конструкции, романиста или германиста, интересующегося историей и диалектным распределением глагольных форм – вероятно, этот список далеко не полон – книга представляет собой важное и содержательное чтение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркадьев 2008 – П.М. Аркадьев. Структура события и семантико-синтаксический интерфейс. Обзор новейших работ // ВЯ. 2008. № 2.

Плунгян, в печати – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., (в печати).

Сичинава 2008 – Д.В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта: Одна неизученная закономерность // Динамические модели: Сб. статей в честь Е.В. Падучевой. М., 2008.

Abeillé, Godard 2002 – A. Abeillé, D. Godard. The syntactic structure of French auxiliaries // Language. 78. 3. 2002.

Abraham 2004 – W. Abraham. The european emergence of the periphrastic perfect: An autonomous, parsing-driven development // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филол. фак-та СПбГУ. СПб., 2004.

Aranovich 2003 – R. Aranovich. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish // Studies in language. 27. 2003.

Burzio 1986 – L. Burzio. Italian syntax: A government-binding approach. Dordrecht, 1986.

Diedrichsen 2002 – E. Diedrichsen. Zu einer semantischen Klassifikation der intransitiven *haben-* und *sein-*Verben im Deutschen // G. Katz, S. Reinhard, Ph. Reuter (eds.). Sinn und Bedeutung VI, Proceedings of the Sixth annual meeting of the Gesellschaft für Semantik. University of Osnabrück, 2002.

Dowty 1991 – D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 67. 1991.

E. Keliĥ. Geschichte der Anwendung quantitativer Verfahren in der russischen Sprach- und Literaturwissenschaft (Studien zur Slavistik, Bd. 19. Hamburg 2008, Verlag Dr. Kovač, 350 S.). ISBN: 978-3-8300-3575-6

В рецензируемой монографии «История применения количественных (количественных) методов в русском языковедении и литературоведении» обобщены результаты многолетних исследований Э. Кели. Автор книги последовательно излагает историю и эволюцию статисти-

Kuno, Takami 2004 – S. Kuno, K. Takami. Functional constraints in grammar. Amsterdam; Philadelphia, 2004.

Legendre 1989 – G. Legendre. Unaccusativity in French // Lingua. 79. 1989.

Levin, Rappaport-Hovav 1995 – B. Levin, M. Rappaport-Hovav. Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge (Mass.), 1995.

Lieber, Baayen 1997 – R. Lieber, H. Baayen. A semantic principle of auxiliary selection in Dutch // Natural language and linguistic theory. 15. 1997.

Lindstedt 2000 – J. Lindstedt. The perfect – aspectual, temporal and evidential // Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000.

Lipson 1999 – M. Lipson. Co-variation of form and meaning in the loss of auxiliary selection in English // R. Eckardt, K. von Stechow (eds.). Meaning change – meaning variation. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999. V. I.

Marin 1985 – M. Marin. Formes verbales périphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains // Revue roumaine de la linguistique. 30. 1985.

Perlmutter 1978 – D. Perlmutter. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the fourth annual meeting of the Berkeley linguistic society. Berkeley, 1978.

Rosen 1984 – C. Rosen. The interface between semantic roles and initial grammatical relations // D. Perlmutter, C. Rosen (eds.). Studies in relational grammar. 2. Chicago, 1984.

Sorace 2000 – A. Sorace. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // Language. 76. 2000.

Tuttle 1986 – E.F. Tuttle. The spread of *esse* as universal auxiliary in Central Italo-Romance // Medioevo Romano. 11. 1986.

Zaenen 1993 – A. Zaenen. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // J. Pustejovsky (ed.). Semantics and the lexicon. Dordrecht, 1993.

Д.В. Сичинава

стических и других количественных методов исследования в русской лингвистике и в традиции лингвистического анализа текста.

Монография Э. Кели включает в себя помимо вступления и заключения девять глав, в которых подробно излагается история развития

и распространения количественных методов в русском, советском и российском языкознании и литературоведении.

В первой главе автор задает цели, методы и материал своего исследования, оговариваясь, что он не проводит различия между терминами «квантитативные» и «статистические» методы, понимая под ними собственно статистические методы исследования, элементы теории вероятности, дифференциальных уравнений и теорию графов.

Обращаясь к истории вопроса и кратко реферируя традиционные изложения истории развития лингвистической теории в России, Э. Кели отмечает, что хотя ряд авторов и указывают на повышение интереса к точным, математическим методам изучения языкового материала в 1960-е годы, в целом данные исследования были и остаются скорее на периферии интересов традиционного литературоведения и языковедения.

Поэтому целью своего обзора Э. Кели декларирует не только выявление актуальных квантитативных методов и теорий в тот или иной период развития филологических наук в России, но и создание цельной картины эволюции данных методов, определения их истоков и путей дальнейшего развития. При этом автор как намеренно отказывается от каких-либо качественных оценок тех или иных методов с точки зрения их правомочности или корректности, так и не использует математический аппарат при их описании.

В качестве материала исследования автор определяет работы «русских» филологов, языковедов и литературоведов, т. е. писавших или пишущих на русском языке и работавших или работающих на территории стран, в свое время входивших в состав Советского Союза.

Во второй главе описаны первые попытки исследования текста методами точных наук. Они относятся автором к середине XIX века, когда русский математик и статистик В.Я. Буныковский, размышляя о новых сферах применения бурно развивавшихся в то время статистических методов, обратил свое внимание на проблемы языковедения.

В то же время в рамках сравнительно-исторического языкознания такими учеными как А.С. Будилович (исследование частотности букв в старославянских текстах), М.А. Дикарев (сравнительные подсчеты частотности гласных и согласных в русском и украинском языках) были проведены первые статистические подсчеты на лингвистическом материале. Уже в этих первых работах были поставлены вопросы, релевантные и для последующих статистических фонетических и фонологических исследований.

На вторую половину XIX века приходится и фактически первые попытки статистического анализа стиха, хотя еще Тредиаковский и Сумароков в своих трудах о природе и путях развития русского стиха опирались на подсчеты по стиховому материалу. Но именно в работах А.Х. Востокова и Н.Г. Чернышевского начинают формироваться методологические подходы, которые станут позже основой квантитативного анализа стиха начала XX века.

Так, в своей рецензии на изданное под редакцией П.В. Анненкова собрание сочинений Пушкина Н.Г. Чернышевский проверяет методом частотно-статистического анализа чисто интуитивно высказанное утверждение Анненкова о ямбе как доминантном размере не только у Пушкина, но и во всей русской поэзии XIX века.

А.Х. Востоков в своей работе «Опыт о русском стихосложении» размышляет о количественном арсенале русских стиховых размеров, о длине стиха и о частотности метрических форм русского стиха.

В области лексикографии и анализа текста Э. Кели указывает так же на ряд работ, предвосхищающих создание частотных словарей.

В целом филология XIX века лишь наметила основные направления дальнейшего развития квантитативных методов исследования языкового материала, ограничившись простейшими методами частотно-статистического анализа. Но уже тогда проявились многообещающие перспективы совместных исследований языка со стороны как математики, так и филологии.

Более широкое употребление данные методы нашли в первой трети XX века. Этому периоду развития квантитативных методов лингвистического анализа в монографии посвящены две наиболее объемные главы, третья и четвертая.

В третьей главе описана работа Казанской лингвистической школы, освещены прикладные аспекты применения данных методов лингвистических исследований (в создании алфавитов, методиках обучения языку, типографии и стенографии), показан интерес к исследованию языка со стороны математиков и прослежен процесс сближения языковедения и литературоведения за счет использования статистических методов исследования.

Начало XX века характеризовалось двумя основными направлениями статистических исследований языкового материала. Труды двух ученых, математика, занимающегося теорией вероятности А.А. Маркова, и культуролога, философа и филолога Н.А. Морозова, находятся на противоположных полюсах исследований. Со стороны точных наук шли поиски нового эмпирического материала, на котором можно

было бы проверить разработанные теории; гуманитарии пытались «поверить алгеброй гармонию», иногда не умея совместить выводы с результатами подсчетов.

В центре внимания находятся интересные и оказавшие большое влияние на последующее развитие точных методов в лингвистике исследования, опирающиеся прежде всего на идеи Бодуэна де Куртенэ, рассматривавшего статистику в качестве вспомогательного направления лингвистики, позволяющего систематически описывать языковые явления.

Второй важной функцией статистического анализа считалось в тот момент сравнение лингвистических явлений по их количественным характеристикам.

Основные научные результаты были достигнуты в области фонетики (частотность гласных и согласных), на их основе производились классификации языков или текстов. По аналогии проводились текстологические исследования на базе подсчетов синтаксических параметров (частота или длина синтаксического элемента); частотные исследования звуко сочетаний, морфем, глагольных форм, частей речи и т. д. Данные исследования проводились как на синхронном, так и на диахронном материале, что говорит о многогранности и многофункциональности использования статистических методов в языкознании.

Необходимо заметить, что в данный период филологи пользовались в основном самыми простейшими методами статистики: вычислялись абсолютная или относительная частота того или иного параметра, значительно реже вводились такие понятия как средняя величина. Иными словами, к концу 1920-х годов стали очевидны преимущества использования количественных методов в языкознании. И тем самым был заложен солидный камень в основание будущих статистических исследований языковых явлений, сама же разработка и расширение математического аппарата оставались пока делом будущего.

Параллельными путями развивалось и так называемое точное литературоведение. Ему посвящена четвертая глава монографии, открывающаяся подробным анализом работ стихотворца и стиховеда Андрея Белого, как никто другой повлиявшего на развитие стиховедческой науки XX века.

Не менее подробно излагаются в данной главе результаты исследований крупных стиховедов того времени Г.А. Шенгели, Б.В. Томашевского и Б.И. Ярхо.

Э. Кели различает три этапа развития точного литературоведения.

Первый включает в себя деятельность Андрея Белого, введшего в стиховедение ста-

тистические подсчеты в своей программной книге «Символизм». Общий интерес к стиху, его строению, закономерностям и его отличительным чертам в противоположность к прозе, характерные для того времени, были благоприятной почвой для развития стиховедения. Особую роль сыграла «точная эстетика» Андрея Белого, совместившая в себе эмпирический интерес к стиху и методику исследования, заимствованную у естественных наук. Основным предметом исследования на первом этапе развития точного стиховедения стали ритмические вариации метров (пропуски метрического ударения), затем частотность пауз и так называемая «словесная инструментовка».

Второй этап определяется автором как дескриптивно ориентированная фаза исследования стиха, целью которой становится прежде всего описание метрического и ритмического уровня строения стиха. Наиболее яркими представителями данного этапа развития стиховедения являются Г.А. Шенгели и Б.В. Томашевский. Вклад первого определяется автором как эмпирический, несущий ценную информацию о строфической структуре стиха и о роли ударения в нем. Заслуги Томашевского заключаются прежде всего в содержащихся в его трудах размышлениях над значением статистических методов для литературоведения.

Последний, третий этап в развитии количественных методов в литературоведении первой трети XX века ознаменован деятельностью Б.И. Ярхо, который сумел совместить статистические методы, формальный анализ текста и методику лингвистического анализа в «точном» литературоведении. Он понимал литературоведение как отдельную научную дисциплину, характеризующуюся точностью, присущей естественным наукам, и использующую для анализа текста методический арсенал статистики и лингвистики.

Пятая глава монографии начинается с краткого экскурса в самый печальный период истории лингвистических наук в Советском Союзе, когда по воле всемогущих идеологов от науки была насильно прервана эволюция количественных методов.

Лишь с конца пятидесятых годов началось возвращение данных методов в арсенал наук о языке, что было поддержано и административно. Интерес к проблемам теории информации, машинного перевода и исследования языка и речи при помощи ЭВМ «наверху» привел к созданию кафедр и отделов, занимающихся такими исследованиями. Университетам была предоставлена возможность готовить специалистов по структурной и прикладной лингвистике, лингвистической статистике (лингвостатистике). Бурное развитие количественных

методов поддерживалось и фиксировалось в докладах многочисленных конференций и сборниках статей по данной проблематике. При этом области применения данных методов значительно расширились, что отразилось в ряде междисциплинарных проектов на стыке лингвистики и технических наук. В языковедении количественные методы применялись при изучении всех языковых уровней. Так, автором упоминаются исследования частотности звуков и фонем, частей речи и падежных окончаний, длины предложений и частотности словосочетаний, работы по статистической лексикографии, необходимой для создания машинных словарей. Такие направления науки о языке, как типология и сравнительно-историческое языковедение, семиотика, психолингвистика также взяли на вооружение данные методики.

Особенно отмечает Э. Кели открытость и интерес советских лингвистов и математиков к современным статистическим теориям, развивавшимся параллельно на Западе. Так, он подчеркивает важность появления уже в те годы работ, в которых применялся метод анализа, основанный на так называемом Законе Ципфа.

Несколько позже, в начале 1960-х годов, вернулись количественные методы исследования в советское литературоведение, прежде всего в стиховедение, что подчеркивает связь новых работ с традициями статистических исследований стиха начала XX века. Замечательно для данного периода было то, что интерес к изучению стиха точными методами рос не только со стороны литературоведов, но и из рядов математиков. Особенно подчеркивает Э. Кели важность исследований группы под руководством А.Н. Колмогорова. Наибольших успехов удалось достичь в изучении метрики и ритмики русского стиха, что вывело советское стиховедение на передовые позиции в мире.

Кроме того, автор упоминает работы, проведенные в рамках исследований стилового и жанрового своеобразия прозаических текстов. В целом, заключает исследователь, к концу 1960-х годов количественные методы в советском языковедении и литературоведении характеризовались богатым спектром как методик исследования, так и областей, в которых они нашли применение, что де-факто узаконило применение статистических методов анализа в обеих отраслях филологической науки.

Следующие три главы посвящены различным этапам развития статистических методов в советском языковедении, проблематике анализируемых направлений (теории машинного перевода, исследования языка с применением теории информации и собственно статистических методов), традиционно объединяемых под термином «математической лингвистики».

В шестой главе подробно анализируется изменение взглядов Р.М. Фрумкиной на проблемы применения методов математической статистики в лингвистике и критически освещаются статистико-комбинаторный метод, проблематика речевой вероятности. Автор приходит к выводу, что предпринятые на данном этапе попытки внедрения чисто статистического аппарата в лингвистические исследования не были проведены достаточно последовательно и поэтому не дали сколько-нибудь убедительных результатов, что свидетельствует скорее не о непригодности, а о нераскрытом в то время потенциале данных методик для решения лингвистических задач.

Дальнейшая разработка статистических методов в лингвистике была прежде всего связана с деятельностью рабочей группы «Статистика речи», объединявшей более 200 ученых самых разных научных направлений и занимавшейся изучением языковых структур при помощи статистических методов. Общее руководство исследованиями осуществлял ленинградский филолог Р.Г. Пиотровский, под чьей редакцией с конца 1960-х до начала 1990-х годов выходили сборники «Статистика речи», объединившие работы по данной тематике. Обзору этих работ и описанию развития таких лингвоматематических дисциплин, как инженерная и математическая лингвистика в 1970-е годы, посвящена седьмая глава книги, в заключении к которой автор констатирует падение интереса к разработке статистических методов у лингвистов, передачу разработки оставшихся актуальными проблем анализа языка при помощи математического аппарата в руки самих математиков и смещение данной проблематики на периферию лингвистической науки, где она тем не менее получала новые импульсы в связи с необходимостью создания машинных баз данных для нужд лингвистических исследований, частотных словарей, конкордансов и других задач автоматической обработки текста.

Следующий этап развития лингвистической статистики, обозначаемый термином «квантитативная лингвистика», или «квантитативно-системный анализ», и связанный прежде всего с именами Ю. Тулдавы, Ю.К. Орлова и М.Ф. Арапова, освещается в восьмой главе монографии. В принципе автор не противопоставляет работы в русле «статистики речи» квантитативной лингвистике, подчеркивая лишь более детально разработанный математический аппарат последней, стремление изучать текст и язык как систему и применение в методике исследования ряда статистических законов, таких как законы Ципфа и Менцерата.

Заключительная девятая глава посвящена деятельности отдельных современных рабочих

групп и исследователей, таких, как А.А. Поликарпов, Ю.К. Крылов или «Смоленская группа» под руководством Г.Г. Сильницкого. При этом автор подчеркивает малочисленность ученых, развивающих идеи квантитативно-системного анализа, отсутствие объединяющих усилия периодически издаваемых сборников, что естественным образом затормаживает достижения научных результатов. Положительной чертой современной российской квантитативной лингвистики Э. Кели считает ее открытость миру и готовность к сотрудничеству с западными учеными.

Подводя итоги, следует отметить огромный труд по сбору и систематизации материала, который чувствуется за страницами монографии Э. Кели. Особенно хочется подчеркнуть бережность и внимание, с которым автор описывает становление статистических методов анализа в языковедении и литературоведении в начале XX века. Правда, на этом фоне главы, посвященные более близким к нам по времени работам второй половины прошлого века, выглядят несколько схематично, что затрудняет восприятие развития данных методов как единого явления в рамках современной лингвистики и математики.

К сожалению, остались за рамками книги Э. Кели современные исследования литературного текста вообще и стиха в частности с применением различных статистических методов анализа. История использования данных методов в стиховедении и литературоведении, доведенная автором до 1960–1970-х годов, затем оставляется в стороне.

В то же время наиболее интенсивная работа по статистическим исследованиям стиха приходится именно на последнюю четверть двадцатого века и начало двадцать первого. Помимо упомянутой автором книги М.Л. Гаспарова «Современный русский стих: метрика, ритмика, рифма, строфика», вышли две другие важнейшие книги М.Л. Гаспарова: «Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика» (М., 1984 г.), описывающая всю историю русского стиха от его возникновения до последней четверти двадцатого века, и «Очерк истории европейского стиха» (М., 1989 г.), где представлена в виде количественных данных история стиха большинства европейских стран от гипотетической индоевропейской модели до современного свободного стиха. Стоило бы упомянуть «Русский стих начала XX века в комментариях» (М., 2001 г.) М.Л. Гаспарова, где описана методика стиховедческих исследований, однотомное (М., 1995 г.) и трехтомное (М., 1997 г.) собрание работ М.Л. Гаспарова (см. библиографию трудов М.Л. Гаспарова в [Гаспаров 1997]),

работы таких исследователей, как А.В. Прохоров, М.Г. Тарлинская, М.А. Красноперова, В.С. Баевский, С.И. Кормилов, М.И. Шапир, В.А. Плунгян, И.А. Пильщиков, Т.В. Скулачева, Ж.А. Дозорец, С.А. Матяш, С.Н. Андреев и другие (см., например, библиографии С.И. Гиндина [Гиндин 1976; 1982] и И. Лилли и Б. Шерра [Lilly, Scherr 1976; 1983; Lilly 1983–2007]). С 1995 г. каждые три года Институтом русского языка РАН совместно с другими вузами проводятся международные конференции «Славянский стих», по результатам которых публикуются одноименные сборники (см. [Славянский стих 1996; 2001; 2004; 2009]). К настоящему моменту практически все стиховедческие исследования, проводимые в России, являются статистическими. Если автор продолжит свое чрезвычайно полезное исследование, хотелось бы порекомендовать учесть более широкий круг современных работ во всех областях языкознания: в настоящее время статистические методы успешно применяются в достаточно многочисленных работах по экспериментальной фонетике, лексикологии, синтаксису, языку художественной прозы, стиховедению и по некоторым другим областям лингвистики.

Тем не менее, проделанная Э. Кели огромная работа заслуживает высокой оценки, и хочется надеяться, что и сам автор, и российские исследователи, использующие статистические методы, продолжат работу по описанию истории и современного состояния статистических исследований в России.

Монография оснащена обширной библиографией и сносками на библиографические сборники по данной проблематике, что несомненно представляет большой интерес для читателя.

Таким образом, рецензируемая работа является важным этапом в систематизации информации о применении квантитативных методов в русском, советском и российском языковедении и литературоведении, что делает книгу интересной для широкого круга как филологов, так и математиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров 1997 – М.Л. Гаспаров. Избранные труды. Т. III. М., 1997.
Гиндин 1976 – С.И. Гиндин. Структура стихотворной речи: Систематический указатель литературы по общему и русскому стиховедению, изданной в СССР на русском языке с 1958 по 1973 г. М., 1976. Вып. 1–3.
Гиндин 1982 – С.И. Гиндин. Структура стихотворной речи: Систематический указатель по общему и русскому стиховедению, из-

- данный в СССР на русском языке с 1958 г. Ч. II: 1974–1980 гг. Вып. 1–3. М., 1982.
- Славянский стих 1996 – Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика. М., 1996.
- Славянский стих 2001 – Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. М., 2001.
- Славянский стих 2004 – Славянский стих VII: Лингвистика и структура стиха. М., 2004.
- Славянский стих 2009 – Славянский стих VIII: Стих, язык, смысл. М., 2009.

- Lilly, Scherr 1976 – I.K. Lilly, B.P. Scherr. Russian verse theory since 1960: A commentary and bibliography. Lisse, 1976.
- Lilly, Scherr 1983 – I.K. Lilly, B.P. Scherr. Russian verse theory since 1974: A commentary and bibliography // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1983. V. 27.
- Lilly 1983–2007 – I. Lilly. Russian verse theory newsletter. Auckland: The University of Auckland, 1983–2007.

Э.А. Толпина, Т.В. Скулачева, М.В. Буякова

N. Fabb, M. Halle. Meter in poetry. A new theory. New York: Cambridge university press, 2008. 309 p.

Совместная работа Найджела Фабба и Морриса Халле представляет собой изложение метрической теории, над которой авторы работали в течение нескольких десятилетий. Предлагаемая теория призвана обобщить представления о метре во всех известных системах стихосложения, подчинить разнообразный материал, обнаруживаемый в разных поэтических традициях, единой интерпретации. Состоятельность теории проверяется на типологически богатом материале, среди которого английская силлабо-тоника, южно-романская и французская силлабика, древнегреческая, древнеиндийская и арабская квантитативная метрика, народное латышское стихосложение, стихотворная часть Ветхого Завета и еще ряд метрических систем, рассмотренных менее подробно.

Моррис Халле (р. 1923 г.), заслуженный профессор Массачусетского технологического института, – личность поистине легендарная. Родом из Латвии, он переехал в США в 1940 г., обучался в Колумбийском университете под руководством Р. Якобсона. Халле известен, в частности, как один из авторов универсальной акустической классификации звуков (вместе с Р. Якобсоном и Г. Фантом, 1952 г.), как один из родоначальников генеративной фонологии, автор новаторских работ «Fundamentals of language» (1956 г.; вместе с Р. Якобсоном) и «The sound pattern of English» (1968 г.; вместе с Н. Хомским). В последние десятилетия научная деятельность Халле продолжает оставаться весьма активной: особенно значимы его работы в области исследования просодии [Halle, Vergnaud 1987], на результатах которых, пересмысленных на ином материале, во многом, и строится данная книга.

В первой главе излагается оригинальный формализм получения соответствия между некоторой стихотворной строкой и ее метрической схемой, включающий встроенную процедуру проверки на «метричность». Этот формализм призван отражать механизм перцепции сти-

хотворной строки, однако отметим, что также он может применяться и для автоматического определения стихотворного метра. Следующие разделы книги посвящены конкретным системам стихосложения и их анализу. Наиболее подробно рассматривается английское стихосложение в его двух вариантах – «правильном» (strict) и «расшатанном» (loose). Разница между ними примерно соответствует разнице между русской силлабо-тоникой, с одной стороны, и дольником / тактовиком, с другой. В качестве приложения стоит рассматривать главу о метрической поэзии Ветхого Завета: в ней не используется тот метод анализа, что актуален для остальных частей книги, но содержится много интересных наблюдений общего характера.

Для ограничения круга рассматриваемых явлений авторы делят поэзию на *метрическую* и *неметрическую*. К неметрической поэзии относится два типа стиха: собственно *свободный стих* (free verse) и стих, соизмеримость внутри которого обеспечивается не длиной строки, а синтаксическим параллелизмом. В качестве примера текстов второй группы приводятся фрагменты из Ветхого Завета. Приведем этот пример в русском синодальном переводе (немного нами измененном):

Глас ^A вопиющего ^B
 в пустыне ^C: приготовьте ^D путь Господу ^E,
 прямыми сделайте ^D в степи ^C стези Богу
 нашему ^E;
 всякий дол ^A да наполнится ^B,
 и всякая гора и холм ^A да понизятся ^B,
 кривизны ^A выпрямятся ^B
 и неровные пути ^A сделаются гладкими ^B;
 и слава Господня ^A явится ^B,
 и всякая плоть ^A узрит <это> ^B;
 ибо уста Господни ^A изрекли ^B.

(Исаия 40, 3–5).

Заглавными надстрочными буквами отмечены границы синтаксических групп. Действительно в приведенном фрагменте присутствует заметная синтаксическая урегулированность. Десять строк библейского текста соответствуют пяти парам строк, состоящих из одинаковых синтаксических элементов. Первая и последняя строка составляют собой одну пару, остальные: 2–3, 4–5, 6–7, 8–9. Пара 1–10 состоит, соответственно, из субъекта (А) и предиката (В) – это же верно и для пар 4–5, 6–7 и 8–9. Отличается лишь пара 2–3, имеющая трехчастную синтаксическую структуру: обстоятельство (С), глагол (D) и его объект (Е) – в обеих строках пары эти элементы появляются в разных комбинациях (CDE–DCE).

Многими исследователями подчеркивалось, что синтаксический параллелизм являлся одной из древнейших форм стихотворной организации [Гаспаров 2001: 33], однако кажется, что в данном случае более значимым оказывается скорее особый культурный статус священной книги, чем отличие стиха от прозы как таковое¹. Синтаксический параллелизм (даже более жесткий, чем в приведенном отрывке) может встречаться и в прозе, почти обязательным он может быть в прозе риторической, да едва ли можно говорить о том, что в ветхозаветную эпоху существовало противопоставление стиха и прозы. При этом такой подход к анализу текстов, устроенных подобным образом, может отчасти оказаться продуктивным, например, при исследовании стиха Уитмена², имитировавшего библейскую манеру.

Другой тип неметрической поэзии по Халле и Фаббу – это *свободный стих*. Предполагается, что каждая строка свободного стиха строится по своим собственным правилам. Это заставляет вспомнить концепцию верлибра, как микрометрического центона, каждая строка которого строится по своим метрическим правилам и имеет сопутствующую семиотику [Шапир 1990: 113–114]³. Главной же особенностью этого типа свободного стиха при-

¹ Ср. замечание М.Л. Гаспарова о верлибрических опытах Сумарокова: «заманчивым образцом для этого были псалмы, по содержанию ощущавшиеся как высочайшая поэзия, а по форме церковнославянского перевода – как явная проза» [Гаспаров 1984: 75].

² Стих Уитмена (как и, например, французского поэта Сен-Жон Перса), кажется, занимает некоторое промежуточное между прозой и стихом положение. Для обозначения этого круга явлений иногда используется термин «версэ» [Орлицкий 2002: 177–182].

³ Также ср. практически эквивалентное понятие *гетероморфного* стиха, предлагаемое Ю.Б. Орлицким [Орлицкий 2005].

знается разделение на строки, что совпадает с мнением Гаспарова, полагавшего, что соизмеримость между строками свободного стиха обеспечивается заданным автором графическим разбиением [Гаспаров 2001: 14].

Авторы не дают эксплицитного определения *метра*, отмечая, что метрическая поэзия от неметрической отличается приблизительной соизмеримостью строк по длине, а *ритм*, в свою очередь, является побочным продуктом этой соизмеримости (с. 3)⁴. Для определения соизмеримости предлагается специальная процедура, которая в каком-то смысле является модификацией классической стопной теории, но заведомо охватывает более широкий класс случаев. В общих чертах, эта процедура выглядит следующим образом.

Каждому слогу в строке ставится в соответствие символ < * > (астериск). Далее при помощи специального набора итеративных правил множество астерисков разбивается скобками, которые могут быть левыми < (> или правыми <) >. Скобки группируют астериски специальным образом, а не захваченные ими астериски считаются несгруппированными. Размеченная подобным образом последовательность астерисков называется *гридлайн* (greedline). Расстановку вершин определяет набор итеративных правил, впервые приведенных в работе Идсарди [Idsardi 1992]⁵. Идсарди изучал закономерности расстановки побочных ударений в акцентных системах разных языков и пришел к выводу, что те акцентные системы, в которых существует побочное ударение, порождают побочные ударения одинаковым образом с точностью до нескольких параметров варьирования. Халле и Кейсер [Halle, Keyser 1999] впервые использовали модификацию этого формализма для характеристики метра в стихотворной строке.

Итак, итеративные правила действуют с одного из краев последовательности астерисков и имеют пять параметров варьирования, которые определяют результат их применения (с. 13):

1. Расстановка скобок начинается либо с края гридлайна, либо спустя один астериск, либо спустя два⁶;

⁴ Однако важно отметить, что само противопоставление *метра* и *ритма*, красной линией проходящее через книгу, в западном стиховедении не является таким общим местом, как в российском.

⁵ Также о формализме гридлайнов см., например [Prince 1983].

⁶ Не стоит смешивать этот интервал с *анакрусой* или *клаузулой*, т. к. он является скорее теоретическим конструктом, чем обобщением реально наблюдаемых закономерностей. То же касается и остальных правил.

2. Край последовательности (левый L или правый R), на котором начинается расстановка;
3. Тип скобки (левая L или правая R);
4. Интервал между двумя последовательными вставками (2 или 3 астериска);
5. Положение вершины в каждой группе (L или R – слева или справа от скобки).

После однократного «цикла» применения этого набора правил (с некоторыми фиксированными параметрами) к стихотворной строке порождается гридлайн нулевого уровня. Из него должен быть порожден гридлайн первого уровня, количество астерисков в котором соответствует количеству иктов в строке. Для его порождения вводится следующее правило: вершина каждой группы (т.е. примыкающая к скобке справа или слева по правилу 5) должна быть спроецирована на гридлайн следующего уровня. К порожденному таким способом гридлайну снова применяется тот же набор правил (но необязательно с теми же значениями параметров!) и так до тех пор, пока не будет порожден гридлайн, состоящий из единственного астериска.

Как мы видим, все гридлайны, кроме первых двух, порождаются из системных соображений, как бы контролируя правильность выбранной интерпретации стиха. Исключение, правда, составляют метры с цезурой, для которых неавтоматически порождается также гридлайн второго уровня (см. об этом ниже).

В приведенной процедуре остается одно слабое место – определение положения икта в гридлайне нулевого уровня, осуществляющее связь между приведенной теоретической схемой и конкретным стиховым материалом. Для решения этой проблемы вводится понятие *максимы*, т.е. такого метрически сильного слога, который совпадает с иктом (с. 19). Метрически сильные слоги различаются по качеству в разных системах стихосложения: в силлаботонике – это ударные, в квантитативной метрике – тяжелые слоги и т. д. После выделения максимы скобками (правыми или левыми – не важно) в гридлайне нулевого уровня запускается описанный набор итеративных правил, расставляющих дополнительные скобки в случае, если расстояние между максимами превышает три астериска. Далее для максим действует следующее правило: максима должна быть спроецирована на гридлайн первого уровня (с. 18). Кроме максим туда же по общему правилу проецируются и вершины, выделенные после применения итеративного правила.

Приведенный метод анализа метрики формулировался, судя по всему, на материале английской метрики, а затем его применение было экстраполировано на более широкий класс случаев. В английской метрике наиболее

распространены два класса метров, границы между которыми не вполне строги: силлаботонические и тонические (особенно, дольник). При этом первый класс метров выступает в гораздо более расшатанном варианте⁷, чем в русской и даже немецкой традициях и куда более сложен для анализа [Гаспаров 1989: 149–151].

В терминологии авторов книги силлаботонические метры называются правильными (*strict*); мы также будем придерживаться этого обозначения. Прежде всего, Халле и Фабб формулируют определение максимы для английского стиха: максимумом является ударный слог многосложного слова (с. 19). В принципе, это определение совпадает с принятым для русского стиха определением икта. Исходя из этого, предполагается, что четыре основных силлаботонических метра различаются значениями параметров итеративных правил (1-5). Приведем значения этих параметров:

Ямб. Вставка непосредственно с правого края, правые скобки, бинарные группы, вершины справа.

Хорей. Вставка с левого края, левые скобки, бинарные группы, вершины слева.

Анапест. Вставка с правого края, правые скобки, тернарные группы, вершины справа.

Дактиль. Вставка с левого края, левые скобки, тернарные группы, вершины слева.

Английская силлаботоника не различает анапест и амфибрахий⁸, а хорей и дактиль встречаются в корпусе текстов относительно редко, поэтому преобладает «ямбическая» и «анапестическая» интерпретации разных метров. Рассмотрим четырехстопный ямб:

He is not here, but far away	
) * *) * *) * *) * *)	Gridline 0
) * *) * *) * *)	Gridline 1
) * *) * *)	Gridline 2
) * *) * *)	Gridline 3

The noise of life begins again	
) * *) * *) * *) * *)	0
) * *) * *)	1
...	

(A. Tennyson. In memoriam VII)

⁷ Наибольшей четкости английская силлаботоника достигает в XVIII в., особенно у А. Поупа и поэтов его школы. В истории английского стиха – это сравнительно небольшой период, и он ни разу не попадает в поле зрения Халле и Фабба.

⁸ Анакруса в английском анапесте может варьироваться в пределах одного-двух слогов. Схожая ситуация наблюдалась в русской версификации конца XVIII в. [Гаспаров 1984: 70–71]. Существование амфибрахия не укладывалось в восходящее к античности противопоставление «восходящих» и «нисходящих» стоп.

Полужирным отмечены максимы. Английский ямб куда более, чем другие метры, допускает многочисленные отклонения от этой очевидной метрической схемы. Так, рассматриваются *перебои* в начале и середине строки [Гаспаров 1989: 163–165], которые интерпретируются как дополнительное ограничение на правило определения максимы: слог, несущий ударение в многосложном слове, – максима, если он предшествует и следует за безударным слогом (с. 47; другими словами, определение максимы нерелевантно на границах стихотворной строки и при нулевом интервале между двумя предполагаемыми максимумами):

The Christmas bells from hill to hill
) * *) * *) * *) * *) 0
) * *) * *) * *) * *) 1

Answer each óther in the mist.
) * *) * *) * *) * *) 0
) * *) * *) * *) * *) 1

(A. Tennyson)

Of the wide wórd dreáming on things to come
) * *) * *) * *) * *) * *) 0
 (W. Shakespeare. Sonnet 107)

Еще одна характерная особенность английской силлабо-тоники – нарушения анакрусы (в виде хорейческих строк среди ямбических). Авторы, однако, оказывают таким строкам ямба в хорейческой интерпретации, выдвигая *принцип изометричности*: «Пока нет специальных свидетельств обратного, строки стихотворения считаются написанными некоторым одним метром, и слоги группируются согласно одному и тому же правилу порождения гридлайна нулевого уровня» (с. 48). Введение этого принципа позволяет рассматривать строки с нарушением анакрусы, как варианты «правильных» строк, а не как вторжение чужеродного метрического материала:

...If Waring meant to glide away
) * *) * *) * *) * *) 0
 Like a ghost at break of day?
 *) * *) * *) * *) * *) 0
 (R. Browning. Waring (контекст ямбический))

Метрическая схема, как мы видим, отражает различие в анакрусе, однако на первом уровне проекции оно нивелируется.

При рассмотрении хорейческих метров этих проблем, как правило, не возникает – они традиционно куда более регулярны (тому есть и исторические причины). При этом из-за относительной редкости хорейческих метров предлагается порождать гридлайны для них так же, как ямбические (вопреки правилам выше), лишь начиная вставку скобок спустя один слог после левого края. Эти способы представления эквивалентны.

Как уже говорилось, английский анапест допускает варьирование анакрусы в один-два слога: распознавание строки справа налево (как в ямбе) позволяет единообразным образом воспринимать анакрусу, как неукомплектованную группу слогов, не идущую в счет метра:

'I have dived, I have sought them, but none
 have I found;

) * * *) * * *) * * *) * * *) 0

How dim died the sun and how far hung the
 sky!..

* *) * * *) * * *) * * *) * * *) 0

(Ch. Brontë. Diving)

В первой строке из приведенного отрывка анакруса двусложная, во втором – односложная. Проекция первого уровня при этом совпадают.

Дактилические же размеры особенно редки в английской поэзии, ритм их часто довольно свободен. В качестве примера такого метра рассматривается крайне метрически неоднозначное стихотворение Теннисона, которое можно воспринимать скорее как расшатанный дольник на дактилической основе. Для интерпретации этого метра авторам приходится прибегать к разного рода дополнительным ухищрениям: не учитывать слоги из «расширенных» интервалов (не идущие в счет слоги отмечаются буквой Δ в гридлайне нулевого уровня). Для анализа этих метров также предлагается «анапестическая» интерпретация схемы:

...All in the válley of Death
 (* * * (* Δ * * (0
 (* * * (* 1

Rode the six húndred.
 (* * * (* * 0
 (* * * (* 1

(A. Tennyson. Charge of the Light Brigade)

Вообще, относительно всей этой группы метров делается вывод, что они могут быть проанализированы разными способами в зависимости от предпочтений исследователя. В принципе, это сближает двусложные и трехсложные метры, позволяя разделить всё множество силлабо-тонических метров просто на эти две группы – тем более, что границы между ними для английской традиции весьма прозрачны.

Предлагается механизм отражения *цезуры* в метрической схеме (на примере александрийского стиха). Для этого вводится правило: слог, непосредственно предшествующий цезуре, проецирует астериск на самый нижний уровень проекции и является, тем самым, своеобразной «вершиной стиха» (т. е. ударной константой в общепринятой терминологии; с. 58). При этом появляется возможность единообразно рассматривать силлабо-тонический и чисто силлабиче-

ский александрийский стих (впрочем, и другие виды цезурированного стиха), ориентируясь на ударные константы перед цезурой и клаузулой:

O thou great Sabbaoth God, || graunt me that Sabaoths sight.

)* *) * *) * *) * *) * *) * *)	0
) * * *) * *) * *) * *)	1
(* *)	2
* *)	3

(E. Spenser. Faerie Queene)⁹

Также разбираются более сложные случаи преобразования силлабо-тонических метров, например, встречающиеся у Джона Донна, относительно которого неоднократно отмечалась близость его расшатанной метрики к силлабической [Гаспаров 1989: 150–151]. В терминологии авторов книги многие его строки нарушают правило проецирования максимы на гридлайн первого уровня, однако многочисленными преобразованиями метрической схемы большую их часть все-таки удается интерпретировать как силлабо-тонические.

Отдельная глава посвящена тоническим, или *расшатанным* метрам, граница между которыми и *правильными* в английской версификации довольно прозрачна. Это позволяет авторам подходить к анализу с имплицитной установкой на возможность получения метрической схемы тонического стиха путем преобразования схемы силлабо-тонического. Подобный («деривационный») анализ был популярен в «романтическую» эпоху русского стиховедения – у Г. Шенгели [Шенгели 1960: 187–240] и А. Квятковского [Квятковский 2008]; в последнее время этот метод анализа возрождается на более строгих методологических основаниях, например, в работах [Плунгян 2009 (в печати)] и [Семенов 2008 (в печати)].

Расшатанные метры в английской поэзии встречаются, в основном, в народных балладах и опытах романтиков. Рассмотрение расшатанных метров требует двукратного уточнения понятия максимы. Уточнение А (с. 68): слог, несущий ударение, является максимой, исключая те случаи, когда за ним непосредственно следует или ему непосредственно предшествует слог, несущий ударение бóльшей силы. После опре-

⁹ «Королева фей» Спенсера, правда, написана не александрийским стихом, а так называемой «спенсеровой строфой»: 9-стишием рифмовки ababbcb cc, последняя строка которого представляет собой шестистопный ямб с цезурой, а остальные – пятистопный ямб.

деления данным образом всех максимум в строке используется *нейтеративное* правило, расставляющее правые скобки после астерисков-максимум (с. 71). На следующем же этапе начинает работать итеративное правило, расставляющее скобки в тех позициях, где промежуток между двумя соседними максимумами больше одного слога (интервал между скобками, как мы помним может быть только два или три слога). Это позволяет получить метрическую форму строки расшатанного метра. На следующих уровнях проекции правила работают аналогично тому, как при анализе силлабо-тоники. Такой способ разметки позволяет авторам прийти к выводу о существовании двух классов таких метров: тех, в которых преобладают бинарные группы в метрической схеме («ямбические» расшатанные метры), и тех, в которых преобладают тернарные («анапестические» расшатанные метры). Первые метры в терминологии русского стиховедения обычно называются дольниками на двусложной основе, а вторые – дольниками на трехсложной. С помощью этих уточнений анализируется дольник известной поэмы Кольриджа «Кристалль», причем получающиеся результаты совпадают с результатами М. Тарлинской [Tarlinskaja 1993: 57], использовавшей «русский метод»:

'Tis the middle of night by the castle clock...
 * (* *) * (* *) * (* *) (* *) (0
) * *) * *) * *) * *) 1
) * *) * *) * *) 2
 * *) 3

То есть 4-иктный дольник на двусложной основе (ритмическая схема строки – 2*2*2*1*0).

При помощи этого же алгоритма анализируется случай слабого икта (строка, на этот раз, совпадает с четырехстопным ямбом). Икт восстанавливается из системных соображений в результате работы правил:

She maketh answer to the clock...
 (* *) (* *) (* *) (* *) (0
) * *) * *) * *) 1
) * *) * *) * *) 2
 * *) 3

Кроме дольников на двусложной основе («ямбических») в отдельном разделе рассматриваются гораздо более редкие в английской поэзии дольники на трехсложной основе («анапестические»), встречающиеся в основном у У.Х. Одена. Они анализируются аналогичным образом.

Для расшатанных метров народной поэзии авторы делают определение максимы еще более грубым. Уточнение В (с. 78): слог, несущий ударение, – максима. Неприменимость такого подхода к «литературному» дольнику

оговаривается отдельно. При этом никаких априорных критериев определения, какое из двух уточненных определений должно использоваться в тонических метрах, не предлагается, однако требование сохранения соизмеримости строк позволяет выбрать одно из них в процессе разметки. Подытоживая описание тонических метров, авторы делают очень важное замечание о том, что учет реальных ударений дает информацию о *ритмической* схеме строки, а производимые операции позволяют восстановить *метрическую* схему, но для этого во многих случаях оказывается недостаточным учитывать *только* реальные словесные ударения (с. 92).

Установленное на английском материале разделение метров на правильные (*strict*) и расшатанные (*loose*) используется при анализе всех прочих рассматриваемых систем стихосложения. Так, особенности интерпретации силлабической метрики излагаются в разделе, посвященном южно-романской (т.е. испанской, каталанской, португальской и итальянской) силлабике. Раздел написан в соавторстве с испанским ученым Карлосом Пиэрой. Здесь рассматривается распространенный во всем ареале 11-сложник. Особое внимание уделяется слиянию гласных на границах слов, учитываемому при счете слогов. Разбираются различные ритмические формы одиннадцатисложника, для каждой из которых вводится свой набор правил. Отдельная глава посвящена стиху *арте майор* и близкому к нему стиху португальских *cantigas*. Оба они получают интерпретацию «анапестического» расшатанного метра. К *арте майор*, по мнению Халле и Фабба, близок и латинский *сатурнийский стих* (с. 130). Эта интерпретация не лишена стройности, однако о ее убедительности, как и о убедительности многих других интерпретаций этого метра вряд ли можно сказать что-нибудь определенное из-за скудости и неоднородности материала¹⁰.

При разговоре о французской силлабике ожидаемо обсуждается вопрос о метрическом статусе *e caduc*, которое в определенных позициях участвует в счете слогов. Французские же метры делятся на две группы – *простые* и *составные*. Первые, как правило, короче по слоговому объему и не имеют цезуры. Все эти метры рассматриваются как «ямбические», при этом понятие максимы не вводится из-за ослабленности французского словесного ударения и нерелевантности его с точки зрения

метрики. «Ямбичность» этих метров при этом оказывается категорией совсем абстрактной, применимой по большей части только для счета слогов. Составные метры, т.е. имеющие цезуру, получают несколько более сложную интерпретацию: слоги после позиции цезуры не идут в счет метра, заменяясь в схеме буквой Δ, а предцезурные слоги проецируются на нижний уровень гридлайна. Отдельно разбирается метр Песни о Роланде, который допускает спорадические слоговые наращения перед цезурой. Авторы дополнительно упрощают эту ситуацию, считая, что одна строка этого как бы составного метра на самом деле раскладывается на две строки простого метра (до и после цезуры, соответственно). Интерпретация этих половин как сверхкоротких простых метров, впрочем, получает типологическую поддержку на материале стиха Беовульфа и латвийских дайн, также составленных из сверхкоротких строк.

Анализ древнегреческой метрики ожидаемо конспективен, но традиционно занимает важное место, т. к. именно с интерпретации античных размеров и началось стиховедение Нового времени, и до сих пор применимость стиховедческой теории к античному материалу остается одним из основных эмпирических критериев ее адекватности (ср., например [Квятковский 2008: 10–14]). Авторы выделяют три группы греческих метров: в первую группу попадают ямб, хорей (трохей) и кретик, во вторую – гексаметр и анапест, третью же составляют эолийские метры. Для всех трех групп метров авторы предлагают следующее правило проецирования: из гридлайна нулевого уровня удаляется астериск, соответствующий последовательности двух или более легких слогов (с. 154). Это позволяет сделать греческие метры соизмеримыми с метрами новой европейской поэзии с точки зрения метрической схемы. Некоторым образом эта процедура обратна той, что предлагал в свое время А. Квятковский [Квятковский 2008], который, наоборот, расширял интервал между иктами в двусложных метрах новой европейской поэзии до трех слогов, т. к. диподия ямбического триметра состояла из четырех слогов схемы × – U –. Из этой «феноменологической редукции» вытекает дальнейший анализ (с. 156). В отличие от английского ямба античный ямб анализируется с левого края, производится ставка левых скобок с правыми вершинами. «Расширенные» варианты ямбических метров анализируются при помощи приведенного выше правила синкопирования последовательностей легких слогов. Анализ трохеев (– U – ×) и кретиков (– U –) в общих чертах аналогичен, разве что при анализе кретика на гридлай-

¹⁰ Однако отметим недавние работы [Кузнецов 2006: 358–413; 2009], где намечается существенный прогресс в области исследования этой темы.

не нулевого уровня формируются тернарные группы.

Традиционная схема дактилического гексаметра интерпретируется как расшатанный хорей, т. к. стопа гексаметра в классической теории греческой метрики состоит из четырех мор (при переменном количестве слогов как таковых). Далее применяется анализ, опробованный на материале английской тоники: при помощи неитеративного правила в гридлайне нулевого уровня расставляются левые скобки рядом с теми долгими слогами, которым предшествуют краткие, далее сокращаются последовательности двух и более легких слогов, после чего применяется итеративное правило, формирующее бинарные группы с левыми вершинами. Также предлагаются правила для учета цезуры, которая имеет, как известно, несколько иную природу, чем в новом европейском стихосложении: в гридлайне первого уровня удаляется предшествующая цезуре вершина – таким образом вершина строки (гридлайн последнего уровня) приходится на предцезурный слог:

ἦ	Αἴας	ἦ	Ἴδομενεὺς	ἦ	δῖος	Ὀδυσσεὺς	
-	-	-	-U	U-		-U	U-
)	*)	*)	*)Δ	*)	(*)	*)Δ	*)
(*	(Δ	*	(*	*	(*
*)			*	*			
*)			*				
			*				

(Илиада, 145)

Аналогично разбираются анапестические метры, ситуация с рассмотрением которых упрощается отсутствием цезуры.

Из эолийских метров вместе разбираются метры хоревой и сольной мелики, к которым применяется общая «ямбическая» интерпретация, проводящаяся после преобразований гридлайна нулевого уровня. Таким образом разбирается несколько классических эолийских стопных логоздов, часто выступающих в разнообразных сочетаниях и вообще крайне сложных для интерпретации [Снелль 1999: 59–94].

Некоторым новым словом для русского читателя является рассмотрение классических арабских квантитативных размеров. Рассмотрены пять групп метров, выделенных в VIII в. ал-Халилем ибн Ахмадом (всего 16 метров), а их интерпретация оказывается гораздо проще, чем в случае греческой эолийской метрики, хотя не обходится без существенных преобразований метрической схемы. Как вариант арабской метрики рассматривается иудео-испанская средневековая метрика, отличающаяся, однако, некоторыми существенными особенностями.

Описаны основные метры древнеиндийского стихосложения в его трех вариантах (силлабика, силлабо-метрика и квантитативная метрика). Ведические метры легко поддаются предлагаемой теории, на них срабатывают итеративные правила, причем правила преобразования гридлайна оказываются чрезвычайно просты и отличаются малым разнообразием. Из силлабо-метрических размеров рассматриваются 12-сложный *джагати* ($x-x-x||UU-U-Ux$ и $x-x-||UU-U-Ux$), а также два 8-сложных строфических метра: 4-строчный *ануштубх* ($xxxxU--x||xxxxU-Ux$) и 3-строчный *гайатри* ($U-U-U-U-$). К этой группе примыкают и прочие классические размеры: *индраваджра* ($--U--||UU-U-x$), интерпретируемый как «ямбический» метр с цезурой, *васантатиллака* ($--U-UUU-UU-U-x$) – «анапестический» метр с минимальными преобразованиями гридлайна нулевого уровня, *малини* ($UUUUUU--||-U--U-x$), который при разметке разделяется на две несимметричные половины относительно цезуры, каждая из которых рассматривается отдельно; аналогично разбираются двухцезурный *срагдхара* ($----U--||UUUUUU--||-U--U--$) и *сардула-викридата* ($----UU-U-UUU--||--U--U-$). Из более редких в санскритской поэзии «моросчитающих» (*матра-чхандас*) метров рассматривается крайне сложный по устройству метр *арья*. Отмечается, что эта группа метров может быть проанализирована подобно греческому гексаметру, к которому она действительно типологически близка, однако вместо этого избирается другой более специфический и сложный путь анализа.

Отдельная глава посвящена метру латышских народных песен (дайн), силлабический метр которых получает «хореическую» или «дактилическую»¹¹ интерпретацию в зависимости от ритмического типа. Некоторые неизосиллабические дайны, правда, не укладываются в эту интерпретацию (например, «Viens gans pomīga, citi gani gaudāja» из собрания Эндзелена) и их приходится анализировать как расшатанные метры.

В специальном разделе разбирается несколько метров других традиций и систем стихосложения, на которые обратили внимание авторы книги. Так, акцентные метры народных песен бедуинов Синая и Негева интерпретируются как расшатанные «анапесты»¹². Неклас-

¹¹ Ударение в латвийском языке всегда занимает инициальную позицию в словоформе.

¹² Тут, однако, как и в случае с латвийскими песнями, с авторами можно не согласиться. Кажется, величина интервала в этих песнях имеет скорее «дисметрическую» природу.

сические метры арабской поэзии Западной Сахары (6-сложный *lebtayt en-naages*, 8-сложный *lebtayt et-taam* и др.) типологически интересны тем, что в них метрический статус имеют не только легкие и тяжелые, но и сверхтяжелые слоги (т. е. закрытые с этимологически долгим гласным). Более детального изучения заслуживают противопоставляющие тоны метры Китая и Вьетнама¹³, которые получают привычную «ямбическую» интерпретацию. Интересно, что на примере вьетнамского метра *ка дао* рассматривается разница между метром и ритмом, ярко проявляющаяся в стихосложении этого языка. Авторы не обходят стороной и аллитеративную тонику Беовульфа, которая получает чисто акцентную интерпретацию: на гридлайн нулевого уровня проецируются только те слоги, что несут главное словесное ударение, при этом только аллитерирующие слоги должны проецироваться на гридлайн следующего (первого) уровня, далее же действуют обычные итеративные правила. При этом, однако, в поэме обнаруживается восемь строк, которые будут всё же неметричны с точки зрения такой интерпретации.

Заключает книгу глава о метрической поэзии Ветхого Завета, обращением к которой книга открывалась. Авторы рассматривают некоторые псалмы согласно древнееврейскому масоретскому тексту, внося поправки, касающиеся произнесения отдельных слов и слогов. Реконструирование метрической схемы псалмов 23, 24 и 137 комментируется подчас довольно эзотерическими построениями¹⁴. Согласно выводам Халле и Фабба метрическая поэзия Ветхого Завета оказывается чисто силлабической, т. е. только количество слогов в ней является единственно метрически значимым параметром стиха¹⁵.

Как мы уже отмечали, теория Халле и Фабба сформулирована на основе английской метрики, и это заранее вносит в нее ту же ин-

¹³ В китайской метрике сильными слогами считаются слоги, несущие ровный тон (*пин-шэн*), а слабыми – нисходящий, восходящий и контурный тоны (*цзэ-шэн*) [Кравцова 2008: 149–150].

¹⁴ Так в псалме 23 оказывается зашифрованное сообщение (с. 275), а графическое изображение счета слогов в псалмах 24 и 137 изображает в первом случае гору Сион (с. 279), а во втором – Иерусалимский Храм (с. 283). Впрочем, эти увлекательные наблюдения практически не влияют на метрическую реконструкцию псалмов.

¹⁵ Похожим, но более строгим образом устроена классическая японская поэзия [Гаспаров 2001: 156–158].

терпретативную ограниченность, что присуща всем «национальным» теориям стихосложения (ср., например [Квятковский 2008]). Тем не менее, в книге содержится ценный типологический материал, а некоторые способы интерпретации могут быть действительно интересны прежде всего тем, что подтверждают уже известные результаты (полученные, в частности, в рамках «русского метода»). При этом смущает преимущественно декларативный характер предлагаемой теории: способ рассмотрения не вытекает из рассматриваемого материала, а навязывается ему искусственно (впрочем, это вообще характерно для многих формальных направлений лингвистики, идеология которых близка авторам рассмотренной работы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров 1984 – М.Л. Гаспаров. Очерк истории русского стиха. 1984. 2-е изд., доп. М., 2002.
- Гаспаров 1989 – М.Л. Гаспаров. Очерк истории европейского стиха. 1989. 2-е изд., доп. М., 2003.
- Гаспаров 2001 – М.Л. Гаспаров. Русский стих начала XX века в комментариях. 2-е изд., доп. М., 2001.
- Квятковский 2008 – А.П. Квятковский. Ритмология. СПб., 2008.
- Кравцова 2008 – М.Е. Кравцова. Стихосложение // Духовная культура Китая. Литература. Язык и письменность / Под ред. М.Л. Татаренко. М., 2008.
- Кузнецов 2006 – А.Е. Кузнецов. Латинская метрика. Тула, 2006.
- Кузнецов 2009 – А.Е. Кузнецов. Сатурнов стих как метрическая форма ранней латинской поэзии. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.
- Орлицкий 2002 – Ю.Б. Орлицкий. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
- Орлицкий 2005 – Ю.Б. Орлицкий. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии. / НЛО. № 73. 2005.
- Плунгян 2009 – В.А. Плунгян. «Мне с каждым утром противней заученный мертвый стих»: к некоторым особенностям тонического стиха М. Кузмина. Лос-Анджелес, 2009 (в печати).
- Семенов 2008 – В. Семенов. Заметки о релятивной метрике. М., 2008 (в печати).
- Снелль 1999 – Б. Снелль. Греческая метрика. М., 1999.
- Шапир 2000 – М.И. Шапир. *Metrum et rhythmum sub specie semioticae // Universum versus*. Кн. первая. М., 2000.
- Шенгели 1960 – Г.А. Шенгели. Техника стиха. М., 1960.

- Halle, Keyser 1999 – *M. Halle, S.J. Keyser*. On meter in general and on Robert Frost's loose Iambics in particular // *Linguistics: In search of the human mind. A Festschrift for Kazuko Inoue / M. Muraki, E. Iwamoto* (eds.). Tokyo, 1999.
- Halle, Vergnaud 1987 – *M. Halle, R.-J. Vergnaud*. An essay on stress. Cambridge (Mass.), 1987.
- Idsardi 1992 – *W.J. Idsardi*. The computation of prosody. PhD dissertation. Cambridge (Mass.), 1992.
- Prince 1983 – *A. Prince*. Relating to the grid // *Linguistic inquiry*. 13. 1983.
- Tarlinskaja 1993 – *M. Tarlinskaja*. Strict Stress-meters in English poetry compared with German and Russian. Calgary, 1993.

К.М. Корчагин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

**Российский гуманитарный научный фонд:
поддержка лингвистических мероприятий**

Настоящая работа представляет собой традиционный ежегодный обзор различных проектов по лингвистической тематике, поддержанных РГНФ в текущем году.

Конференции

Фонд научных мероприятий финансировал в 2009 году 16 лингвистических конференций, в том числе один постоянно действующий семинар и одну выставку. Мероприятия приводятся в хронологическом порядке; таким образом, в первую очередь обсуждаются уже прошедшие в этом году конференции.

С 8 по 10 апреля на кафедре русского языка Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова прошла XII Международная конференция «Текст. Структура и семантика». Основной целью конференции являлось исследование лингвистических, психологических и семиотических параметров текста. Конференция включала пленарное заседание и семь секций: «Художественный текст», «Лексическая семантика», «Фразеологическая семантика», «Фонетическая, словообразовательная и морфологическая семантика», «Синтаксическая семантика», «Типология текста и методика работы с текстом» и «Историческая семантика и общие проблемы текста». В пленарных заседаниях приняли участие известные специалисты в области русской семантики и дискурсивного анализа: Ю.Н. Караулов, Г.Я. Солганик, В.З. Демьянков, В.В. Бабайцева, М.В. Всеволодова, А.В. Циммерлинг, М.Ю. Сидорова, Е.И. Диброва, Н.А. Николина, П.А. Лекант, Г.Г. Инфантова, В.В. Леденёва и другие лингвисты.

Российский университет дружбы народов (Москва) провел II Новиковские чтения на

тему «Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения». Чтения проходят с периодичностью раз в три года и включают доклады по актуальным вопросам языковой семиотики и функциональной семантики. Спектр рассматриваемых проблем охватывает все языковые уровни, на которых имеются единицы, обладающие значением, – от просодики и грамматической семантики до семиотики текста. В этом году чтения проходили 16 и 17 апреля 2009 года.

С 27 по 29 апреля в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского прошла Международная научная конференция «Речевая коммуникация в современной России». Конференция охватывала такие тематические направления, как «Языковая картина современной России», «Речевая коммуникация в разных социальных сферах», «Языковая личность в современной лингвокультурной ситуации», «Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения». Наибольший интерес представили обсуждения современной политической коммуникации, языка СМИ, рекламы, жаргонной лексики, речевой специфики интернет-коллекций и т.д.

Институт востоковедения РАН (Москва) проводил с 26 по 28 мая Международный семинар «Построение слова в надписях и рукописях Южной и Центральной Азии». Семинар посвящен графическим системам, которые использовались в древних надписях и рукописях данного региона. Обсуждались такие проблемы, как причины изменения графических систем, согласованность этих изменений с фонетическими вариациями, функции текстов и выбор системы пунктуации, процессы изменения структуры слова в ходе культурного взаимодействия между Южной и Центральной Азией.

В Институте языкознания РАН (Москва) с 4 по 7 июня прошла Международная конференция «Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология», приуроченная к юбилею зав. отделом Урало-алтайских языков, чл.корр. РАН А.В. Дыбо. Тематика конференции предусматривает все направления сравнительно-исторического языкознания и исторической лингвистики; анализ синхронных грамматик всех алтайских языков: фонетика, морфология, лексика, лексикография, синтаксис, история, языковые изменения и контакты, сопоставительно-типологические исследования.

В Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) состоялась конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология XIII» (22–24 июня). Конференция проводится ежегодно и известна как чтения, посвященные памяти профессора И.М. Тронского. Конференция посвящена вопросам индоевропейской реконструкции, филологического анализа текстов преимущественно на классических языках, а также проблемы языковой ситуации в различных регионах античного мира. Планируемая конференция объединяет специалистов по сравнительно-историческому языкознанию и классической филологии.

В Уральском государственном университете им. А.М. Горького (Екатеринбург) с 9 по 12 сентября пройдет Международная научная конференция «Этнолингвистика. Этимология. Ономастика»¹. Конференция организуется совместно с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) и Институтом славяноведения РАН (Москва) при участии комиссии по этнолингвистике при Международном комитете славистов. Задуманная конференция продолжает и развивает традиции конференций по диалектной этимологии и ономастике, проводившихся на базе кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета с 1991 г. Предполагается обсудить широкий круг проблем этнолингвистики, этимологии, ономастики на материале различных языков (русского языка, славянских, финно-угорских языков и др.), диалектов и социолектов.

С 10 по 13 сентября Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург) проводит Международную научную конференцию по теме «Политическая коммуникация». Конференция будет по-

¹ Данный обзор сдан в редакцию в первом полугодии 2009 г., когда указанным лингвистическим мероприятиям еще предстояло осуществить свою работу.

священа изучению политической речи, а также национальной и языковой картины мира. Предполагается участие специалистов в области политической коммуникации из научных школ России и зарубежья.

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ) планирует провести с 22 по 25 сентября научный семинар «Бурятский язык: исторические судьбы и современность». В рамках семинара будут обсуждаться актуальные процессы бурятского языка, его ближней и глубокой истории и социолингвистического статуса в России, Монголии и Китае. Основные направления научного семинара: 1) Языковая личность и языковое сознание; 2) Роль языка и культуры в формировании личности как представителя отдельного этноса; 3) Взаимовлияние языков и культур; 4) Современная социолингвистическая ситуация бурятского этноса в Байкальском регионе; 5) Проблемы и перспективы развития бурятского языка в условиях глобализации; 6) Бурятский язык в сопредельных государствах (Монголия, КНР).

В Московском институте иностранных языков состоится V Международная научная конференция «Язык. Культура. Общество». Тематика конференции охватывает как теоретические (русский язык в современном мире, проблема мировых и национальных языков, социолингвистика, психолингвистика), так и прикладные вопросы современной лингвистики, в том числе лексикография, перевод, лингводидактика. Кроме того, планируются доклады по смежным дисциплинам, таким как культурология, литература и искусство. Конференция будет проходить в Москве в Президиуме Российской академии наук 24–27 сентября 2009 года.

С 25 по 28 сентября в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина пройдут IV Бодуэновские чтения (первые три конференции прошли в 2001, 2003 и 2006 гг.). Конференция посвящена современным проблемам теоретического и прикладного языкознания, литературоведения и фольклористики. В рамках конференции планируются следующие секции: 1) Казанская лингвистическая школа: история и современность; 2) Фонетика и фонология; 3) Лексикология и фразеология; 4) Морфемика, словообразование, грамматика; 5) История языка и диалектология; 6) Лингводидактика; 7) История языкознания; 8) Прикладное языкознание; 9) Сопоставительная лингвистика; 10) Литературоведение и фольклористика.

В ЗАО «Златоуст» проводится Вторая всероссийская конференция «Кодификация

современного русского языка: результаты и проблемы». Конференция охватывает такие тематические направления, как языковая ситуация в России; сфера функционирования литературного языка и социолектов; языковые инновации; вопросы современной русской лексикографии, редактирования и лингводидактики. Конференцию планируется провести в Санкт-Петербурге в начале октября.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) проводит 19–22 октября Международную конференцию «Актуальные проблемы русской диалектологии». Тематика конференции – современная и историческая диалектология на всех уровнях языка, а также методология сбора, описания и интерпретации языкового материала. В конференции примут участие более 150 лингвистов разных стран. Кроме пленарных докладов, планируется работа следующих секций: «Фонетика», «Словообразование», «Лексикология», «Грамматика», «Русские диалекты в зоне языковых контактов», «Диалектный текст» и «Территориальные варианты старообрядческой культуры». Организация этой последней узкоспециализированной секции связана с деятельностью Международной комиссии по изучению старообрядчества, образованной при Международном комитете славистов.

В октябре–ноябре этого года Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачёва (Санкт-Петербург) планирует провести Международную научно-практическую конференцию и выставку «Послания кириллицы». Конференция посвящена вопросам, связанным с происхождением, распространением и спецификой кириллической графической системы. В рамках конференции проводится выставка художественных, графических и лицевых рукописных материалов, связанных и посвященных славянской азбуке. Будут обсуждаться вопросы активизации про-кириллической языковой политики за рубежом, проблемы, связанные с представлением кириллических текстов в Интернете, а также позиция «кириллических» языков в свете процессов глобализации.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения крупного русского ученого В.Г. Адмони. В честь этой даты Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) планирует провести с 9 по 13 ноября Международную конференцию по проблематике, связанной с творчеством В.Г. Адмони. Конференция включает пленарное заседание, посвященное научному наследию ученого, и 9 секций: «Теоретические проблемы современных германских языков», «История герман-

ских языков», «Система форм речевой коммуникации», «Полевая структура грамматических явлений», «Грамматика и текст», «Типология предложения», «Взаимосвязи языкознания и литературы», «Грамматические категории» и «Факторы развития грамматического строя». В конференции планируют принять участие больше 100 российских и зарубежных ученых.

Продолжает работу постоянно действующий семинар по проблемам библейского перевода. Семинар проходит в Институте перевода Библии в Москве. Тема семинара этого года: «Перевод Библии и проблемы терминологии». Эта тема обобщает опыт переводчиков Библии, сопоставляя его с результатами лексикологических исследований и практикой работы других переводчиков и авторов, пишущих на языках народов стран СНГ, способствуя научным и практическим дискуссиям между учеными и представителями творческой интеллигенции из разных регионов РФ. Число постоянных участников семинара составляет 56 человек. Это сотрудники столичных и региональных организаций, занимающиеся переводом Библии на родной либо этнический язык.

В текущем году на семинаре предполагается обсудить следующие проблемы: пути создания новых терминов в языке, границы употребления терминов в письменной речи, литературное изящество vs. терминологическая точность, последовательность vs. контекстуальное значение, роль терминологических комиссий в различных языках, термины и лексикологическая работа, выработка сходной терминологии в близкородственных языках или «языковых союзах», арабизмы и религиозная лексика ислама, критерии «понятности» и «правильности» для новых терминов. Как и в прошлом году, семинар проводится два раза в год по 4–5 дней в период с 15 февраля по 15 декабря.

Лингвистические экспедиции

В 2009 году Российским государственным гуманитарным фондом поддержано 8 экспедиционных проектов в области лингвистики, некоторые из которых уже стали традиционными. Три из них посвящены описанию диалектов русского языка, пять проектов предполагают описание и документирование малых языков РФ.

Один из наиболее масштабных проектов, посвященных описанию диалектов русского языка, – это полевые исследования коллектива сотрудников Института русского языка под руководством Л.Л. Касаткина. Цель исследований – запись диалектной речи для после-

дующей обработки и выявления тех просодических, морфологических и синтаксических особенностей говоров, которые с трудом фиксируются в процессе записи. Планируется организация десяти экспедиций: в Калужскую, Московскую, Белгородскую, Новгородскую, Архангельскую, Вологодскую, Владимирскую, Брянскую область, а также в Эстонию и на Аляску.

Более специфическую географическую направленность имеет намечающаяся экспедиция по изучению русских диалектов Оренбургской области, которая будет проводиться сотрудниками Института лингвистических исследований. Проект является частью постоянно продолжающихся исследований, имеющих целью создание Лексического атласа русских народных говоров. Программа сбора полевых данных включает опрос по заранее определенным семантическим полям («Природа», «Метеорологические явления», «Астрономия», «Календарь», «Части суток», «Человек», «Трудовая деятельность» и др.). Руководитель проекта – С.А. Мызников.

Экспедиция, проводимая коллективом Института русской литературы (Пушкинский Дом), локализована в районах Архангельской области. Данный проект ставит задачу описания рукописно-книжной и фольклорной традиций Северной Двины. Руководитель экспедиции – А.Б. Бильдюг.

Среди проектов по малым языкам РФ следует особо отметить масштабный проект по сбору данных уральских, алтайских и кавказских языков под руководством А.Е. Кибрика. Проект предполагает полевую работу коллектива преподавателей и студентов Московского государственного университета в коми-зырянском и осетинском языках. Экспедиции в каждый из языков длятся около месяца, не считая семинаров по подготовке студентов в Москве, а также обработки полученных материалов.

Проекты полевых исследований этого года крайне важны в силу того, что они направлены на изучение идиомов, находящихся под угрозой исчезновения. В частности, в рамках проекта под руководством Л.Р. Додыхудоевой (Институт языкознания РАН) предполагается собрать материал по язгулямскому и ягнобскому языкам (восточноиранские языки Таджикистана). О.А. Казакевич проводит экспедицию к сымским эвенкам в Енисейский район и к келлогским кетам (Туруханский район Красноярского края) (проект под эгидой Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета). Проект А.П. Конкка направлен на лингво-этнологическое обследование Кенозерья (Олонецкий край): ставится цель выяснить

синхронный этнический и лингвокультурный состав населения, в речи которого, предположительно, сохраняются как черты северных русских говоров, так и субстратного прибалтийско-финского наследия (проект под эгидой Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН). Под руководством А.Н. Соболева планируется экспедиция по описанию диалектов балканских языков в зоне контакта носителей с русскоязычным населением (проект под эгидой Института лингвистических исследований). Программа исследования охватывает вопросы морфосинтаксиса, лексики и этнолингвистики. Анкеты для опроса информантов разработаны и утверждены в рамках проекта «Малый диалектологический атлас балканских языков».

Проекты по изучению восточноиранских, эвенкийского и кетского языков, а также идиомов Кенозерья в большей степени предполагают запись текстов, проект по коми-зырянскому и осетинскому языкам и проект по балканским языкам – преимущественно работу с носителями методом лингвистического анкетирования.

Из 8 экспедиционных проектов этого года 5 направлено на документирование языка и 3 – на сбор грамматического и лексического материала методом лингвистического анкетирования. Таким образом, можно отметить повышение интереса к проектам, направленным на документирование, т. е. запись связных текстов на изучаемом идиоме. Как представляется, это объясняется все возрастающим в последние годы интересом лингвистов к текстовым данным, что проявляется, в том числе, в стремлении полевых исследователей создавать корпуса малых языков.

Издательские проекты

РГНФ финансирует в 2009 году 29 издательских проектов по языкознанию, в том числе 7 словарей, 14 монографий (из них две грамматики), 5 сборников статей, 2 перевода памятников и одну публикацию курса лекций.

Словари. Продолжающиеся проекты

Русский этимологический словарь. Вып. 5 (Бе- — Бо-). Словарь содержит систематизированный в виде статей свод этимологии русской лексики, включая топономастический материал. Для каждого слова указываются его параллели в других славянских и неславянских языках, а также праславянский или иной этимон с изложением сведений о его истории. Руководитель проекта – А.Е. Аникин.

Большой академический словарь русского языка. Т. 14, 15, 16. БАС – одно из наиболее известных лексикографических изданий, представляющее собой самый полный толковый словарь русского языка XIX–XX вв. Кроме общеупотребительной лексики литературного языка, словарь включает термины, диалектизмы, архаизмы, фразеологизмы. Особую ценность имеют обширные цитатные материалы и справочник по нормам словоупотребления в СРЯ. Руководитель проекта – А.С. Герд.

Этимологический словарь славянских языков. Вып. 36. Издание ставит целью реконструкцию лексического фонда праславянского языка на основании анализа материала современных литературных, диалектных и исторических словарей всех славянских языков, а также картотек неопубликованных словарей. Руководитель проекта – А.Ф. Журавлев.

Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий (Г–И) – продолжающийся лексикографический проект, который, по замыслу авторов концепции Е.Л. Гинзбурга и Ю.Н. Караулова, является составной частью лексикографической серии, посвященной языку Ф.М. Достоевского. Руководитель проекта – Ю.Н. Караулов.

Словарь языка русской поэзии XX в. Т. IV (*Кругл – Моци*) содержит около 7 000 статей, каждая из которых представляет собой собрание стихотворных строк из произведений выдающихся поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Статьи позволяют судить о ритмике окружения заглавного слова и о семантических сдвигах, которые оно претерпевает в поэтическом языке эпохи. Руководитель проекта – Л.Л. Шестакова.

Цаболов Р.Л. *Этимологический словарь курдского языка*. Т. 2. Издание восполняет существенный пробел в курдском историческом языкознании. В издании разрабатывается история курдской лексики: отделение исконного ее слоя от заимствований, сопоставление форм и значений исконной лексики с родственными словами в других иранских языках, реконструкция древнеиранской праформы. Руководитель проекта – О.Р. Цаболова.

Словари. Годовые проекты

Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. Словарь составлен на материале письменных памятников Карелии XV–XVII вв. В словаре отражены процессы языковой интерференции: выявлены имена с прибалтийско-финскими основами, в различ-

ной степени усвоенные русскими. Словарь дает возможность выявить динамику изменения именника изучаемой территории, вхождения в него новых имен, определения в нем постоянных составляющих на протяжении столетий, изучения основ именовании и др. Руководитель проекта – И.А. Кюршунова.

Монографии

В числе монографий хотелось бы особо отметить два грамматических описания, которые готовятся к публикации в этом году. Это грамматика водского языка Е.Б. Маркус под названием *Современный водский язык (тексты и грамматический очерк)* и грамматика энецкого языка И.П. Сорокиной – *Энецкий язык*. Учитывая тот факт, что оба описания посвящены исчезающим языкам, их публикация представляется крайне важной.

Арутюнова Н.Д., Ковшова М.Л., Спиридонова Н.Ф. *Диалог в разных мирах и культурах*. В исследовании рассматриваются общетеоретические и частноязыковые аспекты диалогической речи. Предлагается подробный анализ реализации различных иллокутивных типов высказывания, истинностной оценки, идиоматики и клиширования в диалоге.

Виноградов В.А. *Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп*. Коллективная монография посвящена ключевым вопросам синтаксиса простого предложения в языках Африки: именная группа, глагольная группа и дискурсивный синтаксис. Рассматривается материал различных языков банту, а также языков пулар-фульфульде, эве, акан, сонгай, хауса.

Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. Цель монографии – классификация речевых жанров. Рассматривается отношение речевого жанра к коммуникативному жанру, речевому акту и речевому событию, а также вопросы культурологического жанроведения.

Добродомов И.Г., Дыбо А.В., Норманская Ю.В. *Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских и тюркских языках*. Основное направление исследования – этимологический анализ лексических единиц с семантикой природного окружения в уральских и тюркских языках. Для каждой этимологии приводится ее анализ с точки зрения фонетической реконструкции. Цель работы – семантическая реконструкция и анализ семантической эволюции рассматриваемой лексики.

Зализняк А.А. *Труды по акцентологии*. Книга содержит работы по современной и древнерусской акцентологии. Важнейшую часть книги составляет обобщающая работа «От праславянской акцентуации к русской». Име-

ется два акцентологических словаря-указателя: общий и специальный, посвященный именам собственным.

Клейнер Ю.А. *Проблемы общей и германской просодики*. В работе рассматриваются вопросы ритмической сегментации речевой цепи и соотношения просодических структур и супрасегментных явлений с различными типами метрики. Исследование опирается на материал ряда индоевропейских, преимущественно германских языков на различных стадиях их эволюции.

Крысин Л.П. *Современный русский язык: система–норма–узус*. Монография продолжает цикл работ, посвященных исследованию процессов, которые происходят в русском языке второй половины XX – начала XXI вв. Материалом исследования послужили тексты как письменной, так и устной речи.

Кузнецов В.Г. *Научное наследие Женевской лингвистической школы*. В настоящем исследовании предлагается анализ научного наследия Женевской лингвистической школы с позиций современной лингвистики. Кроме широко известных положений «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра анализируются положения Женевской лингвистической школы, не пользующиеся широкой известностью в настоящее время: грамматическое учение, семиологическая концепция и др.

Молдован А.М. *С.В. Бромлей. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка*. Монография рассматривает проблемы русской диалектологии в свете диахронических данных. В книге разрабатываются структурный и лингвогеографический методы изучения диалектов и предлагается обсуждение результатов, полученных при помощи указанных методов.

Николаев А.С. *Исследования по праиндоевропейской именной морфологии*. Монография посвящена вопросам реконструкции праиндоевропейской морфологии имени. Работа базируется на новейших разработках в области праязыковой реконструкции, иллюстрируя, таким образом, возможности инновационной теории акцентно-аблаутных парадигм.

Розанова Н.Н. *Языковое существование современного горожанина*. Предметом исследования являются языковой облик современной Москвы и речевой мир ее жителей. Работа базируется на записях живой устной речи горожан в период с конца 80-х годов по настоящее время. Спектр рассматриваемых речевых жанров охватывает типовой набор коммуникативных ситуаций.

Шигуров В.В. *Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (материалы к транспо-*

зиционной грамматике русского языка). Исследование представляет собой анализ проблем интеръективной транспозиции слов и словоформ разных частей речи в аспекте теории переходности и синкретизма. Работа направлена на создание транспозиционной грамматики русского языка.

Сборники статей

Этимология. 2006–2008. Научный сборник содержит работы зарубежных специалистов в области этимологии и смежных дисциплин. Статьи написаны на материале славянских и других индоевропейских языков. Сборник также содержит рецензии на новые этимологические словари русского языка, а также монографии и сборники, содержание которых связано с проблемами этимологии. Руководитель проекта – Ж.Ж. Варбот.

Современная семиотика и гуманитарные науки. Сборник представляет материалы конференции «Современная семиотика в приложении к гуманитарным наукам», посвященной 90-летию со дня рождения знаменитого семиолога Ж. Греймаса. В конференции приняли участие ведущие специалисты по семиологии, представители различных школ России, Франции, Италии, США, Литвы, Эстонии, Латвии. Руководитель проекта – Вяч.Вс. Иванов.

Имя и смысл. В сборнике собраны продолжающиеся исследования нового направления в изучении имени собственного. Публикуется новое исследование Вяч.Вс. Иванова об индоевропейских именах в староассирийских текстах, малодоступные работы В.Н. Топорова, работы по функции имени в древних текстах и текстах традиционной культуры, исследование по «игре» имен как приему в классической и новейшей литературе, работа Т.М. Николаевой о тройной прототипизации через имя в кинематографическом нарративе, исследование по ономастической ксеномотивации. Руководитель проекта – Т.М. Николаева.

Лингвистика конструкций: теория и практика. Сборник под редакцией Е.В. Рахилиной содержит работы по теории грамматических конструкций и взаимосвязи синтаксиса и семантики языка. Делается попытка описать процесс взаимопроникновения компонентов, являющихся элементами конструкции, и семантические изменения, происходящие в ходе этого процесса.

Каранетьяну А.М. У истоков китайской словесности. Сборник содержит статьи, вышедшие с начала 1970-х гг. и посвященные реконструкции и описанию культурных концептов Китая рубежа II–I тыс. до н.э. Особое внимание уделяется вопросу формирования

нормативного китайского языка. Все статьи заново отредактированы автором. Руководитель проекта – А.М. Карапетьянц.

Переводы памятников

Свод памятников фольклора народов Дагестана. Т. II: Волшебные сказки представляет собой второе издание в 20-томной серии памятников фольклора народов Дагестана, которая составляется в Дагестанском научном центре РАН. Данная серия должна явиться результатом долгосрочной широкомасштабной работы по составлению национальных очерков устно-поэтического наследия народов Дагестана. Первые тома серии включают сказки о животных; волшебные сказки в 2-х т. и бытовые сказки в 2-х т. Каждый том включает собрание фольклора народов Дагестана с переводом на русский язык с комментариями и примечаниями.

Атхарваведа (Шаунака). Перевод с ведийского, вступительная статья, комментарий и приложение. Т. 3. Кн. XII–XX. Издается А.В. Топоровой. Атхарваведа – древнейшее собрание индийских заговоров, датированное приблизительно началом I тыс. до н. э. При-

надлежа к самому раннему, ведийскому периоду древнеиндийской литературы, этот памятник занимает особое место среди прочих вед, отличаясь от них и по своему содержанию, и по тому ритуалу, который с ним связан. Атхарваведа уникальна в том отношении, что отражает быт древнейших индийцев. В отличие от других вед, здесь идет речь не о богах и мифах, а о человеке, его общественной и личной жизни, обычаях, таких как помазание царя на царство, свадьба, похороны.

Публикация курса лекций

Лутовинова И.С. *Русская диалектология*. Книга представляет собой курс лекций академика А.А. Шахматова, который читался студентам историко-филологического факультета Петербургского университета в 1909–1915 и 1919 гг. Лекции были подготовлены к изданию проф. Б.А. Лариным в 1939–1940 гг.; тем не менее до сих пор не были изданы, публикуются впервые.

Н.В. Сердобольская
(Москва)

Круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»

12–14 марта 2009 г. в Санкт-Петербурге был проведен круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», организованный (в рамках XXXVIII Международной филологической конференции) совместными усилиями ИЛИ РАН и Факультета филологии и искусств СПбГУ.

Круглый стол был посвящен проблемам русского синтаксиса. В докладах и лекциях были рассмотрены формальные свойства синтаксических конструкций в связи с их семантико-прагматическими свойствами и с условиями употребления этих конструкций в текстах (дискурсе), при этом синтаксические и семантические свойства конструкций русского языка рассматривались на фоне общеязыковых закономерностей, проявляющихся не только в грамматике, но и в лексике. На заседаниях круглого стола обсуждались в первую очередь те явления, которые принято относить к так называемому «малому синтаксису», т. е. явления, которые часто оказываются на периферии синтаксического описания и теоретического осмысления.

Все выступления представляли новые эмпирические данные, полученные путем обращения к корпусам и другим языковым материа-

лам. Большая часть исследований основана на данных, полученных из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru). Материалы докладов доступны на сайте ИЛИ РАН (<http://iling.spb.ru/conf/rusconstr2009.html>).

В большинстве докладов теоретическая платформа была идеологически близка «грамматике конструкций» Ч. Филлмора и его последователей; таким образом, круглый стол стал по сути первой научной конференцией по грамматике конструкций, проведенной в России.

В ходе работы круглого стола состоялось в общей сложности 32 выступления, представленных как молодыми, так и опытными исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Тромсё (Норвегия) и Хельсинки (Финляндия). Четыре из этих выступлений были сделаны дистанционно, при помощи системы Skype.

В качестве приглашенных лекторов на заседаниях круглого стола выступили шесть известных исследователей, внесших существенный вклад в изучение проблем русского синтаксиса: Е.В. Падучева (ВИНИТИ РАН, Москва), Лора Янда (Laura Janda, университет Тромсё, Норвегия), Е.В. Рахилина (ИРЯ РАН, Москва), В.И. Подлеская (РГГУ, Москва), В.С. Храковский (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) и М.В. Русакова (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург).

В жанровом отношении выступления всех этих лингвистов совмещали в себе черты теоретических лекций и собственно исследовательских докладов, практически все теоретические обобщения подавались в связи с новыми эмпирическими данными.

В выступлении Е.В. Падучевой «Синтаксические рефлексy внутрилексемного отрицания: какой бы то ни было» было рассмотрено поведение особой кванторной конструкции с единицей «*W бы то ни было*», где на месте *W* могут оказываться вопросительные местоимения (*кто, что* и др.) и вопросительные местоименные наречия (*где, когда* и др.). Было показано, что эта единица может быть охарактеризована как квантор общности с отрицательной поляризацией, при этом ее появление может лицензировать как синтаксически выраженное отрицание (*не стану давать каких бы то ни было инструкций*), так и отрицание внутрилексемное, т. е. входящее в толкование какой-либо лексемы в составе высказывания (*Он отказался от какой бы то ни было помощи*). Выяснилось, что изучаемая единица сочетает в себе признаки кванторов всеобщности и существования, а ее дистрибуция не совпадает полностью с дистрибуцией других, более хорошо изученных местоимений русского языка (отрицательных на *ни-*, неопределенных на *-либо*, а также *всякий / любой*).

В прочитанной на английском языке лекции Л. Янды «Linguistic profiles and construction grammar» речь шла преимущественно о применении разрабатываемой автором когнитивно-ориентированной модели грамматики к русскому падежу, который при этом рассматривался с разных сторон: «изнутри» (выстраивание когнитивных сетей для описания семантики отдельных падежей) и «снаружи», путем коллокационного анализа отдельных лексических единиц. Выяснилось, например, что выстраивание «конструкционных профилей» для русских существительных типа *грусть, печаль, тоска, счастье, восторг* и т. п. (под конструкционными профилями понимаются частотные распределения по употребительности в составе различных падежно-маркированных синтаксем или конструкций) помогает установить те когнитивные модели, метафорические ряды и семантические сети, в которых проявляется их семантика и концептуализация.

Е.В. Рахлина («Грамматика конструкций и каламбурный анекдот») обратила внимание на русские каламбурные анекдоты как на источник сведений о структуре конструкций, отметив, что природа каламбура в текстах такого типа чаще всего строится не только и не столько на обыгрывании различных значений одной лексемы, сколько по полисемии конструкций. При этом

юмористический эффект создается из-за несовместимости требований на семантическую, прагматическую и лексическую сочетаемость элементов конструкций. Таким образом, каламбурный анекдот в каком-то смысле представляет собой готовую лабораторию для изучения часто очень тонких и не сразу заметных свойств синтаксических конструкций.

В.И. Подлесская прочитала лекцию «Дело о русских союзах *А* и *НО* открывается вновь: теперь с привлечением корпуса с просодической разметкой», в которой на материале устного корпуса «Рассказы о свидениях» было детально рассмотрено использование названных союзов в связном дискурсе. При этом различие в семантике союзов *а* и *но* (маркеров «поворота повествования» и «нарушения естественной причинно-следственной связи») было вскрыто путем обращения к просодическим свойствам тех единиц, в составе которых они используются (так, выяснилось, что союз *а* гораздо чаще используется после «финальных элементарных дискурсивных единиц», то есть начинает новую иллокуцию, что соответствует идее поворота в повествовании).

В своем выступлении «Два подхода к анализу конструкций: “лексико-семантический” и “конструкционный” (опыт сопоставления)» В.С. Храковский обратился к центральной проблеме круглого стола – к сравнению синтаксических моделей, выстраивающих структуру «сверху вниз» (прежде всего, от глагола к его аргументам, для которых глагольная лексема открывает некоторое количество мест) и «снизу вверх» (от сложной конструкции с ее потенциально некомпозициональным устройством к единицам, служащим ее наполнению). Было продемонстрировано, что каждый из подходов имеет право на существование и что, более того, в целом они не исключают, а скорее дополняют друг друга. Были рассмотрены такие явления, которые поддаются адекватному анализу и интерпретации в рамках какого-то одного, но не противоположного подхода. Так, было отмечено, что некоторые конструкции, например, превентивная конструкция, способны «навязать» глагольной лексеме акциональную интерпретацию, вообще говоря, для последней не характерную, что соотносимо с некоторыми идеями грамматики конструкций. В то же время, **ограничения** на попадание глагольных лексем, употребляемых в переносном значении, в различные аргументные структуры легче объяснить, если брать за основу лексическую семантику конкретного глагола.

М.В. Русакова представила лекцию «Категория одушевленности в русском языке: между онтологией, лексикой и синтаксисом». Были рассмотрены факторы, обуславливаю-

шие реализацию категории одушевленности в русском языке. Выяснилось, что лексически закреплённая грамматическая характеристика это лишь один из многочисленных факторов, учитываемых говорящим при оформлении словоформ винительного падежа. К числу других факторов относятся, например, онтологические свойства референта (так, в определенных синтаксических контекстах, допускающих относительную свободу выбора, например, *вижу несколько / нескольких собак*, играет роль положение соответствующих референтов на градуированной шкале одушевленности), а также синтаксические требования, задаваемые конструкцией. Помимо этого, было показано, что единицы, употребляемые в переносном значении, демонстрируют колебания, связанные со «степенью метафоричности», при этом, закрепляясь в системе языка, переносные употребления обычно удаляются от модели, навязываемой исходной характеристикой лексемы.

Выступления остальных 26 докладчиков были включены в программу на конкурсной основе.

М.А. Овсянникова (Санкт-Петербург) представила доклад «Наследование и изменение свойства на различных уровнях конструкции: конструкции *только и делает, знает, умеет, что V*». На примере названных в теме доклада конструкций автор показала, как их свойства наследуются из свойств фокальной конструкции *только и ____, что* и исходных полнозначных глаголов *делать, знать, уметь*. Было показано, что свойства каждой из рассматриваемых конструкций не выводятся полностью из свойств составляющих ее элементов.

В докладе «Квазиимператив долженствования» Ю.Л. Кузнецова (Норвегия) рассмотрела квазиимперативную конструкцию долженствования (*Там дела делаются, а я сиди здесь*), сравнив ее с нейтральной конструкцией долженствования, и пришла к выводу о том, что у квазиимператива есть семантические и структурные ограничения, которые связаны друг с другом и отчасти вытекают из свойств ее грамматических компонентов (союз *а* и граммема несовершенного вида).

В.В. Баранова (Санкт-Петербург) в докладе «*Поди знай*: семантика и прагматика конструкции» сравнила свойства конструкции с элементом *поди знай* и особенности употребления дискурсивного слова *поди/подите* в других контекстах. Автор подробно разобрала семантические и синтаксические свойства, специфичные для рассматриваемой конструкции (например, ограничение на образование формы мн. ч. **поди знайте*), показала связь с дискурсивной частицей *поди* и другими конструкциями с квазиимперативом.

В докладе С.С. Сая (Санкт-Петербург) «Нарративные относительные предложения в русском языке» был рассмотрен особый тип структур с относительным местоимением *который*, используемый для выражения последовательно разворачивающихся событий, относительно равноправных с точки зрения структуры нарратива, несмотря на признаки синтаксического подчинения (*хозяин вызывает милиционера, который ловит этого преступника*). Было продемонстрировано, что в основном такая структура характерна для случаев, когда протагонист некоторого события выступает в роли «временного» топика, только что введенного в пространство дискурса.

Доклад С.А. Оскольской (Санкт-Петербург) «Конструкция с союзом *кроме как* в русском языке» был посвящен описанию синтаксических и семантических свойств упомянутой конструкции в сопоставлении со свойствами конструкции с предлогом *кроме*, употребляемом в значении «за исключением». В докладе предпринята попытка выявить контексты, в которых предпочтительно употребляется конструкция с союзом *кроме как* и контексты, в которых предпочтительной оказывается конструкция с предлогом *кроме*.

В докладе «К вопросу о взаимодействии видовых приставок с глагольными конструкциями. Конструкционный анализ глагола *грузить*» С.В. Соколова (Норвегия) на примере глаголов *грузить* и *мазать* показала семантические особенности некоторых приставок, а также зависимость выбора приставки при образовании видового коррелята от «конструкционного профиля». Кроме того, автор отметила большую роль эллипсиса при разграничении разных значений глагола.

И.В. Знаешева (Санкт-Петербург) представила доклад «Некоторые прагматические аспекты употребления конструкции «глагол + *но* + наречие»». Автор отметила связь противопоставления, выраженного в конструкции с помощью союза *но*, с семантико-прагматическими свойствами конструкции. Появление второй ремы свидетельствует о нарушении ожидаемого хода вещей.

Явлению тавтологической экскорпорации в русском языке был посвящен доклад О.Н. Ляшеской (Норвегия) «*А ты головой подумай*: о тавтологическом выражении инкорпорированных актантов глагола». В докладе описываются случаи эксплицитного называния инкорпорированных актантов глагола с объяснением функции этого явления. Автор продемонстрировала системность тавтологической экскорпорации, показав, что в зависимости от роли участника в воспринимаемой ситуации ему отводится более высокий или низкий коммуникативный ранг.

Н.Е. Ш а н я в с к а я (Санкт-Петербург) в докладе «Об одной синтаксической тенденции в поэзии Михаила Крепса» доказала, что в поэзии М. Крепса наблюдается тенденция к отсутствию прилагательных. Смысловую нагрузку несут обстоятельства, а значение признака передается с помощью отадективных существительных.

В докладе Л.М. Б о р я е в о й (Санкт-Петербург) «Место именных сочетаний с производными предлогами в системе синтаксиса русского языка» были рассмотрены наречные и отыменные производные предлоги, различающиеся по особенностям своего возникновения и относящиеся к разным периодам истории языка. Автор утверждает, что на современном этапе наречные предлоги уже непродуктивны, а количество отыменных стремительно возрастает.

В докладе «Изменение управления предлога *по* в русском языке» Е.В. М у р а в е н к о (Москва) проанализировала употребление предлога *по* в некоторых значениях на протяжении XIX–XX вв. Автор отметила, что в ряде случаев происходит вытеснение предложного падежа именной группы, следующей за предлогом, дательным падежом. Это вытеснение имеет стадильный характер: сначала оно распространяется на существительные во мн. числе, затем на местоимение *они*, существительные в ед. числе, местоимение *он, кто* (и дериваты) и, наконец, на местоимения *мы, вы*. Во временном значении предлога *по* закрепляется предложный падеж. В этом случае Е.В. Муравенко предлагает говорить о переходе существительных с предлогом *по* в составные предлоги.

О.Ю. Ш е м а н а е в а (Москва) в докладе «Конструкции размера и состава в русском языке» рассмотрела ряд конструкций, с помощью которых можно выразить размер или состав предмета (например, конструкция типа *X (Y-ом) в Z рыбка размером в ладонь*). Для данных конструкций автор выделила два важных семантических параметра: мерелогический параметр (соотношение части и целого) и профилирование (фон или фигура в качестве эталона и измеряемого объекта).

С.А. К р ы л о в (Москва) в докладе «Словарная продуктивность нетривиальных исходных диатез в русском языке по словарю С.И. Ожегова (опыт “квазикорпусного” исследования)» представил исследование статистики употребления нетривиальных исходных диатез на основании частотности помет об управлении.

И.В. Д у б р о в и н а (Ульяновск) выступила с докладом «Синонимичные предложные конструкции в аспекте грамматики конструкций», в котором были рассмотрены три группы конструкций: *говорить о Yпредл. / говорить про Yвин.; скучать о Yпредл. / скучать*

по Yдат.; бить в Yвин. / бить по Yдат. Пару конструкций в каждой группе принято считать синонимичной. Автор доказывает, что рассматриваемые конструкции синонимичными не являются, а в каждой группе можно выделить от двух до четырех типов конструкций, обладающих своими особенностями употребления.

Доклад Н.В. Сердобольской и С.Ю. Толдовой (Москва) «“Объективная” и “субъективная” оценка в русском языке» был посвящен анализу конструкций с оценочными предикативами. Проанализировав 44 предикатива оценки, авторы приходят к выводу о том, что оценочные предикаты могут вводить не только субъект и объект оценки, но и ориентир. Наличие участника-ориентира обусловлено семантикой оценочного предиката.

М.Ю. К н я з е в (Санкт-Петербург) в докладе «Об особом типе номинализаций в русском языке» рассматривал различия в употреблении *чтобы*-клауз (*настаивал, чтобы X сделал...*) и *то, чтобы*-клауз (*настаивал на том, чтобы X сделал...*), а также противопоставленной им сложной инфинитивной конструкции с союзом *чтобы* (*настаивал на том, чтобы сделать...*). В докладе были выделены группы предикатов, различающихся по признаку сочетаемости с этими тремя типами сентенциальных актантов, и было показано, что сочетаемость ни с одним из них невозможно вывести напрямую из сочетаемости с другими (например, сведя к простому эллипсису местоимения).

Доклад Д.В. С и ч и н а в ы (Москва) «Сколько было и бывает русских *было* и что они значат» был посвящен анализу ряда конструкций со словом *было*. Основываясь на корпусных данных, автор показал, что слово *было* может занимать разные позиции на континууме между сказуемым отдельного предложения и частицей в зависимости от типа конструкции.

О.Н. Н и к и т и н а (Москва) представила доклад «О связи модальной интерпретации дативно-инфинитивных конструкций в русском языке с агентивностью и аспектологическими свойствами смыслового глагола». В результате подробного исследования автор приходит к выводу о том, что дативно-инфинитивная конструкция описывает либо постепенно развивающуюся ситуацию, либо ситуацию, описывающую начало некоторого состояния. Однако это утверждение оставляет нерешенным ряд проблем, на которые и указывает автор.

Н.В. П е р к о в а (Санкт-Петербург) в докладе «Конструкции типа “V + O + с собой” как пример конструкции каузированного перемещения» разбирала синтаксические и семантические свойства конструкций типа *X позвал с собой Y-а* и *X дал Y-у с собой Z*. Выясняется, что общим свойством рассматриваемого семейства конст-

рукций является семантика перемещения ориентира и спутника, но что при этом некоторым конструкциям свойственно значение каузации, другим же – значение результата каузативной ситуации. Кроме того, рассматриваемые конструкции оказываются чувствительны к статусу одушевленности каузатора-ориентира и каузируемого участника-спутника, а также к наличию контакта между каузатором и каузируемым.

В докладе «*Сколь – столь или столь – сколь*: об одной двухчастной конструкции в русском языке» К.А. Маслинский (Санкт-Петербург) проанализировал указанную конструкцию с точки зрения синтаксиса и семантики и выявил ряд особенностей, позволяющих отличить рассматриваемую конструкцию от других, аналогичных на первый взгляд (например, ср. английскую конструкцию conditional correlative *the ... the ...*).

Ю.П. Князев (Великий Новгород/Санкт-Петербург) выступил с докладом «Видовое противопоставление в предложениях с формами будущего времени в русском языке», в котором было показано, что некоторые суждения о семантике русского вида, зачастую основанные лишь на противопоставлении глаголов СВ и НСВ в формах прошедшего времени, нуждаются в уточнении с учетом употребления форм будущего времени. Показано, что в целом формы будущего времени НСВ употребляются сравнительно редко и в лишь достаточно ограниченном наборе случаев (например, будущее длительное, на фоне которого произойдет действие, выраженное глаголом СВ). Также продемонстрирована связь форм будущего времени глаголов НСВ с семантикой начинательности (*когда будет темнеть*) и со значением намерения (*если будете покупать билеты*).

А.Б. Летучий (Москва) в докладе «Конструкции и деривации» противопоставил понятия конструкции и актантной деривации: при канонической актантной деривации производные глаголы и задаваемые ими актантные структуры выводятся по некоторой регулярной схеме из исходных глаголов и их структур, а в канонических конструкциях единство обеспечивается сходством производных структур, механизмы же их деривации могут быть различными. Сравнив ряд конструкций русского и некоторых других языков с соответствующими деривациями (например, реципрокальную конструкцию на *пере-...-ся* и реципрок на *-ся*), автор показал, что одно и то же явление может совмещать в себе конструкционные и деривационные черты.

В докладе М.Б. Коношенко (Санкт-Петербург) «Повторы с *как (же)* и *где ж*: в поисках конструкций» рассматривались особенности употребления единиц *как (же)* и *где ж*,

их поведение в ряде конструкций. Сравнив эти конструкции с вопросительными предложениями, автор приходит к выводу о том, что свойства простых вопросительных местоимений по-разному наследуются в различных конструкциях. Обнаруживается, что в конструкциях с *где ж* оценка события модифицирована более категорично, нежели в конструкциях с *как (же)*.

К.А. Крапивина (Санкт-Петербург) сделала доклад «О конструкции *не успел ... как ...*», в котором показала, что глагол *успеть* в сочетании с отрицанием и союзом *как* начинает функционировать почти так же, как двухместные союзные соединения *едва ... как, только ... как* и др. со значением контактного следования, несмотря на то, что рассматриваемая конструкция обладает своими формальными свойствами, отличающими ее от союзных соединений.

В докладе «Конструкции с глаголом *стоять*» А.В. Выдрина (Санкт-Петербург) проанализировала ряд конструкций с глаголом *стоять*, которые включают в себя два события. Эти конструкции различаются семантически в зависимости от типа связи между двумя событиями. Автор выдвинула предположение, что семантическое развитие от одного типа конструкций к другому заключается в постепенной утрате компонентов связи между событиями.

М.В. Коптев (Финляндия) в докладе «Предикативные синтаксические идиомы и принципы синтаксической идиоматизации» проанализировал ряд конструкций русского языка. На основании данного анализа автор обосновал принципы синтаксической идиоматизации, которые определяют появление и развитие новых синтаксических конструкций от «идиоматизированных» до «свободных».

В своем большинстве доклады, представленные на круглом столе, вызвали живые дискуссии, часто продолжавшиеся не только на самих заседаниях, но и в кулуарах. Можно надеяться, что состоявшаяся встреча будет способствовать формированию среды единомышленников, занимающихся смежными проблемами русского синтаксиса и разделяющих базовые идеологические и методологические установки. Этому должна способствовать и реализация тех планов, которые были намечены в конце работы круглого стола: были достигнуты договоренности, во-первых, об издании материалов круглого стола в серии трудов ИЛИ РАН (*Acta linguistica petropolitana*), а во-вторых, о проведении подобных конференций в будущем на регулярной основе.

С.А. Оскольская, С.С. Сай
(Санкт-Петербург)

Конференция «Понимание в коммуникации»

Конференция по проблеме «Понимание в коммуникации» (9–11 февраля, Москва, организаторы: кафедра массовых коммуникаций и Институт иностранных языков Московского городского педуниверситета совместно с Институтом языкознания РАН) проводится уже в четвертый раз, что показывает интерес к этой проблеме со стороны представителей различных наук (конференция имеет междисциплинарный статус). Традиционно на обсуждение вопросов понимания собираются специалисты из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Помимо вузовских преподавателей и сотрудников институтов Академии наук в конференции участвуют специалисты-практики: школьные учителя, редакторы, рекламисты, компьютерщики, что обеспечивает получение материала из новых источников.

В конференции «Понимание в коммуникации – 4» участвовали и психологи, и социологи, и специалисты по компьютерной науке. Однако главное слово принадлежало лингвистам. Действительно, в языкознании и смежных дисциплинах – психолингвистике и социолингвистике – накоплены не только немалые знания в области понимания как составной части речевой деятельности. Лингвисты выработали достаточно богатый инструментарий, позволяющий делать обоснованные заключения о приемлемости тех или иных моделей понимания. И среди лингвистов, проявлявших интерес к конференции «Понимание в коммуникации» (две предыдущие прошли в МГУ), можно назвать Н.Д. Арутюнову, Е.В. Падучеву, В.З. Демьянкова (Москва) и многих других авторов интересных докладов и сообщений.

На четвертой конференции, прошедшей на этот раз в МГПУ, интерес к лингвистической проблематике был распределен по следующим направлениям: языковые единицы и их понимание, механизмы речевой деятельности и их становление в онтогенезе, культурные факторы в коммуникации, в том числе и невербальной, понимание текста и компьютер. Естественно, проблемы языка всплывали и в обсуждениях психологов, социологов, философов – так же, как эти научные направления так или иначе учитывались и в лингвистических докладах.

Из языковых единиц особое внимание на этот раз было уделено лексике и фразеологии. И.М. Кобозева (Москва) сделала интересное сообщение о семантической структуре глагола «понимать», дополнив имеющиеся описания. А фразеология была представлена целым рядом сообщений аспирантов Института русского языка им. Виноградова, последователями

взглядов А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского (П.С. Дронов, О.А. Казеннова, А.Д. Козеренко рассмотрели несколько типов идиом) и докладом А.Н. Баранова (Москва), затронувшим вопрос о роли внутренней формы в понимании идиомы. Лексико-фразеологические аспекты понимания ставились в докладах Е.П. Буториной (Москва) о понимании аномальных текстов, И.Т. Вепревой и Н.А. Купиной (Екатеринбург) о советизмах на газетной полосе и на схожую тему доклад Е.В. Маркасовой (Санкт-Петербург) и в ряде других. Понимание различных единиц русского и других языков анализировалось в сообщениях и стендовых докладах аспирантов и соискателей О. Масыгиной (Москва), А. Шевелевой, М. Ждановой, Т. Овчинниковой, Ю. Петровой (Москва) и других. А вопросы грамматики ставились в докладе Т.В. Белошапковой (Москва) об аспектуальном фрейме, В.В. Мишланова (Москва) об актуализаторах глагола, Д.А. Парамонова (Омск) о понимании модальных значений. Особого внимания заслуживает прозвучавший на пленарном заседании доклад Н.С. Ивановой (Бургас, Болгария), где анализируются механизмы деривации и их роль в возникновении и функционировании так называемого «потенциального лексического запаса».

Поднимался и вопрос о фонетической составляющей процесса понимания: он был поставлен в докладе Е.В. Ягуновой (Санкт-Петербург), основанном на данных экспериментальных исследований. Механизмы речевой деятельности и их проявления анализировались в докладе Л.А. Ждановой (Москва), Ю.Л. Троицкого (Москва), рассмотревших аспекты непонимания в учебной коммуникации, в сообщении Л. Агрба и А. Котова (Москва), О.Б. Мазуриной (Москва) и др.

Естественно, значительное место занимала проблема формирования механизмов понимания с учетом педагогических аспектов. Этой проблеме был посвящен доклад И.М. Румянцевой (Москва), которой открылась конференция, а также очень интересные сообщения Т.О. Гавриловой, Я.Э. Ахапкиной, М. Елисейевой (Санкт-Петербург), Н.П. Пешковой (Уфа) и др.

Вопросы культурного фона общения раскрывались во многих докладах с разных сторон. Г.Е. Крейдлин (Москва) рассказал о невербальном общении (на этот раз – в финской культуре). О.Е. Фролова (Москва), Н.Т. Тарумова, М.Ю. Михеев (Москва), Н.А. Фатеева (Москва) рассказывали о понимании текстов художественной литературы.

Культурологический аспект в переводе рассматривался в докладах О.И. Максименко, Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой, М.В. Дьячкова (Москва), Н.Т. Нестеровой (Пермь) и ряде других.

Близкими к культурологической проблематике были доклады и сообщения, посвященные вопросам воздействия рекламного текста, где прозвучали интересные доклады Ю.К. Пироговой (Москва), В.В. Кочеткова и А.Н. Соколова (Шуя), Л.Г. Антонова и В.Н. Степанова (Ярославль), а также студентов и аспирантов МГПУ, МГЛУ, ВШЭ, ЯГПУ, выступивших в стендовой сессии.

Из числа докладов, относящихся к другим направлениям, но затрагивающим вопросы языка, следует назвать анализ методов лингвистической экспертизы, выполненный Е.С. Кара-Мурза (Москва, факультет журналистики МГУ).

На «компьютерной» секции внимание слушателей привлек доклад руководителя группы японско-русского автоматического перевода З.М. Шалыпиной (Москва), рассмотревшей роль итерации при понимании – и в компьютерном, и в человеческом общении. Другим докладом, важным и для системы «человек – машина», и для систем «человек – человек» был доклад А.А. Котова (Москва), затронувший некоторые аспекты моделирования эмоцио-

нальных реакций их текстового сопровождения. Е.Г. Борисова (Москва) отметила возможности применения научных достижений к проблеме восприятия информации через компьютер («юзабилити»).

С проблемой понимания связан и вопрос о редактировании текста, который обсуждался на круглом столе, где выступили лингвисты с личным опытом редакторской деятельности: Т.В. Базжина, О.С. Лащук, Л.Г. Викулова (Москва) и редакторы-практики.

Некоторые общие вопросы понимания в речевом общении были рассмотрены в докладах и сообщениях Г.В. Дьяченко (Луганск, Украина), Е.Н. Геккиной (Санкт-Петербург), В.А. Курдюмова, Е.Ф. Кирова, Т.М. Цветковой (Москва) и других.

Как отметили участники на заключительном заседании, общение представителей различных школ, направлений и научных дисциплин способствовало взаимопониманию в работе над общей проблемой. Решено встретиться еще раз в 2011 году, а также продолжить контакты заочно, на страницах специального издания и на сайте в Интернете.

Материалы конференции размещены на сайте МГПУ www.mgpi.ru, готовится к печати сборник докладов.

Е.Г. Борисова
(Москва)